

ИЗБОРСКИЙ клуб

русские
стратегии

№ 7(53), 2017

*«Ради жизни
на земле...»*

*Русская мечта
против Антисистем*

Содержание:

- 2** Александр ПРОХАНОВ.
Вихри Русской мечты
- 8** Русская мечта: преодоление и преображение
(круглый стол Изборского клуба)
- 18** Русская цивилизация против антисистем
(доклад Изборскому клубу под редакцией Виталия АВЕРЬЯНОВА)
ВВЕДЕНИЕ (стр. 19)
1. ТИПЫ АНТИСИСТЕМ (стр. 20)
2. ГЛОБАЛЬНАЯ АНТИСИСТЕМА: ЧЕМ ЭТО НАМ ГРОЗИТ (стр. 28)
3. АНТИСИСТЕМА КАК ОБРАЗ ВРАГА (стр. 32)
4. О «МАЛОМ НАРОДЕ» В СОВРЕМЕННОЙ РФ (стр. 36)
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (стр. 39)
- 42** Четвёртая политическая теория
(беседа Александра ПРОХАНОВА с Александром ДУГИНЫМ)
- 58** Максим МЕДОВАРОВ.
Контуры Русской мечты
- 68** Александр НОТИН.
Антисистема ИГИЛ. Рождение сверхновой
- 76** Мы или они? Украинский «Карфаген» для «Третьего Рима»
(авторский экспертный доклад Сергея БАРАНОВА)
- 90** Виталий ДАРЕНСКИЙ.
Как «утилизировать» русофобскую антисистему?
- 96** Алексей КОМОГОРЦЕВ.
Подъём России – в «длинных» стратегиях
- 102** Владимир МОЖЕГОВ.
Тезисы о консервативном социализме
- 112** Библиотекарь
- 113** Хронология мероприятий клуба
- 114** Стихи Владимира БОЯРИНОВА.
«Не ради нас – грядущей жизни ради...»

Общественно-политический журнал **«Изборский клуб»** № 7(53), 2017 год

Главный редактор – Александр ПРОХАНОВ
Заместитель главного редактора – Александр НАГОРНЫЙ
Заместитель главного редактора – Виталий АВЕРЬЯНОВ
Художник – Василий ПРОХАНОВ
Вёрстка – Дмитрий ВЕРНОВ
Корректор – Елена ОЗЕРОВА

Иллюстрации – Василий ПРОХАНОВ

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Изборский клуб» обязательна

Адрес редакции: Москва, Олимпийский проспект, 16, стр. 1
Офис Изборского клуба. Телефон: (495) 937 78 65
E-mail: redaction@izborsk-club.ru
Адрес для писем: 129110, Москва, а/я 120
Интернет-сайт www.izborsk-club.ru

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-52751

Подписано в печать: 16.11.2017

Отпечатано в типографии ООО «АМА-ПРЕСС»

Тираж 1000 экз. Заказ № 1941

В ряде публикаций настоящего номера упоминаются запрещенные в России организации «Правый сектор», «Меджлис крымско-татарского народа», «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ, ДАИШ), «Джабхат ан-Нусра» (признаны экстремистскими и террористическими).

/ Александр ПРОХАНОВ /

Вихри Русской мечты

Русский народ — мечтатель. Вся история русского народа — это история его мечты. История русских тяжела, непосильна, порой ужасна, но и прекрасна, потому что это — история мечты. В ней среди непочатых трудов и тяжёлых нашествий, непосильного гнёта, среди бездорожья, сиротливых деревень, закопчённых заводов, среди полосатых шлагбаумов и запретных зон сияет мечта — мечта о грядущем царстве, где нет насилия, нет болезней и печалей. Где люди живут, как цветы цветут. Где человек человеку брат, но не только человеку, но и зверю лесному, и птице небесной, и цветку, и звезде. Где всё соткано из любви и блаженства, где нет смерти.

Русская мечта — вселенская. Чтобы её обрести, русский человек шёл за горизонт, создал невиданное государство из двенадцати часовых поясов. За этой мечтой он шёл туда, где, казалось, нет жизни — в сверкание полярных льдов, в горящий огонь пустынь. Соединил хлад и жар, восток и запад, великие реки с великими океанами. Там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное. Эта граница отмечена не пограничными столбами, а иконами. И среди них самая великая и цветущая — икона чудотворной Победы. Среди всех неурядиц сегодняшнего дня, среди распрей, бурлящей злобы, бессмысленных пререканий сияет впереди бриллиантовая звезда Русской мечты, звезда пленительного русского счастья.

Я не так давно побывал в Орле. Город драгоценный для русского сердца. Из каждого просёлка, из каждой дубравы, с каждого монастырского креста, от каждого восхитительного лица веет красотой, добротой, волшебным взором в будущее.

Губернатор Орла Вадим Потомский открыл в посёлке Вятский Посад грандиозный православный комплекс. Дивный храм Сретения Господня, православная гимназия, школа ремёсел, спортивная площадка, детский городок. Благодать для детей. Храм освящал старец Илий, духовник патриарха.

На освящение собора съехались все сословия: местное воинство, офицеры орловского гарнизона, духовенство ближних и дальних приходов, купечество, эти успешные предприниматели, многие из тех, кто в девяностые носил толстые золотые цепи, а потом перекочевал их на золотые церковные купола. Властные городские мужи, профессора, краеведы и множество орловского люда, мужчин и женщин, которые в своих разноцветных платочках напоминали цветы, возросшие вокруг храма.

Русская мечта — вселенская. Чтобы её обрести, русский человек шёл за горизонт, создал невиданное государство из двенадцати часовых поясов. За этой мечтой он шёл туда, где, казалось, нет жизни — в сверкание полярных льдов, в горящий огонь пустынь. Соединил хлад и жар, восток и запад, великие реки с великими океанами. Там, где кончается Россия, начинается Царствие Небесное.

На освящение храма прилетели на вертолётах сильные мира сего. Здесь были глава могущественной госкорпорации «Ростех» Сергей Чemezov, газовый император, председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер, министр здравоохранения Вероника Скворцова, заместитель полпреда в ЦФО Николай Овсянко, депутат Государственной думы Николай Ковалёв и сам губернатор Потомский — один из самых ярких и неординарных губернаторов современной России, окружённый наветами либералов за то, что поставил в центре Орла памятник великому русскому царю Ивану Васильевичу Грозному.

Здесь, в храме, забылись все распри, все сословные неравенства, все мучительные перекося сегодняшнего российского общества. Но это здесь, в храме. А за его пределами — в Москве, Петербурге, других городах — воют автозаки, толпы молодёжи выкатываются волна за волной на Тверскую, на Дворцовую площадь. Протесты, ненависть, взмахи дубинок. Люди протестуют, ненавидят коррупцию, хотят свободы, достоинства и расшатывают кремлёвские стены. Башни шатаются, государству грозит падение. Но это там, за стенами храма. А здесь — мерцание свечей, тихое пение, и пусть иллюзорный, пусть на время служения гражданский мир. Здесь молились и верили.

Среди именитых, облечённых властью персон, среди длиннобородых священников, среди лётчиков и офицеров, иные из которых уже полетали в сирийском небе, я увидел дорогое лицо моего друга Александра Залдостанова, Хирурга, предводителя неистовых байкеров, вожака «Ночных волков». Он был в своём обычном доспехе, увешанном металлическими бляхами и цепями, и казалось, будто он только что слез с мотоцикла. Едва завершится служба, он снова прыгнет в седло и умчится. Быть может, в Польшу, в Германию, неся благую

весть о великой Победе. Или в Севастополь, где в грохоте мегафонов, в сверкании лазеров учинит своё очередное великолепное байк-шоу, напоминающее магическое действие. Этим действием он выкликает желанное русское будущее. Хирург — человек моторов, человек скоростей, человек яростного горения. Горит и сверкает сам и зажигает всё вокруг себя — то, что уснуло, дремало, впало в печаль и уныние. Хирург — человек Русской мечты. Очередное байк-шоу, которое он проводит в Севастополе, называется «Русский реактор». Это не спорт, не цирк, не парад каскадёров, хотя всё это есть в магическом действии. В нём присутствуют живые паровозы, летающие самолёты, грохочущие танки, бессчётное количество мотоциклистов, которые улетают в небо, как космонавты, не приземляясь, носясь по орбите, маня за собою в небеса сотни тысяч зрителей, явившихся на шоу мечтателей.

Да, в России худые дороги. Но они превратятся в автострады. Да, в России мало мостов. Но мост, который тянется в Крым через Керченский пролив, ведёт не просто в Крым — он ведёт в русское будущее, ведёт в Царствие Небесное, в пространство Русской мечты. Да, у нас дурные чиновники, вороватые управленцы. Русская мечта пройдёт по ним метлой. В 1991-м у нас хотели отнять мечту. Мы жили с отсечёнными крыльями, с выколотыми глазами, с топором в спине. Сегодня у нас открылись очи, выросли крылья, со стоном, поводя могучими плечами, мы выдавливаем топор из спины.

Россия — на сносях. Рождается русское будущее — дивный младенец, о котором пелось и рассказывалось в русских волшебных сказках, о котором мечтал старец Филофей, создавая свою теорию «Москва — Третий Рим». Об этом чудесном рождении грезил Толстой, Достоевский, Шолохов, его предрекали русские космисты и пронесли сквозь кровавую бойню русские большевики, протащили на своих окровавленных спинах солдаты и генералы великой войны. Это мечта, которая полыхнула на куполе Рейхстага алым знаменем, а потом унеслась в космос, облачённая в плоть великого русского праведника Юрия Гагарина. Пусть партия власти станет партией Русской мечты. Пусть президент России станет президентом Русской мечты.

Американская мечта — это град на холме. Это крепость, вознесённая на вершину горы, откуда под обстрелом держит все другие города и селения, лежащие в долинах. Это град

превосходства и гордыни, град непомерного владычества.

Русская мечта — это храм на холме. Мы ставим свой храм на вершину горы, чтобы быть ближе к небесам, ближе к Богу. Наша мечта — о счастье и праведности всех русских, всех татар и якутов, всего драгоценного Кавказа, о счастье всего измученного человечества. Русская мечта близко, рядом, она среди нас. Так думал я, глядя в синие глаза стоящей рядом со мной прекрасной женщины. Так думал я, глядя на лётчика, чьё лицо ещё сохранило загар сирийского солнца. Так думал я, глядя на старца Илию, маленького, хрупкого, но в котором пылало огромное негасимое солнце Русской мечты и веры. Так думал я, глядя на Хирурга, осенявшего себя крестным знаменем, и лицо его было мечтательным и одухотворённым, летящим в безоблачную русскую высь. Русская мечта — это скорость света.

Либералы упорно, изо дня в день захватывают всё новые пространства в идеологии и политике. Так разрастаются мхи. Покрывают болота, деревья, памятники, асфальтовые шоссе, закрадываются в жилища. Эти мхи проникают в людское сознание, затаскивают в свои заросли человеческие мысли, побуждения и желания. Либералы готовятся к решающей схватке. Знают время, знают контуры, знают места первых вспышек, которые должны полыхнуть по всей России и срезать власть любой ценой — ценой истребления государства Российского. У либералов есть свои теоретики, свои стратеги, свои финансисты и политехнологи, есть силовики. Либеральные грибницы выходят за границы России, питаются соками могущественных цивилизаций Запада. Эти грибницы крадутся за пределы явной, действующей на виду оппозиции и тайно проникают в правительственные кабинеты, банковские офисы, политические и философские круги. Либералы давно уже вышли за контуры своих обычных либеральных требований: ротация, сменяемость власти, честные выборы, обновление судебной системы, создание инвестиционного климата, развитие среднего и малого бизнеса. Всё это остаётся в силе. Но либеральные агитаторы уже видны среди бастующих дальнобойщиков, отвергающих систему «Платон». Среди взволнованных возмущённых жильцов, протестующих против сноса пятиэтажек, не желающих ехать на выселки, боящихся очередного обмана.

Либералы по-прежнему протестуют против воссоединения России и Крыма, страдают киевской Украине, потерявшей Донбасс. Но теперь они винят государство в экономическом кризисе, в нарастающей бедности, неудержимой коррупции, в произволе чиновников, в неравенстве, что порождает вопиющую несправедливость, в том, что вельможные чиновники отдают своим детям ведущие корпорации и банки. И уже среди либеральных обвинений появляется упрек власти в отсутствии долгожданного развития, о котором всегда говорили патриоты. Теперь это огненное требование либералы прибирают к рукам. Все социальные беды, весь ужас капиталистического олигархизма, о котором должна говорить компартия, критика всего этого перешла в идеологический арсенал либералов. Коммунисты, связанные стратегическим соглашением с властью, отделяются вялыми, не подкреплёнными политическим действием декларациями. Либералы прицеливаются, примериваются — готовятся к решающей схватке. Уже обнаруживаются общие черты их зловещей технологии. В урочный час они призовут на улицы Москвы и Петербурга детей, поведут их в своих колоннах на Кремль и Смольный под дубины национальных гвар-

дейцев и, не дай бог, под пулемёты. «Избиение младенцев» — так звучит либеральный проект перехвата власти. Они полагают, что кровь, пролитая на улицах двух столиц, ужаснёт власть, и та в панике убежит из Кремля.

Что может противопоставить всему этому патриотическая оппозиция? Она мощно сражалась с ельцинской властью в девяностые годы, жертвовала собой на баррикадах. Где она, есть ли она сегодня, эта патриотическая оппозиция? Она растворилась, утратила свои черты. Не стала партией по мере того, как трансформировалась ельцинская власть и возникало путинское государство: патриотическая оппозиция, незаметно для себя самой, примкнула к государству, выбрала своим вождём президента Путина, связала с ним свои мистические чаяния о новой России, закрывая глаза на огрехи и каверны власти. Патриотическая оппозиция не является сегодня той силой, которая бы могла остановить этот ядовитый либеральный натиск.

А что государство? Что оно противопоставляет этой ползучей, из мхов и лишайников, массе? Как может оно остановить мхи, подбирающиеся к стенам Кремля? У власти нет больше денег, чтобы затыкать разрастающиеся дыры бюджета. Израсходованы обе-

щания, данные властью в прежние времена, но так и не выполненные. Власть не в силах сломить коррупцию, которая является частью государственной машины России.

Власть противопоставляет либералам силу, Национальную гвардию, создаёт рыхлые организации типа «Антимайдана» и «Наших». Формирует эфемерные «Народные фронты», занимающиеся благоустройством детских площадок. Уповает на телеканалы, где месяцами бурлит мутное варево светских скандалов и досужих сплетен. Власть не может запустить долгожданное развитие, потому что для этого у государства нет денег: они уходят за границу. Нет экономической модели развития, а есть либеральная модель Набиуллиной и Силуанова, которая исключает преодоление кризиса и одоление бедности.

Где государству взять тот ресурс, который необходим уже сейчас в современных идеологических схватках, политических баталиях, в культурных и информационных сражениях?

Где тот ресурс, не покрытый мхами, не захваченный либералами? Этим ресурсом является Советский Союз — гигантская Красная эра, которая утратила свои материальные формы, свои структуры, свои политические и идеологические технологии, но остался дух, неувядающая память. Осталось таинственное зарево, которое и сегодня занимает полнеба. В этом зареве, в этой мистической памяти и мистическом ожидании таится то, что именуется Русской мечтой, что было явлено в русской победе, что лежит в основе самого существования государства Российского как в древние времена, так и ныне.

К Советскому Союзу уже потянулись руки либералов. Но они обжигаются, касаясь Ленина или Сталина. Они начинают выискивать в советском прошлом те элементы, которые могли бы им пригодиться в схватке за нынешнее государство Российское. Уже сложены в либеральном стане речи о великой советской культуре, великом советском кинематогра-

Где государству взять тот ресурс, который необходим уже сейчас в современных идеологических схватках, политических баталиях, в культурных и информационных сражениях? Где тот ресурс, не покрытый мхами, не захваченный либералами? Этим ресурсом является Советский Союз... Советская эпоха таит в себе самое ядро русской цивилизации, которая перетекала из века в век, из царства в царство. Это ядро — заповедная Русская мечта, в которой русский человек стремится к идеальному бытию, праведной возвышенной жизни, к обретению братства и справедливости, полагая, что в этом идеальном, одухотворённом великими ценностями бытии будут прекрасные дороги, крепкие дома, плодоносящие поля, будут процветать ремёсла и станет непобедимым воинство. Сегодня, сберегая Родину, сберегая себя самое, пусть власть обратится к Русской мечте, к высшему смыслу, который, будучи провозглашён, начнёт приводить в гармонию тот хаос, в котором мы сегодня пребываем.

фе, великой советской музыке. Но огромный материк, именуемый «СССР», не подвержен заражению мхами. Мхи никогда не сядут на гранитный кристалл мавзолея.

Власть чувствует громадный потенциал советского прошлого, пытается им воспользоваться. Значки ГТО, звания «Герой Труда», майские демонстрации с флагами и шариками, великие парады Победы... Но все эти стремления поверхностны, не улавливают в себя то, что именовалось советской эпохой. Советская эпоха таит в себе самое ядро русской цивилизации, которая перетекала из века в век, из царства в царство. Это ядро — заповедная Русская мечта, в которой русский человек стремится к идеальному бытию, праведной возвышенной жизни, к обретению братства и справедливости, полагая, что в этом идеальном, одухотворённом великими ценностями бытии будут прекрасные дороги, крепкие дома, плодоносящие поля, будут процветать ремёсла и станет непобедимым воинство. Появятся

книги и музыка небывалой красоты и силы. Русская мечта — это свод представлений, почерпнутых из старинных народных сказок, из великих трудов богословов, из книг литературных пророков, из трудов революционеров и русских космистов.

Сегодня, сберегая Родину, сберегая себя самое, пусть власть обратится к Русской мечте, к высшему смыслу, который, будучи провозглашён, начнёт приводить в гармонию тот хаос, в котором мы сегодня пребываем. Закроет путь либералам, которые в случае реванша, в случае захвата Кремля устроят небывалый погром, перед которым померкнет погром 1991 года.

Русская мечта — вот идеология государства Российского. Вот предвыборная программа президента Путина. Вот цель наших духовных исканий. Русская мечта рядом. Протяни руку — и достанешь её. Но едва коснёшься — она улетит в грядущее. Эта таинственная мечта, это русское чудо даны в сбережение мистическому народу.

Русская мечта: преодоление и преображение

(круглый стол Изборского клуба)

Александр ПРОХАНОВ,
председатель Изборского клуба:

— Государство Российское, которое начало выстраиваться после беды 1991 года, преодолевает ряд фаз, ряд ступеней, цепляясь за эти ступени и восходя далее. С этим восхождением связано стремление перепрыгнуть чудовищный исторический разрыв, перенести в настоящее из советского прошлого его элементы, его дух. Такой идеологической задачей является перенесение религиозного смысла Победы 1945 года из советского прошлого в нынешнее. Этой же идее служит музыка советского гимна.

В целом восстановительная программа, которая была запущена Путиным, реализовывалась в двух направлениях, которые символически можно обозначить словами: алтари и заводы. Алтари и престолы вместе с их молитвенниками — это способ защиты России от тёмных, гнетущих, адских сил, которые продолжают воздействовать на наш социум. А оборонные заводы, которые возрождены после краха, после абсолютного истребления 90-х, строят земное оружие. Присоединение Крыма явилось для нас как нечто чудовищное, непредсказуемое, волшебное, светоносное, — оно воспринято было всем нашим народом как ниспосланная благодать, как некий аванс, который дан нам на будущее. Ведь после 1991 года мы только отдавали, мы только теряли, мы только печалились. А вот теперь вернули себе, как сказал президент, сакральный центр государства Российского вместе с Херсоном и Крымом.

Но вся эта динамика, вся эта поступь, мучительная, противоречивая, с остановками и отступлениями, предполагает устремление вперёд. Куда? К какой звезде? К какому све-

ту, к какому сиянию? И вот это таящееся в будущем свечение, сияние манит и освещает собой любую русскую душу, любое поколение русских людей, а также любую формацию, в которую отливается наша Империя. Первая ли — Киевско-Новгородская, вторая ли — Московское царство, третья ли — Романовская, Петровская, четвёртая ли — Красная, сталинская, и нынешняя — ещё робкая, ещё не достигшая своих очевидных результатов. Пятая империя.

Россия живёт этой мечтой, потому что, мне кажется, русский — это один из самых мечтательных, самых заоблачных народов, который всё время заглядывает за горизонт, и в своем движении к этой таинственной мечте или таинственной звезде уходит за три моря, достигает океанов, достигает Северного полюса. Недаром Россия столь велика и огромна — это результат того, что русские очарованы этой пленительной путеводной звездой.

Мечта отличается от цели тем, что цель конкретна, она описывается математически, она описывается прагматическими методами, причём для неё выстраивается алгоритм её достижения, в том числе время достижения этой цели. Так, например, Никита Сергеевич Хрущёв обозначил, когда мы построим коммунизм. И когда этот срок вышел, а коммунизма мы не достигли, когда мы потеряли из виду эту таинственную, похожую на сновидение мечту, возникло колоссальное разочарование и огромная профанация.

Русская мечта — это категория во многом метафизическая, может быть, даже религиозная. Как её нащупать? Как её оценить? Как наметить её контуры? Видимо, она невыразима в экономических категориях.

Мне кажется, она выразима скорее в религиозно-философских категориях, и её можно было бы почерпнуть, например, из русских волшебных сказок, в которых на мифологическом уровне русские формулировали своё мечтание о правде, о справедливости, о бессмертии, о жизни вечной, о победе райского, светоносного над адским, тёмным, угнетающим. И в этих сказках очень много связано и с характером цивилизации, который грезился русскому человеку. Там и скатерть-самобранка, которая снимет проблему голода и вечной борьбы за существование, и ковёр-самолёт, который решает проблему огромного пространства, непреодолимых расстояний. Русская мечта, как Иван-царевич, кидалась то в молоко, то в кипящую смолу, то в кипятки, — каждый раз выныривая в новом, более красочном и светоносном облике.

Эту мечту можно найти в философии старца Филофея, который провозгласил теорию «Москва — Третий Рим», ибо он в своих посланиях к Василию III говорил, что задача государства Российского не только и не столько в стяжании казны, в увеличении своих территорий, в усилении войска, в росте достатка, сколько в сбережении православия, — имея в виду не храм как таковой, не обряд как таковой, а вот эту райскую сущность православия, упование на бессмертие, упование на Царство Божие.

Русскую мечту проповедовали великие русские художники, богоискатели, а также русские революционеры, которые затеяли вот эту огромную «красную эру», по пути переломав огромное количество русских костей, что, быть может, и погубило саму эту великую затею. И, конечно, Русскую мечту олицетворяют

космисты, такие как Николай Фёдоров, который утверждал возможность человеческого бессмертия, но в том случае, если, конечно, человеческое преображение, эта мистерия человеческой души будет соединена с огромным научным и экономическим рывком.

Американская мечта имеет свою метафору, имеет свою образность, она определяется как град на холме. Это величественная метафора, великолепно описывающая американскую историю, американский образ будущего. Американцы поднимают свой град, свою крепость, свои бастионы на холм, на гору, чтобы с этой высоты были видны все долины, все населяющие эти долины народы, все другие поселения, и с этой высоты можно было бы не только наблюдать за ними, но, если угодно, и обстреливать их с такой удобной артиллерийской позиции.

Русская мечта, как мне кажется, может быть определена метафорой — храм на холме. Потому что храм, построенный на холме, приближает алтарь к небесам. То есть Русская мечта стремится своими задачами не столько в долины, где живут непокорные или уже покорённые народы, сколько в небеса, где русское сознание черпает возвышенные смыслы о существовании всего земного — и России как таковой, и человечества, и, может быть, всякой жизни.

И я думаю, что, если бы нам удалось хотя бы отчасти сформулировать эту мечту так, чтобы она имела такой захватывающий характер, чтобы она будила воображение русского человека, чтобы она будила глубинные русские коды, — может быть, на основании вот этих открытий, этого рвения, этих стремлений мы смогли бы втянуть и включить в свою духовную работу боль-

шие массы русских людей, которые сегодня унывают, склонны к великой печали, перестают верить в солнце Крыма, затахают на глазах. И, может быть, на основании Русской мечты можно было бы учредить такое дочернее по отношению к Изборскому клубу движение. Я представляю себе, что в наших регионах возникает такое движение — «Русская мечта», собирающее в свои ряды молодых и старых, занимающихся вот этой проповедью, этой благой вестью.

Созданный Владимиром Владимировичем Путиным Народный фронт чистит помойки, например, или ловит за руку нечестных околотовных. Это хорошая работа, конечно, но она не связана с этой огромной, стоящей перед нашей родной задачей. Поэтому движение «Русская мечта», наполненное молодыми проповедниками, адептами русского будущего, русского духа, — это вполне возможный результат нашего сегодняшнего обсуждения.

Виталий АВЕРЬЯНОВ,
*заместитель председателя
Изборского клуба, доктор
философских наук:*

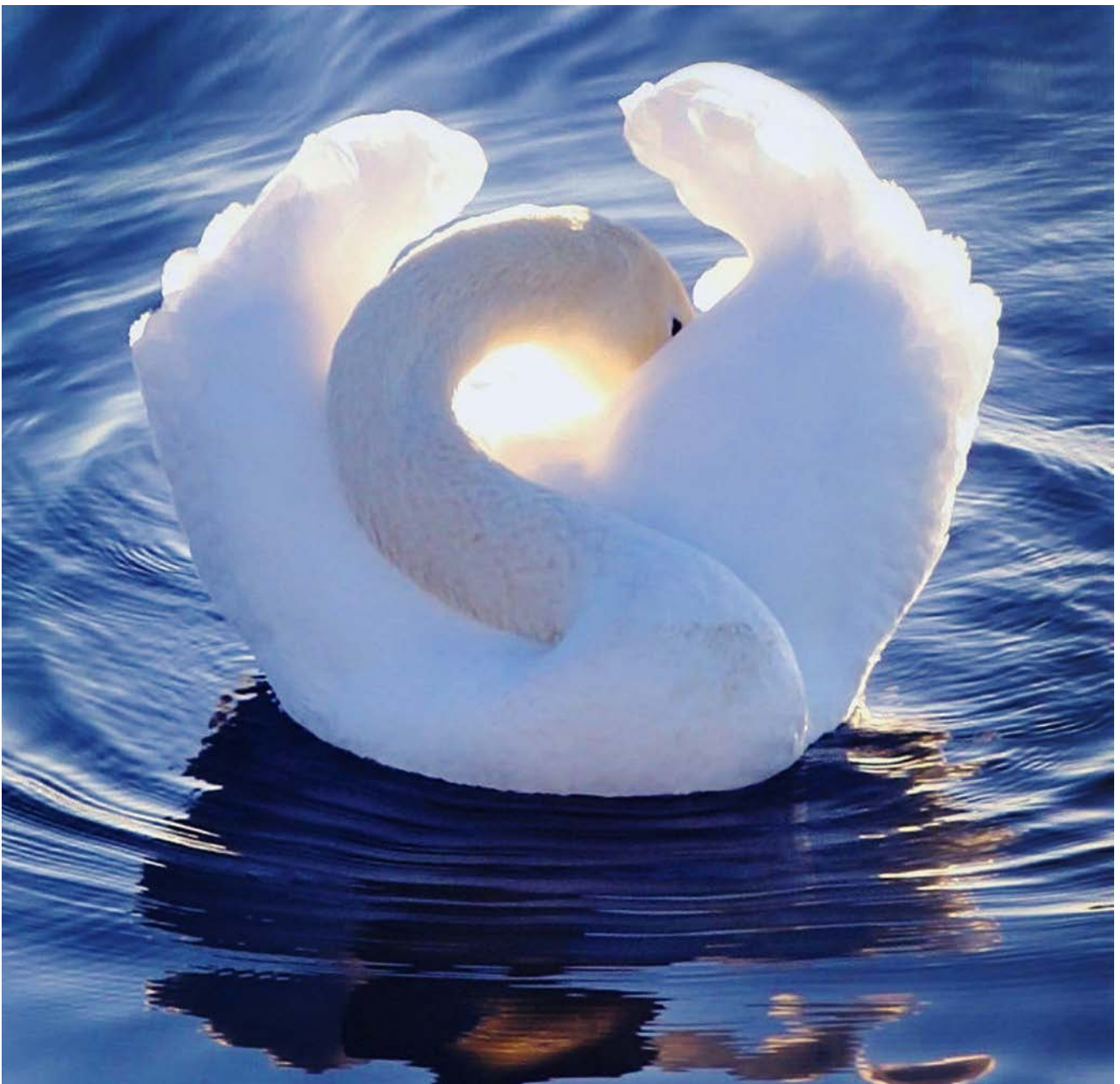
— Оттолкнусь от слов о Народном фронте. На первом учредительном съезде этого движения, куда нас пригласили, помню, после пленарного заседания нас потом там разбили по секциям, рассадили группами человек по сто, наверно, и вот я вам рассказываю, что я там увидел. Практически все новоявленные члены ОНФ обращались в президиум приблизительно с одним и тем же посылом. Вставал врач и говорил: у нас медицина в тяжёлом положении, нам нужно помочь. Потом вставал крестьянин и говорил: у нас сельское хозяйство в загоне, помогите. Потом вставал музыкант и го-

ворил, что нужно помочь нашему российскому искусству. В общем, это было ужасно, это было похоже на раздирающее существование пирога.

Но я выступил, как водится, совершенно в другом ключе, предложил системное решение относительно миссии ОНФ в современном политическом пространстве, чем, как мне показалось, вызвал некоторую лёгкую оторопь и возбуждение в президиуме. Одна часть заинтересовалась, а другая часть сразу стала сопротивляться, причём не по существу, а по форме, так сказать, бюрократическими методами. Там сидел какой-то молодой куратор секции, молодежь меня парень, и сказал: нет, это не пройдёт точно, потому что я просто обладаю точной информацией, что такое не пройдёт. Таким образом, этот вопрос был закрыт. С тех пор я больше на их мероприятиях не бывал.

Почему я вообще об этом вдруг заговорил? Потому что вопрос о движении «Русская мечта» в последнее время буквально нас преследует. Стало больше приходить людей, представляющих общественные течения и движения, которые тянутся к Изборскому клубу. Мне кажется, сейчас должны появиться харизматики, и нужно искать таких харизматиков на местах, чтобы на выходе получались не просто дискуссионные клубы. Нужно чтобы эти люди были способны изборской искрой, искрой Русской мечты воспламениться и понести её дальше. Именно это и могло бы стать реальным народным движением.

Для русского человека всегда вопрос о продвижении в будущее, о том, чтобы решить какую-то стратегическую задачу, начинается с необходимости отмотобилизоваться. Русскому человеку очень трудно внутренне собраться и организовать

ся, не имея образа супостата, не имея образа врага, который, что интересно, должен обязательно иметь большой масштаб. Потому что если враг маленький и несущественный, это не является никогда в русской истории достаточным мобилизующим фактором.

Де-факто мы существуем сегодня в условиях конкуренции образов будущего. И в особенности это заметно, например, когда мы говорим про антисистему, действующую внутри

Русского мира. А внутри Русского мира действует, можно даже сказать, три антисистемы, связанные между собой.

Это, во-первых, украинская антисистема, которая нацелена на окончательный распад Русского мира. Она и была задумана как начало такого демонтажа в случае полного успеха Майдана, то есть выхода Украины из Русского мира вместе с Крымом, вместе с Донбассом. Тогда итоги 1991 года должны были быть зафиксированы, и это

должно было спровоцировать территориальный распад РФ. Информация об этом содержалась в утечках, которые произошли из западных спецслужб достаточно давно.

Второй аспект — это московская, уличная антисистема, которая время от времени усиливается, потом ослабевает. В сущности, это та же самая энергия, что и Майдан.

Наконец, третий аспект — это московская властная антисистема, которая, конечно, яв-

ляется не только московской, но всероссийской. Это страшная проблема, которая сидит внутри Русского государства, с которой мы живём, с которой мы и боремся. Изборский клуб в значительной степени возник для того, чтобы осмыслить эту проблему, попытаться дать ответ, как с этим быть и как изживать эту антисистему.

Сама постановка вопроса о том, как противостоять вот, к примеру, украинской версии, которая сделала главными своими лозунгами и мемами «Мы – Европа!», главное – это евровизы, а всё остальное вторично, – указывает на связь этой части антисистемы с внутрирос-

сийскими частями. Примерно те же лозунги у «пятой колонны», у уличной оппозиции, примерно такое же мировоззрение у властной элитарной, олигархической антисистемы. Все они противостоят «вате», «ватникам», ненавидят их и рассматривают Запад в случае чего в качестве своего убежища.

Значит, это действительно одна антисистема, просто разветвлённая. Тогда получается, что только через образ будущего, причём именно стратегический, связанный с глобальным замахом Русской цивилизации, можно этому противостоять, хотя бы даже на информационном уровне.

У Льва Гумилёва тема антисистемы практически исключительно работает по двум параметрам: религия и этнос. Гумилёв принципиально не занимался тем, что было после позднего Средневековья. Его ученик, покойный Владимир Махнач, который являлся одним из авторов нашей Русской доктрины, пришёл к выводу, что начиная с XIV века на смену старым религиозным и этническим антисистемам пришли новые антисистемы, которые отличаются тем, что их ненависть обращена не на мироздание вообще, а на конкретную культуру. Именно с такими антисистемами, говорил Махнач, мы имеем дело по сию пору.

На мой взгляд, сейчас уже идёт третий виток развития этой исторической заразы. Он связан с тем, что сформировалась глобальная антисистема, и она использует сегодня как прогрессистские, так и архаические модели для хаотизации мира, совершенно не гнушаясь тем, что ещё лет 50 назад казалось бы её носителям чем-то недостойным, «непрогрессивным» и т.п. Сегодня они создают и опощряют такие мощные структуры, как ИГИЛ, несмотря на то, что на поверхностном уровне ИГИЛ враждебно по своей идеологии основанным целям и стратегиям глобальной гностической антисистемы. Но это только на поверхностном уровне, потому что чистильщики, пушечное мясо войн не обязано идеологически коррелировать с заказчиками и выгодоприобретателями. Цинизм антисистем, который был им свойственен всегда, приобретает сегодня особенно изощрённый характер. И если говорить об исламском мире в целом и о Ближнем Востоке как регионе, то там происходит жутчайшая трагедия, может быть, одна из самых жутких за всю историю исламской цивилизации. Там сегодня осуществляется мощнейшее развитие продуктов антисистемы химерического типа, в частности, через террористическое государство.

Поэтому Русская мечта сегодня имеет максимум шансов победить. Если бы антисистема была только региональной, этого, честно говоря, было бы недостаточно, чтобы возбудить русский гнев достаточной силы.

В чём отличие русского подхода от китайского и индийского? Китайцы, индусы всё-таки удовлетворяются тем, что решают свои проблемы, решают их у себя дома. Если антисистема приходит в Индию, индусы её умело купируют, как это про-

изошло 5 лет назад, когда было закрыто в Индии 4000 западных НКО. Сами индусы об этом не кричат на каждом углу, но они действуют во внутренней политике гораздо жёстче, чем, например, РФ.

Отличие Русской мечты заключается в том, что если мы рано или поздно возьмёмся-таки за проблему глобальной антисистемы, то мы будем решать её в глобальных масштабах. Почему Россия воюет в Сирии? Почему она воюет с ИГИЛ? Россия даже в этих странных условиях, когда её государство и экономика сами наполовину поглощены антисистемой, все равно выполняет эту свою вечную миссию — аннигиляции антисистем. Решает эту задачу пусть не должным образом, не так, как нам хотелось бы, не вполне осознанно даже, но всё-таки история ставит её на те же пути, которыми она шла всегда.

Леонид ИВАШОВ,
президент Академии геополитических проблем, доктор исторических наук:
— По поводу движения. На первых заседаниях мы пытались определить, что есть Изборский клуб. Когда мы образовывались, мы говорили, что мы некий интеллектуальный избранный клуб. И, наверное, эту миссию нам и нужно нести. Мы должны давать объективный анализ того, что творится в мире, должны определять состояние России сегодня и то, чем она сегодня хочет стать, искать свое будущее. Всё-таки движение — это совсем другой формат, другой замысел.

Миссия Русской цивилизации — быть регулятором отношений между Западом и Востоком, не давать претендентам на мировую власть осуществлять эту претензию. Мы не должны стать плавильным котлом для народов, а быть для всех

сотен российских народов соборным местом, где собираются все на равных правах. Исторически сформировались у нас две геополитические доктрины, первая: «Москва — Третий Рим», а затем евразийская доктрина. Величие Сталина было в том, что он эти две доктрины соединил. Может быть, даже в советском проекте от «Москвы — Третьего Рима» было гораздо больше, чем при царе. И когда это соединилось с евразийством, энергия всех народов сосредоточилась, и мы творили чудеса.

Внешняя политика сегодняшней России, которую Путин проводит, во многом соответствует этим двум доктринам и мессианской сущности нашей цивилизации. Мы двинулись в Сирию и понесли идею спасения исламской цивилизации, пошли мирить исламский мир. Внутри же, особенно в экономике, создана система как некий карикатурный образ дикого капитала Запада. Здесь Россия сегодня стоит на растяжке, на разрыве. Существующее правительство представляет олигархический капитал, тесно связанный с Западом, и это правительство наполняет карманы олигархов за счёт фискальной политики, направленной против собственного народа.

Нам необходимо сформулировать геополитический проект, в котором будет честно признано, что Россия сегодня неконкурентоспособна в экономике и при этом она является империей интеллекта, справедливости, чести и международной безопасности. Нужно сформулировать такой проект и нести его в массы. Сегодня 68% населения, по данным Левада-Центра, хотели бы вернуться в СССР. Таким образом, идея возвращения к цивилизационной миссии и соответствующему политическому курсу в стране уже вызрела.

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ,
профессор, доктор физико-математических наук:

— Если мы посмотрим на прошедшее время, последние десятилетия, то надо сделать очень горький вывод, что капитализм и Россия несовместимы. Будет либо капитализм — и тогда не будет России, либо будет Россия — и тогда не будет капитализма. Особенность нынешней ситуации заключается в том, что наша правящая элита и Владимир Владимирович никак не могут сделать выбор: либо туда, либо сюда. А выбор делать придётся. Поэтому, на мой взгляд, первая мечта, чтобы выбор был, наконец, сделан. Потому что если выясняется, что капитализм — это ровно то, что надо, тогда открываются возможности с ним всерьёз бороться. А если выбирается Россия — это совершенно другой разговор.

Вторая мечта, и я думаю, что её разделяют все, это чтобы у нас изменилась структура власти. Как она формулируется сейчас? Она формулируется очень просто, по принципу: давайте мы построим власть так, чтобы мерзавцы были исполнителями; на каждого есть крючок, на каждого есть компромат, и если мерзавец помещён на это место, он будет делать ровно то, что ему велят. Это принцип плохой разведки, потому что за совесть работают вообще-то лучше, чем за страх. Поэтому, когда мы смотрим, как, скажем, обращается Владимир Владимирович с нашим правительством, меня не покидает ощущение серпентария и что перед нами выдающийся укротитель змей. Но такая система неэффективна.

С народом обращаются, как с детьми. У нас исчезла рациональная информация с телевидения, из СМИ. У нас нет цифр. Мы находимся на уровне

«хорошо — плохо». Как говорил Эрик Берн, в каждой личности есть уровень ребёнка, который полагает, что есть начальство, которое его защитит и скажет, что надо делать; уровень родителя, который следует традиции (раньше делали так, и мы будем делать так же), и уровень взрослого. На мой взгляд, спасение России заключается в том, чтобы в России стало больше взрослых людей, а именно ответственных людей и людей объективных, понимающих, что в сфере своей ответственности ни президент, никто другой не решит их проблем.

Теперь о будущем. Сейчас в мире есть два проекта: это мир потребителей и мир творцов. Поскольку потреблять в нынешнем режиме планета уже не может, то это означает: либо технологический прорыв, либо мировая война. На мой взгляд, наша цивилизация должна в будущем отстаивать выбор творцов. Более того, у нас для этого есть все возможности. Я приведу только один пример. Холодильник ЗИЛ, который у меня стоит, работает 60 лет. Я навёл справки. Он в 3 раза более эффективен, чем японский. На каждую калорию холода он потребляет в три раза меньше электричества, чем японский, но он-то работает 60 лет, а японский рассчитан на 3 года. Сейчас отстроен мир одноразовых стаканчиков, который пришёл на смену тому миру, который мы строили.

Наш мир в семидесятые годы свернули от экстравертной цивилизации. От Луны, от космоса, от науки его свернули в виртуальное пространство, для того чтобы ещё раз повторить XX век, остановить историю, сохранить капитализм. На мой взгляд, ситуация такова: нам надо вернуть экстравертность нашей цивилизации. Нам в перспективе вновь надо вернуться к звёздам, и тог-

да именно на этом пути, я думаю, то самое чудо, о котором любит писать Изборский клуб и газета «Завтра», и состоится.

Виталий АВЕРЬЯНОВ:

— Маленький вопрос. Георгий Геннадьевич, скажите, как можно увеличить количество взрослых людей в стране?

Георгий МАЛИНЕЦКИЙ:

— Очень просто. Знаете, мне кажется, очень важно не врать и не подавать руки подлецам. Это работает великолепно. Я в своё время на совещании в Институте проблем управления поинтересовался у Березовского, говорил ли ему кто-нибудь, что он подлец и мерзавец. Он страшно удивился. Видимо, я был первый. Тут речь шла о двух народах, о тех людях, которые душат Россию. У нас до сих пор замазывают пропасть между людьми, которые хотят Россию поднять с колен, с одной стороны, и другими, которые хотят на обломках России отстроить своё мелкое состояние. На мой взгляд, эту пропасть надо очень чётко видеть и подчёркивать.

Олег ПЛАТОНОВ,
директор Института русской цивилизации, доктор экономических наук:

— Безусловно, мечту определяют цивилизационные основы. Хотелось бы сравнить хотя бы мечту западной цивилизации, германо-романской, и мечту русской цивилизации. Для западной, германо-романской цивилизации это индивидуализм, это предпочтение материального над духовным, это завоевания в отношении с другими государствами и народами. Для русской цивилизации это неразрывность веры и жизни, это добротолюбие, это нестяжательство, преобла-

дание духовно-нравственных элементов жизни над материальными, это соборность.

И когда мы начинаем определять, как же идёт развитие, скажем, Русской мечты, и как идет развитие западной — оно идёт так, как оно шло в течение многих тысячелетий от момента создания цивилизаций. Не может быть новых цивилизационных проектов, это моё глубокое убеждение. Новые проекты — это развитие старого.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что развитие Русской мечты реализовывалось и в советский период. Мечта о коммунизме тоже в основе своей списывалась с той мечты, которая была свойственна русским с глубокой древности. Только развитие души, освобождение от греха даёт возмож-

ность человеку русской цивилизации сделать правильный выбор. В этом и состоит мечта человека русской цивилизации — Царствие небесное.

Если говорить о стратегической мечте, и это отмечали многие наши учёные и мыслители, в частности, Карсавин: любое общество, стремящееся к осуществлению православного духовного идеала — стремится к объединению государства и церкви, к тому, чтобы они стали единым общим духовным пространством. Это, можно так сказать, наша сверхмечта. А промежуточная мечта для Русского мира — это вывести человечество из того одностороннего, однобокого развития, которое навязал человечеству Запад с его погоней за вещью, за материальным.

Виталий САУЛЯК,
*вице-президент Академии
геополитических проблем,
предприниматель:*

— Поскольку Изборский клуб является сообществом во многом академическим, сообществом высоколобых, то хотелось бы вас немножко укорить: не поздно ли вы обратились к такой важнейшей теме, как мечта? У нас в бизнесе тоже есть свои аналитические группы, и мы изучаем всё, что пишут наши интеллектуальные центры. Мы ещё 20 лет тому назад сформулировали, так же, как все солидные корпорации, свой кодекс деловой этики. В основе кодекса деловой этики лежит в первую очередь миссия, мечта, то, ради чего создаётся бизнес. После миссии идёт концепция, разработанная для данной компании.

После концепции разрабатывается подробная структура управления и т.д. Структура управления предусматривает в первую очередь подбор кадров на управленческие позиции. Это должны быть пассионарии, харизматики, в хорошем смысле «сумасшедшие». Если нет таковых, то бизнес загнётся, нужно, чтобы кто-то его двигал вперёд.

От вас сегодня ожидают не больше и не меньше как национальную идею. И в принципе в ваших разработках, к примеру, Института динамического консерватизма, все основные составляющие уже есть, вся подготовительная работа уже проделана. Сегодня важно выдвинуть стержень, которым должен стать, на мой взгляд, духовный национализм. Очевидно, что с православной основой, поскольку нас, русских людей, 78% в России. Такой стержень позволит русским православным без всяких оговорок создавать общинное жизнеустройство.

У нас сегодня в стране нет системы управления. Президент пытается создать систему программно-адаптивного управления: это когда вождь выходит к массам и получает какую-то обратную связь. При этом доминирует централизованная мафиозно-клановая система, которая является феодальной по существу, а коррупция в ней тотальна. Поэтому у нас сегодня колоссальный запрос общества для того, чтобы вы, господа, сформулировали национальную идею, сформулировали, что такое нация, организовали эту нацию идеологически.

Глазьев сказал правильно: если нет нравственной идеи в бизнесе, то перестроить экономику, перестроить финансово-экономическую и политическую систему невозможно. У нас сегодня сжатие денежной массы

таково, что не только развитие, но и самосохранение среднего бизнеса в стране становится нереальным. Деньги утекают за рубеж, в России их нет, рубль девальвируется. У нас сегодня нет программы научно-технического перевооружения. Причина всему этому — квазиэлита, которая является ведомой со стороны мировой закулисы. Она не является самостоятельной, и поэтому она не является национальной.

Запад делает форсайт-проекты с временным лагом 50 лет, потому что если у вас есть триллионы долларов, то вы можете уверенно планировать на десятилетия вперед. Для России ими была запрограммирована модель сырьевого прироста. Сырьевая же ориентация в экономике ведёт к деградации экономической и политической системы. И чем больше сырьевых отраслей в валовом внутреннем продукте, тем больше деградация. Это связано с тем, что в таком обществе наука не развивается. Мы отстали на 30–40 лет даже в сферах газохимии, нефтехимии, хотя это передовой локомотив России. Причина здесь в том, что сырьевая олигархия не зависит от эффективности производства. Она получает ренту. Нефть и газ зависят только от мировых цен, поэтому на производительность труда олигархии тоже наплевать. Никто не собирается формировать новую систему управления. В настоящее время разваливаются тысячи подрядных и других организаций, работающих в этом самом энергетическом, нефтегазовом секторе.

На Западе нет никакого мирового экономического кризиса, о котором нам рассказывают. Есть везде рост экономики, и есть везде фундаментальное продвижение науки в сфере высоких технологий. Если нет технического развития, то от-

сутствует стратегическое и геополитическое планирование, проектирование и управление. Приведу пример про мою родную Украину. Современное состояние Украины профинансировала российская элита. Мадам Юлия Тимошенко, она же Григян, она же Капительман, в 1996 году пришла к Виктору Степановичу Черномырдину и по звонку Альберта Гора получила 20 миллиардов кубометров газа. До этого они продали весь Черноморский флот вместе с Лазаренко, посадили Лазаренко в тюрьму, капитал присвоили. Следующий этап — 20 миллиардов кубометров газа давали примерно полтора-два миллиарда долларов мадам Капительман. Половина доставалась российскому олигархическому криминалу, половина оставалась там. С первых же дней Тимошенко вместе с другими олигархами начала финансировать создание боевых бандеровских ОУНовских отрядов. Таким образом, с 90-х годов российский газ был источником формирования бандитских батальонов. Затем эту же линию продолжил Фирташ и т.д.

Почему нужно потратить 50 миллиардов долларов на Сочи, а не потратить эти деньги на формирование своей политической силы на Украине? Кроме этого, были другие десятки и сотни миллиардов долларов, которые в это время экспортировались за рубеж. Я уж не говорю о том, что на Украине 70% энергетики принадлежало нашим финансовым группировкам. А все потому, что у нас доминирует взгляд на политику с точки зрения криминального интеллекта, а не элементарной геополитики. Не было велено «колониальным правительством», чтобы там происходили какие-то пророссийские или прославянские изменения в пользу России. Конечно, Крым —

это утешительный приз, но это одна семнадцатая часть Украины.

Теперь мы кинулись в Китай. Экспорт газа в Китай низкорентабельный, и поэтому он вынужденный с точки зрения поиска какого-то евразийского пространства и поиска новых партнеров. Это говорит о том, что у нашей элиты есть некоторое здоровое крыло, на которое мы можем надеяться, а всё остальное — это компрадорская космополитическая буржуазия, составляющая сегодня большинство.

По отношению к 1990 году у нас осталось 3% тракторо-

строения, 4% текстиля, 9,7% комбайнов и так далее. То есть промышленность уничтожается. Сегодня «Газпромнефть» не может найти подрядчика. Я строил новый порт, из 48 подрядчиков осталось два — все остальные 46 обанкротились. Сегодня не могут найти компаний на обустройство месторождений, потому что все обанкротились.

Что такое малый и средний бизнес? Это придаток развитой индустрии, промышленности. Если услуги малого и среднего бизнеса не нужны крупной промышленности, то его просто не будет. За 2016 год в малом

и среднем бизнесе число занятых уменьшилось с 17 миллионов до 15. У нас сегодня 70 миллионов человек живут за чертой бедности, и их отряд пополняется за счёт тех людей, которые выдавливаются из экономики в ходе сжимания среднего бизнеса. Поэтому можно сказать уверенно, что сегодня средний бизнес является союзником всех здоровых общественных сил в стране.

Вывод: дайте нам национальную идею, дайте нам национальную доктрину, и тогда русский народ пойдёт вперёд — и победит.

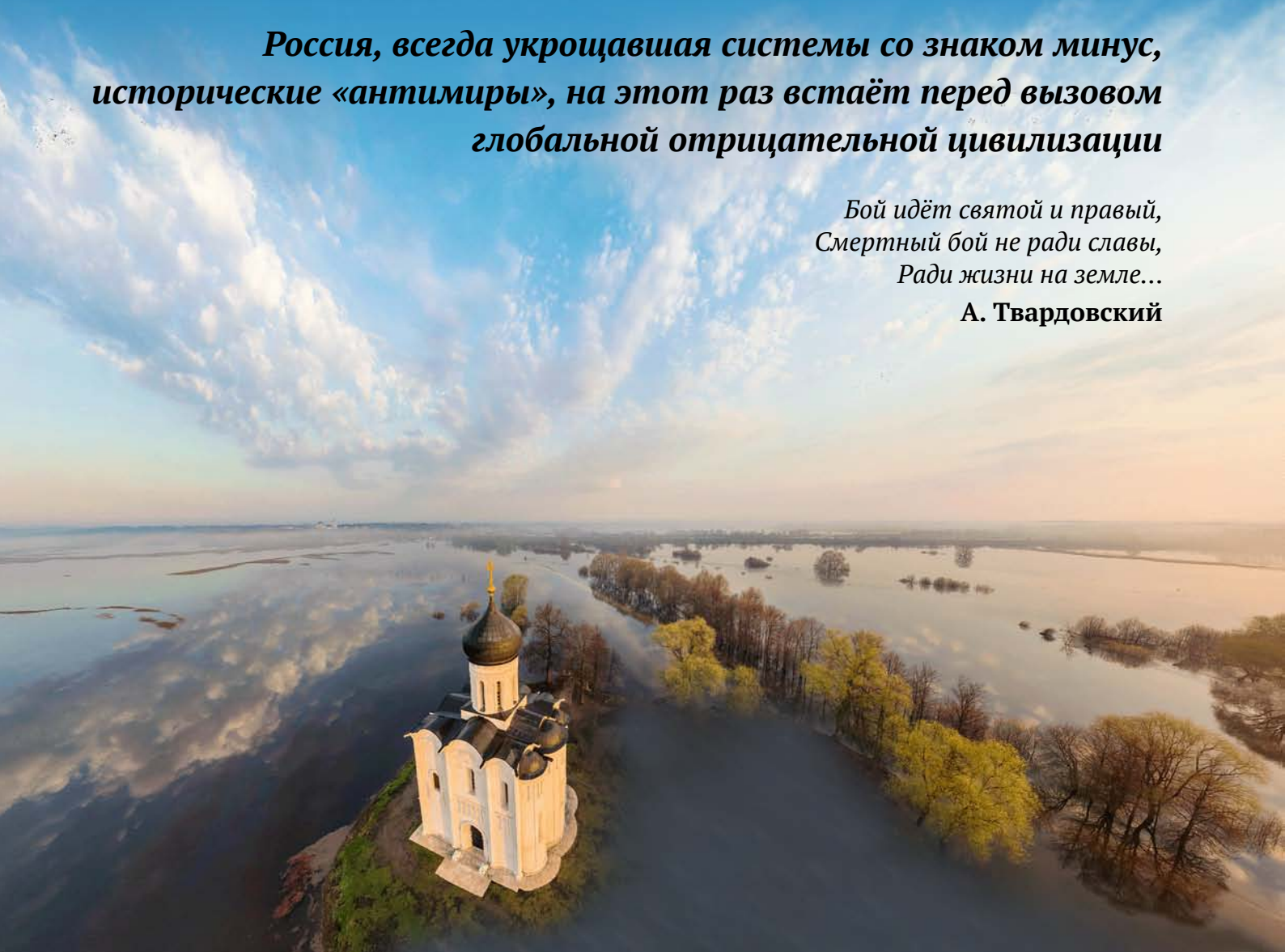
Русская цивилизация ПРОТИВ АНТИСИСТЕМ

*Доклад Изборскому клубу
под редакцией Виталия АВЕРЬЯНОВА*

*Россия, всегда укрощавшая системы со знаком минус,
исторические «антимирь», на этот раз встаёт перед вызовом
глобальной отрицательной цивилизации*

*Бой идёт святой и правый,
Смертный бой не ради славы,
Ради жизни на земле...*

А. Твардовский

ВВЕДЕНИЕ

Понятие антисистемы, разработанное Л.Н. Гумилёвым, получило достаточно широкое признание в социальных науках, при этом оно вызывает многочисленные дискуссии и имеет немало трактовок и интерпретаций. Цели настоящего доклада не связаны с тем, чтобы описать и представить существующие трактовки теории антисистемы в их разногласии. Речь идёт об оперативном использовании понятия «антисистема» как глубоко актуального концепта. На наш взгляд, через этот концепт раскрываются чрезвычайно важные, можно сказать, конститутивные черты Русской цивилизации, которая исторически неоднократно выступала как **противник и укротитель антисистемных тенденций как в своей национальной жизни, так и в глобальном масштабе.**

В интеллектуальном патристическом сообществе весьма популярен тезис об отождествлении православного понятия Катехона (Удерживающего) и исторической России — причём во многих случаях этот тезис распространяется не только на традиционную русскую монархию, не только на Православную церковь, но на Россию в разных её исторических воплощениях. Иными словами, сегодня всё больше превалирует цивилизационное понимание миссии России. В этом есть немалая правда — поскольку цивилизационная преемственность связывает между собой эпохи, в которых причудливо сменяют друг друга разные политические режимы и формы правления, по-разному выстраивается и формат духовного производства. Однако Россия изживает противоречия эпох, «выдавливает» из себя антисистемные элементы, преодолевает собственные мутации и сохраняет свойства органической системы-цивилизации. Изживание этих внутренних противоречий русской жизни

чаще всего сопряжено с огромными жертвами и утратами. Однако даже на переходе от мутагенного, заражённого вирусами «минус-цивилизации» состояния к выздоровлению, ещё не одолев до конца собственную антисистему, Россия отвечает на вызов внешних антисистем (так происходило в 1941–1945 гг., так происходит и теперь в Сирии).

Что же такое антисистема? Можно выделить четыре сущностных характеристики антисистемы как типа социальной общности:

1) Антисистема — паразитическое образование, которое существует за счёт людских и материальных ресурсов, принадлежащих системам с положительным знаком (этнокультурным традициям, государствам, народам, религиозным традициям и др.), при этом антисистема стремится подменить собой этнос, но поскольку она сама по себе нежизнеспособна, то процесс замещения ею этноса завершается либо гибелью этноса как системной целостности, либо уничтожением самой антисистемы со стороны позитивных систем.

2) Негативное мироощущение, нигилизм проявляются в упрощении существующих этнокультурных систем (систем с положительным знаком), разрушении их своеобразия и в пределе морального уничтожения этноса, на котором паразитирует антисистема, вплоть до превращения его в безличную разобленную массу, субстрат для антисистемного проекта. Уничтожение своеобразия касается всех аспектов жизнедеятельности: фундаментальных духовных ценностей, мировоззрения, культуры, экономики, выработанных этносом взаимоотношений с вмещающим ландшафтом и т.д. Такая программа способствует сокращению жизни этноса, разложению его культуры, распаду общественных связей, институтов и иерархии. С предельной точки зрения можно сказать, что ан-

тисистема — это организованная воля к небытию, как в социальном, так и в индивидуальном смысле.

3) Истина и ложь в антисистеме не противопоставляются, а приравниваются друг к другу, превращаясь из реальных модусов человеческого сознания в манипулятивные, игровые, притворные. Отсюда, согласно Гумилёву, «так или иначе вырастает программа человекоубийства». При этом ложь может рассматриваться внутри антисистемы как праведность.

4) Помимо закрытости по отношению к внешнему миру существует и закрытость между верхними и нижними этажами самой антисистемы. Верхушка слишком слаба сама по себе, чтобы осуществить «снос» мешающих ей традиций. Наиболее трудную работу антисистема стремится решать «чужими руками». Эту работу за неё выполняют **антисистемные орды**, на которые элита взирает с некоторой брезгливостью, но обойтись без их «услуг» не может. После этого наступает её час — на дымящихся руинах прежних культур, государств, этносов она, подобно мастерам-каменщикам, пытается выстроить свой заветный «храм» по своим собственным чертежам.

5) Антисистемы герметичны и эзотеричны и способны к созданию многоуровневой защиты в виде, с одной стороны, нескольких степеней посвящения, не позволяющих adeptам учения быстро приблизиться к их тайной сути, а с другой стороны — к капсулированию и долгому пребыванию в «свёрнутом», «спящем» состоянии в неблагоприятных внешних условиях. Закапсулированные, антисистемы могут хранить в себе разрушительный социальный вирус в ожидании ослабления положительной системы.

В связи с антисистемами Гумилёв ввёл и ещё один термин — «химеры», то есть социальные образования, складывающиеся в результате

вторжения представителей одного суперэтнуса в область проживания другого, после чего агрессор пытался жить за счёт побеждённых. Все антисистемы образуются именно в этих зонах контакта взаимодействующих этносов, в зонах химер, понимаемых как наложение двух различных этнических полей, колеблющихся с разной частотой. Наложение двух ритмов ломает оба ритма и создаёт какофонию, в которой и рождаются антисистемные настроения или «извращения»¹. Взаимодействие этнических полей может быть не только химерным, но и симбиотическим (например, союзы этносов, их взаимодействие в империях или коалициях, где есть общие стратегические цели и культивируется уважение к суверенности и своеобразию друг друга). Симбиоз традиций (не только этнических, но и религиозных, культурных, цивилизационных) возможен там, где не допускается смешения культур, коррозии духовно-культурных ядер этих традиций.

Было бы ошибкой полагать, что антисистемы — «всего лишь» относительно зло, представляющее таковым в зеркале иной культуры (В. Цымбурский в отношении враждующих цивилизаций; позиция А. Дугина в споре о «контринициации») или просто продукт смеси несовместимых культурных или религиозных традиций (В. Махнач о ереси офитов). Секрет антисистемы заключается не в попытках скрестить несовместимое, а в том, что такие попытки находят почву для широкого распространения, субстрат для воспаления новой, пожирающей материнское общество социальной общности-язвы, «чёрной дыры», внутри которой её члены

действуют сплочённо и целеустремлённо. В конечном счёте, антисистема развивается там, где происходит **взаимная аннигиляция** иерархий и духовных стержней нескольких, пусть сильно различающихся, но положительных культур.

Антисистемный «компромисс» между «враждующими» цивилизациями оказывается источником не мира и гармонии, а гибридной мутации и, в конечном счёте, энтропии. В известном смысле антисистема питается тем, что в новой исторической ситуации люди утрачивают способность к гармоничной вере, утрачивают связь с традициями предков. Смещение в области духа приводит к смазыванию духовного мирозерцания, о чём писал Ф.М. Достоевский в романе «Бесы»: *«Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. У всякого народа свое собственное понятие о зле и добре и свое собственное зло и добро. Когда начинают у многих народов становиться общими понятия о зле и добре, тогда вымирают народы, и тогда самое различие между злом и добром начинает стираться и исчезать»*. Похожую мысль до евразийцев отстаивал и К.Н. Леонтьев в его концепции «вторичного смешительного упрощения культур»².

Проводя аналогию с онкологическими заболеваниями, можно отметить, что, согласно современным исследованиям, раковые клетки и микроопухоли регулярно возникают в организме каждого человека, но гибнут под воздействием системы противоопухолевого иммунитета³. Общество, в котором внутрисоциальный аналог такого иммунитета по той или иной причине оказывается ослабленным, неизбежно

встаёт перед угрозой перерастания локальных микроантисистем (существующих практически в каждом социуме) в полноценную антисистему, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Отсюда возникает настоятельная необходимость в постановке вопроса об особой программе опережающего укрепления иммунитета традиции-цивилизации как своего рода динамическом консерватизме.

1. ТИПЫ АНТИСИСТЕМ

Если Гумилёв как историк работал преимущественно с античными и средневековыми антисистемами, оставляя за кадром антисистемы Нового времени, то его последователи спроецировали данную методологию и на Новое время, и на нашу современность. Так, ученик Гумилёва В.Л. Махнач отметил в своих лекциях специфику новых антисистем: *«Они существенно отличаются от прежних тем, что их ненависть обращена не на мироздание вообще, а на конкретную культуру. Именно с такими антисистемами мы имеем дело с XIV века по сию пору»*.

В течение XX века происходила дальнейшая мутация антисистемных вирусов, формировался своего рода венец вирусной эволюции — глобальная антисистема, антисистема-ядро, которая после распада Советского Союза приобрела невиданный масштаб и выступает теперь в роли координатора и генератора едва ли не всех существующих антисистемных проектов. Именно данное обстоятельство и послужило главной причиной написания настоящего доклада.

Рождаясь всегда как «гибрид» несовместимых традиций, антисисте-

¹ В вопросе извращённого, химерического скрещения традиций Гумилёв наследовал основателю евразийства Н.С. Трубецкому с его концепциями «неорганической традиции» и «культурного смешения», описавшему на языке социальной философии, по сути, тот же самый феномен. Гумилёв обогатил данный подход применительно к этноистории.

² При этом сам символ пагубного смешения восходит к библейскому «вавилонскому всесмешению» в двух его изводах: строительства Вавилонской башни и «смешения языков», а также Вавилонской Блуднице Апокалипсиса с золотой чашей, наполненной мерзостями её блудодеяний с царями разных стран.

³ Ахматова Н.К., Киселевский М.В. Врождённый иммунитет, противоопухолевый и противомикробный. // Практическая медицина. М., 2008. С. 156–161.

ма в итоге воплощается в создании синтетических квазирелигиозных образований, сект, ересей, оккультных практик, а также на их основе — подрывных и деструктивных организаций. Различные антисистемы могут иметь различный диапазон действия, будучи настроенными на уничтожение конкретной традиции-системы либо же многих позитивных традиций-систем. Глобальная фаза развития антисистем характеризуется обращённостью против всех позитивных систем с претензией на деструктивизацию государств, построение мондиалистской силовой и правовой матрицы, деградацию культур как своеобразных целеустремлённых систем с собственной духовной субъектностью и их смешение в глобалистском плавильном котле.

Ереси

Христианское учение о ересах можно считать первым прототипом концепции антисистемы. Богослов V века н.э. св. Викентий Лиринский, описывая обновление и разворачивание традиции и разума в Церкви, предложил метафору преуспевающего организма и противопоставил ему «примешивание» — когда новое и чуждое всё-таки внедряется в веру: *«Если начнут примешивать к древнему новое, к своему чужое и к освящённому непотребное, то обычай сей неизбежно распространится по всему, так что после ничего уже не останется у церкви ни целого, ни неповреждённого, ни неисторченного, ни неисторченного»*⁴.

Наиболее ярким примером проявления антисистемы в мировой истории считается гностицизм. Несмотря на чрезвычайную пестроту учений, из которых он состоит, все они сходятся на противопоставлении духовного и материального мира, который воспринимается ими как порождение

деструктивных «демиургических» сил. Отсюда мироотрицающая настроенность гностиков, их гнушение миром и своего рода «брезгливость» по отношению к миру — черта, ставшая свойством практически всех антисистем. Гностические идеи издревле вызывали большой интерес в части правящих европейских элит. Основные версии гностицизма настаивали на принципиальном неравенстве человеческих существ, которые подразделялись на людей, которые так или иначе получили от исходной высшей непроявленности (Плеромы) божественные «искры» Пневмы (пневматики); «полулюдей» обделённых «искрами», но наделённых разумом и душой (психики), и «нелюдей», у которых нет ни того, ни другого (гилики)⁵. «Полноценными людьми» в буквальном смысле этого слова являются только пневматики, все остальные — бесправные, бранные существа, жизнь которых смеш-

на, презренна и бессмысленна, ибо они изначально созданы не предназначенными для спасения. Отсюда логично и практически неизбежно вытекает идея о возможности и даже необходимости **безжалостной эксплуатации психиков и гиликов в интересах немногочисленных носителей «настоящего гнозиса»**. По мнению ряда исследователей, такого рода гностические идеологии были инкорпорированы во «внутренние» доктрины, составляющие скрытое мировоззренческое «ядро» современной транснациональной элиты и «Западного проекта» в целом⁶. Следует добавить, что те же самые гностические «ядра» скрываются за фасадом наиболее радикальных течений ислама: карматов, исмаилитов, современной ИГИЛ. В этом смысле весьма показательны тесные связи (в том числе родственные) исмаилитов с королевскими домами Европы и в первую очередь Велико-

⁴ Викентий Лиринский. Памятные записки Перегрини. — М., 1999. — С. 43.

⁵ Бялый Ю. Преемственность гностической идеологии и исторические европейские выявления «культуры смерти». Доклад на международном семинаре «Фундаментальные конфликты и их роль в современном политическом процессе» (Дельфы, Греция, 15–17 ноября 2002 г.).

⁶ Неклесса А.И. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности. // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира. // Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып. 2. М., 2002. — С. 17–47.

британии. Антисистемное течение ваххабизм также восходит своими корнями к гностицизму карматов.

Вопреки расхожим трактовкам влиятельнейшая ересь-антисистема раннего Средневековья — манихейство — является не чем иным, как ветвью гностицизма, а её дуализм восходит не столько к зороастризму, сколько к завязи гностических систем, сложившихся в среде бурлящего во круг нарождающегося христианства иудейского диссидентства. (Иными словами, можно считать гностицизм продуктом злокачественной коррозии культурных ядер иудейства и эллинизма — ставших антиподобием и «чёрной тенью» их доброкачественного синтеза в христианстве.) Борьба с ересью манихейства со стороны христианского мира шла более пяти веков, а победа над ними оказалась мнимой — поскольку манихейство заразило антисистемным вирусом большое число социумов. Исследователи полагают, что к «потомкам» манихеев можно отнести ереси пав-

ликиан, маркионитов, богомилов, вальденсов, карматов, тондракитов, а также некоторые течения исмаилизма. К этому же ряду относятся ставшие нарицательным именем альбигойцы и катары, против которых был объявлен в XIII веке крестовый поход и ради искоренения которых была создана Святая инквизиция.

«До манихеев в мире не было более последовательной в смысле уничтожения антисистемы, — отмечает современный исследователь. — Только манихеи первыми поставили своей целью даже не упрощение каких-либо систем, а полное уничтожение всего материального мира. Поэтому и эффект от воздействия манихейской антисистемы намного превзошёл то, чего достигли античные антисистемы. В ней впервые были доведены до абсолюта такие традиционные принципы антисистем, как жизнь-отрицание, право на ложь и тайная организация общин. При всём этом манихеи доказывали, что борются с мировым злом и утверждают идею добра и справедливости»⁷.

В известном смысле и современная глобальная антисистема является наследницей гностицизма и манихейства, хотя буквальные параллели здесь не совсем уместны, поскольку антисистема обычно существует не как орден с железной дисциплиной, а как сетевое единство в многообразии. (К примеру, одна из хорошо изученных антисистем Средневековья — катары — состояла, по подсчётам папских легатов, не менее чем из 40 сект, солидарных между собой в противостоянии внешнему миру, но отличающихся друг от друга по нюансам своих еретических воззрений, нормам и ритуалам. Известно также, что все они почитали своим главой «папу катаров», который жил в Болгарии⁸.) Антисистема не имеет однозначного центра, вернее, её центр находится **«везде**

и нигде» (по образному масонскому выражению). Внутри разветвлённой антисистемной сети могут действовать сотни разных структур (обществ, клубов, лож и т.д.), и один конкретный элемент может одновременно участвовать в деятельности множества таких образований. Все они выполняют свою функцию и, в связи с этим, каждый имеет свою ценность (и цену). Вместе с тем это не означает, что при борьбе с антисистемами невозможно вычленивать их ключевые ядра и жизненно необходимые институты — к примеру, в современных условиях наиболее ощутимые удары по антисистемам можно нанести, добившись существенного ущерба их финансовым структурам.

Ещё одним учением, о котором необходимо упомянуть в связи с генезисом антисистем, является иудейская Каббала, которая была изначально тесно связана с гностицизмом. К примеру, Л.А. Тихомиров отмечал, что еврейский язык пропитывает гностические термины, а первоначальный гностицизм вышел *«из области тех сирийско-еврейских мистических учений, которые составили, вероятно, и первые фазисы в развитии Каббалы»*. Сходство гностицизма с каббалистическими воззрениями столь велико, что *«исследователи невольно производят то гностицизм из Каббалы, то наоборот»*. Тихомиров ссылается на мнение такого знатока, как Адольф Франк, который *«готов из неё производить учения гностиков»*⁹. Каббалистические воззрения служили средой для антисистемных сект в самой иудейской среде, к примеру, для саббатриан (последователей лжемессии Саббата Цви (1622–1676), которых сами же иудеи характеризовали как разрешивших себе прелюбодеяние, воровство, клятвопреступление и делали это, по выражению Якова Эмдена,

⁷ Корявцев П.М. Философия антисистем. // URL: <http://web.archive.org/web/20040528142549/http://antisys.narod.ru/antisys.html#24>

⁸ Осокин П. Первая инквизиция и завоевание Лангедока франками. — Казань, 1872.

⁹ Тихомиров Л.А. Религиозно-философские основы истории. — М., 1998. — С. 176.

с намерением, чтобы насытить нечистую силу и тем ускорить пришествие Мессии.

Однако гораздо большее значение, чем секты внутри иудаизма, имели каббалистические влияния в других культурах — эти влияния, можно сказать, стали практически неотъемлемым фактором формирования антисистем в Западной Европе начиная с позднего Средневековья и до Нового времени. Тайные общества и течения, в миросозерцании которых присутствовала Каббала наряду с гностическо-окультиными элементами, играли роль реформаторскую и революционную. В особенности это относится к франкмасонству.

Тайные и подрывные общества

Все антисистемы герметичны, поскольку вербовка адептов из среды позитивной системы подразумевает, что необходимо немалое время, чтобы вовлечь его в свой круг, не испугав и не оттолкнув на первых этапах. Тайны «беззакония» нельзя открывать недостаточно для этого зрелым. Принцип разрешённости лжи действует внутри антисистемы так же, как и вовне, поскольку ложь при посвящении адепта в более высокую степень (в масонстве таких степеней насчитывается 33) трактуется как «педагогическая» практика, подготовка к восприятию высшей истины.

Очень часто антисистемные тайные общества осуществляют сложный синтез разных религиозных учений, их оккультную гибридизацию, что оправдывается идеей «Единого Бога» либо единого эзотерического ядра всех религий и традиций. В такой постановке вопроса

уже содержится противопоставление большинству существующих верований как экзотерических институтов, в каждом из которых якобы затемняется единая универсальная истина¹⁰.

Теоретики антисистем указывают на такое их свойство, как **способность к изменению знака**: когда представители антисистемы захватывают власть в некотором регионе, сама антисистема меняет знак. Прекращая саморазрушение, она порождает в обществе более или менее деспотический режим, в котором представители антисистемы образуют элиту. Этот режим не разрушает сам социум, ибо социум рассматривается только как некое средство благоденствия новой власти. Подобные, сменившие знак антисистемы могут жить долго, отказавшись от основного принципа антисистемы — отвержения мироздания. Однако, потерпев политическое поражение и потеряв место «элиты», подобная антисистема снова меняет знак, ибо законсервированный характер не меняет ее сущности: потеряв власть, перестав быть «элитой», антисистема снова становится антисистемой, снова подталкивает этнос к саморазрушению¹¹. Примеры — антисистема карматов, которая в X в. в Египте основала эмират Фатимидов и довольно быстро трансформировалась в своего рода «полицейское государство». Другой пример, близкий нам, — перерождение антисистемы большевиков в результате сталинской эволюции советского государства. Причём первый этап перерождения начался ещё при Ленине с введением НЭПа. В данном вопросе важно понимать, что вместе с перерождением антисистемы происходит и её радикальное кадровое обновление — на место

«борцов» необходимо рекрутировать «работников», как это определил Лион Фейхтвангер, живописуя в 1937 году построение на месте троцкистско-ленинской системы новой сталинской системы. Тем не менее представители антисистемы в элите полностью не могут быть искоренены, часть антисистемы капсулируется и через какое-то время оживает (в СССР этот процесс получил название «оттепели», а следующий цикл оживания капсулированных вирусов привёл уже к горбачёвской перестройке и новому разрушению системы с положительным знаком)¹².

Если во время Великой французской революции транснациональный масштаб антисистем был ещё незначительным, то к 1917 году он был уже вполне ощутим — вплоть до того, что одно из главных ядер рождающейся мировой антисистемы (финансовые кланы, расположенные на Бродвее, 120) приняло непосредственное участие в финансировании и организации как февральских, так и октябрьских событий в России. Вопреки расхожему мнению основные финансовые средства, полученные большевиками через Парвуса, перевёл вовсе не немецкий Генштаб, а банкирский дом Варбург из Нью-Йорка. Варбурги же были тесными деловыми партнёрами главного инициатора свержения русского самодержавия Якоба Шиффа. Парвус лишь прикрывался сотрудничеством с Германией, чтобы особо не афишировать иной источник финансирования¹³. Можно с большой долей уверенности сказать, что уже в 1917 году транснациональная антисистема использовала разные неосистемы и подрывные возможности в целях ликвидации российского Большого Пространства.

¹⁰ Напротив, в симбиотических системах исповедуется принцип неслиянного сосуществования религиозных традиций, поскольку позитивные государства-империи ставят задачу не ломки традиций, а их сохранения и развития под покровительством единого центра.

¹¹ Елишев С.О. Основы национальной политики. — М., 2012. — С. 242–314.

¹² Подробно драму борьбы антисистемщиков против русской-советской цивилизации и их использования Западом в «право-левой игре» мы уже излагали в докладе Изборскому клубу «По ту сторону «красных» и «белых» (журнал «Изборский клуб», № 3, 2013).

¹³ В наиболее аргументированном виде эта версия событий представлена в работе М. Калашникова и С. Кугушева «Третий проект. Точка погружения».

Малый народ

В отношении изучения современных антисистем следует отметить особый вклад французского историка Огюстена Кошена и российского математика и философа Игоря Ростиславовича Шафаревича, которые использовали для обозначения исследуемых ими антисистем категорию «малый народ». На примере истории Французской революции Кошен определял «малый народ» как сообщество интеллектуалов, философов, публицистов, юристов, которое сформировалось во Франции в предреволюционные годы. Они составляли меньшинство в любом городе, но это было активное меньшинство. Его представители поддерживали друг с другом переписку, всегда были в курсе новостей, которые касались их интересов, и умели эти интересы реализовывать, используя все доступные им средства. Шафаревич, в свою очередь, подчёркивает, что «этот слой уже сложился... лет за двадцать с лишним до революции. Суть процесса заключается в отделении этого слоя от остального народа. <...> «Малый народ» выступает исторически в роли мастера, в руках которого остальной народ — лишь материал»¹⁴. Заметим, что подобное самоощущение весьма характерно для носителей гностического мировоззрения, а значит, и большинства существующих антисистем.

Анализируя вопрос о функционировании антисистемы в рамках Русской цивилизации, Шафаревич в работе «Русофобия» показывает, что антисистемы в России и в дореволюционной Франции имеют одну и ту же идеологию — буржуазную, либеральную, прогрессистскую. Кошен не находит однозначной этнической основы, формирующей мировоз-

зрение «малого народа». Шафаревич при рассмотрении российского варианта «малого народа», приведшего страну к революции 1917 г., также не связывает его напрямую с каким-либо национальным течением, хотя и оговаривает важную роль еврейского фактора.

Для идеологии любой антисистемы характерным является постоянное противопоставление всего прошлого и ныне существующего будущему, причём такому будущему, которое кажется идеальным идеологам антисистемы. Особенно ярко данная черта проявилась в прогрессистских революционных антисистемах¹⁵. По мысли Кошена, малый народ зарождается на основе разрыва со всякой исторической традицией: религиозной, этической, политической, — и замены всех их новой верой в Разум. Захват власти «малым народом» и порабощении им «большого народа», по образному выражению Кошена, «напоминает работу лилипутов, связывающих спящего Гулливера». Ничего не подозревающие массы попадают в тщательно и умело расставленные «сети», состоящие из якобинских клубов, интеллектуальных обществ, предвыборных органов, комитетов, трибуналов, правовых и силовых инструментов, созданных заговорщиками заранее. В данном случае мы имеем дело с антисистемами, которые сознательно и систематически готовились к захвату власти. Не удивительно, что опыт Французской революции революционеры следующих поколений рассматривали в качестве образца.

О. Кошену принадлежит ещё одна важная заслуга — он ярко и убедительно описал причины особого психического настроя антисистем, который

можно охарактеризовать как параноидально-нигилистический. Представители «малого народа», за спиной которых в качестве духовных поводов стояли энциклопедисты и члены тайного общества иллюминатов, считали себя «чистыми» по отношению к «большому народу» и при этом они остро осознавали непреодолимую бездну, отделявшую их от нации в целом: «Малый народ» завоевал, поработил большой народ и навязал ему свои законы. И тотчас же начались изгнания, грабежи и убийства; ибо законы Малого Государства не годятся для Большого. <...> В реальном мире якобинская партия всегда будет в опасности и, следовательно, вынуждена будет прибегать к насилию. <...> Вот что чувствует весь «малый народ» начиная с самого видного своего «оратора» и до самого безвестного из своих «агентов»; и вот почему он так дорожит тезисом защиты»¹⁶. Патологический психизм «малого народа» порождает и особо остервенелый террор, и «ненормальную настойчивость» распускаемых ими ложных слухов как способ фабрикации искусственного народного мнения, наконец, формирование целой машины коллективного действия, неуклюжего и неумолимого в своих поступках революционного голема, который в итоге отправляет на гильотину и «своих детей», и «своих вождей»: «Без всякого невероятного заговора, без неправдоподобной извращённости, благодаря одному лишь функционированию социальной переписки, внутри Малого Града вырабатывается целая система лжи, в которой нуждается политика защиты, чтобы удержаться...» — так объясняет Кошен социально-психологический механизм антисистемы в момент удержания ею власти¹⁷.

¹⁴ Шафаревич И.Р. Анатомия революции. Предисловие // Кошен О. Малый народ и революция. — М., 2004. С. 10.

¹⁵ Их ультрафутуризм направлен на ликвидацию бытия как такового, бытия как единства Прошлого, Настоящего и Будущего. Этот синдром разоблачает то же самое недовольство миром, всё наличное бытие которого есть «скверна» и требует радикального преобразования. В прогрессистских идеологиях происходит уничтожение «образа вечности» и подмена его «образом будущего», образом несуществующей, а потому столь милой сердцу антисистемщиков Обетованной земли, будущей Родины, Нового Мира.

¹⁶ Кошен О. «Малый народ» и революция. — М., 2004. — С. 189–190.

¹⁷ Там же. С. 198.

Очевидно, всё, сказанное Кошеном, справедливо в отношении многих других революционных переворотов, в которых побеждали антисистемные партии и секты. Справедливо это и в отношении «красного террора» в России. И это объясняет как неизбежность «термидорианского» перерождения, так и глубинные причины того, почему антисистема тотального разрушения общества и массовых убийств перерождается в государство с положительным знаком. При этом само перерождение (термидор, установление диктатуры и т.д.) также даётся большой кровью. Антисистема не уходит со сцены истории без яростного сопротивления.

Антисистемы и контрсистемы

Некоторые историки пытаются втиснуть в рамки понятия «антисистемы» и такие явления, как инквизицию, орден иезуитов, опричнину Ивана Грозного и другие подобные феномены. В целом такие попытки не выдерживают критики, хотя и нельзя отрицать, что в данных структурах можно заметить довольно яркие проявления, похожие на те сущностные признаки антисистем, которые мы перечислили выше. Однако, во-первых, эти проявления носят частный характер, а во-вторых, они не определяют сущности данных спецсистем, которые создавались, безусловно, в качестве реакции на угрозы со стороны антисистем. Скорее следует говорить не об усвоении инквизиторами или опричниками каких-то черт антисистем, а об окраске, которую они получили в ходе борьбы с ними.

Святая инквизиция, несмотря на все свои пороки и недостатки, последовательно боролась с антисистемными силами в течение нескольких веков и в этой борьбе могла

переходить разумные пределы и даже фальсифицировать объект своей работы (свойство скорее деспотических государств, чем антисистем — масштабная карательная машина в целях самосохранения всегда имеет тенденцию к расширению фронта своих работ).

Опричнина была чем-то вроде протоспецслужбы, особого института альтернативного государева двора, созданная для уничтожения спор ереси жидовствующих, опаснейшей антисистемы, частично капсулированной на тот момент в Русском государстве, а также связанных с ней сепаратистских антисистемных сил (княже-боярской оппозиции, западной новгородской олигархии и т.д.)¹⁸. Иван Грозный использовал опричнину для решения цело-

го комплекса стоявших перед ним стратегических задач, но главными задачами были именно эти — контр-антисистемные. Надо сказать, что решил он большинство поставленных задач блестяще¹⁹.

Иезуиты, несмотря на репутацию лицемеров, не гнушающихся фальсификацией и подлогом, сумели создать механизмы самовоспроизводства, заняв важную нишу внутри католической традиции — их можно назвать чем-то вроде папской контрразведки, в задачи которой входило остановить разрастание протестантизма, который в какой-то момент грозил практически «снести» Католическую церковь. После выполнения своей миссии в ходе Контрреформации иезуиты нашли себе новые задачи, в сущности связанные с той же

¹⁸ Эта ересь явилась довольно радикальным вариантом потенциального русского протестантизма, который не сумел развернуть свою идеологию на полную мощность, однако же действовал очень умело и, по мнению известного историка И.Я. Фроянова, трижды создавал лобби при верховной власти в Москве. Эта выдающаяся работа о «новгородской ереси» как долгоиграющем факторе государственной политики Руси в XV–XVI вв. — Фроянов И.Я. Драма русской истории: на путях к опричнине. — М., 2007. Автор чрезвычайно подробно и в фундаментальном ключе разбирает историю рассматриваемой ереси, при этом он рассматривает «Избранную Радугу» при молодом Иване Грозном как кульминацию развития ереси, а опричнину — как её систематическое искоренение.

¹⁹ Подробно см.: Максим Калашников, Виталий Аверьянов, Андрей Фурсов. Новая опричнина, или Модернизация по-русски. — М.: Фолио, 2011.

миссией: купированием антисистем, которые угрожали римскому престолу и его стратегическим интересам.

Данный тип социальных институтов, так или иначе стоящий на службе позитивных систем (традиционного государства, церкви, существующей этнокультурной традиции, общественной нравственности и т.д.), не может быть отнесён к антисистемам, а заслуживает какого-то особого термина — **мы предложили бы называть их специальными контрсистемами.**

Однако более сложной становится эта проблема, если в фокус зрения попадает такое специфическое свойство специальных служб и разведок, как «двойные» и «тройные» агенты. Это не какие-то частные случаи, а скорее определённый закономерный риск, возникающий в зоне пересечения и трения между разными цивилизациями, государствами и религиозными институтами.

Не говоря уже о том, что в этой же зоне возникает сложнейшая игра и борьба между системами и антисистемами. Как и в случае с химерами, здесь возникает питательная почва для антисистемных явлений. Двойные стандарты были свойственны практически всем антисистемам²⁰. К примеру, революционно-эсхатологические антисистемщики зачастую мотивированы в целом альтруистически, взыскуя соединения с Абсолютом — пусть и в извращённом «аннигиляционном» формате. Однако их разрушительная активность весьма на руку силам более расчётливым и предельно эгоистическим. К примеру, к таким силам следует отнести сегмент старинной европейской аристократии, который сохранял верность тем представлениям, согласно которым аристократы (по крайней мере их продвинутая часть) происходят от богов и должны властвовать как боги.

Уже манихеи практиковали двойные стандарты — с одной стороны, отрицание властей и собственности на низшем уровне, с другой — разрешение всячески обогащаться на высшем, для наиболее продвинутых адептов. В дальнейшем, через много веков, многие антисистемщики явят пример подобного соединения «коммунизма» и «капитализма». Особенно здесь выделяется фигура А. Парвуса — социалиста и крупного торговца, у которого Троцкий взял идею перманентной революции. Как мы указали в начале, антисистема складывается как некое двухэтажное образование, на верху которого находятся сверхэлитарии, а внизу — союзные и в то же время враждебные разрушители систем (упоминавшиеся выше как «антисистемные орды»).

В XX веке ситуация настолько запуталась, что грань между контрсистемой и антисистемой зачастую просто невозможно распознать, если не владеть ситуацией изнутри. К примеру, известный левый теоретик и политик Линдон Ларуш характеризуется такими парадоксальными чертами, как троцкистское идеологическое происхождение и одновременно глубокое и яростное разоблачение антисистемной изнанки современного западного мира. В то же время бывший кадровик Совета национальной безопасности США Норман Бэйли определил движение Ларуша как «одну из лучших частных разведслужб в мире».

Итак, специальные контрсистемы являются скорее специфическими органами позитивных систем. Но поскольку по ходу развития борьбы с антисистемами они вынуждены принимать участие в «право-левой игре» конкурирующих цивилизаций и в сопутствующей этой игре активизации подрывных сил, то специальные контрсистемы тесно сопряка-

²⁰ Важно отметить, что элементы двойного статуса (двойные агенты, «агенты влияния») реально находятся внутри двух систем. Отсюда и особенности их поведения. Такой агент ощущает себя находящимся в системе и ведёт себя с поправкой на это. Когда он ослабляет свою систему, то считает, что оптимизирует её, сочетает мощь её структур с мощью других систем (академик Сахаров как агент влияния даже разрабатывал по этому поводу целую теорию «конвергенции двух систем»). Такая психология очень удобна для антисистем, ибо переключённые на неё элементы убеждают себя в том, что они по-прежнему остаются частью своей «родной» системы, но не чужеродным телом. Просто они именуют себя более «продвинутыми», более «просвещёнными», а также «посвящёнными» в великий замысел и проект. В значительной мере именно на таком психологическом фоне и происходила «перестройка» СССР и КПСС.

саются с антисистемами и вступают с ними в сложные взаимоотношения. Яркими примерами рискованной игры являются в истории русской революции такие явления, как «зубатовщина», «азефовщина», участие царских спецслужб в подготовке как Февральской, так и Октябрьской революций. В советский период истории спецслужбы и партийные структуры активно занимались поддержкой и направлением подрывных сил в целом ряде зарубежных стран.

Однако помимо специальных контрсистем, созданных государством, существуют и контрсистемы общественного происхождения, в частности, это могут быть контрэлитарные политические группы, радикалы, протестующие против социальной несправедливости. В протестной среде в эпоху Нового времени тенденции контрсистемные и антисистемные тесно переплетаются. Пониманию сути антисистемы препятствует её радикалистская интерпретация, которой придерживаются многие крайне левые и даже крайне правые критики существующего строя. Для них «Система» (именно так, с большой буквы) — это некий универсальный сверхмеханизм подавления человеческой личности и/или различных органических человеческих сообществ. Дескать, этот всемирный монстр создан могущественной группой наиболее продвинутых элитариев с целью установления и поддержания своего господства. Марксистская трактовка государства как машины подавления и насилия по сути своей является антисистемной, извращённой. К этому же ряду относится и идея «Системы». Тем более что критикуемые радикалами

элитарии в XX столетии всё больше представляют не мифологическую «Систему», а именно антисистему, направленную в конечном счёте на разрушение всех существующих в мире систем. Антисистема действует эволюционно, и поэтому её конкретные представители и институты могут действительно казаться частями «позитивной» системы. Надо сказать, такая терминологическая путаница выгодна антисистеме.

В отличие от антисистем система представляет собой целостность и единство элементов, находящихся в самых разных связях друг с другом, она делает элемент чем-то большим, чем просто часть, в определённом смысле поднимая его до уровня целого. **Ультразэлитариям** такое отношение к части предельно чуждо, они рассматривают саму часть (себя, свои модели жизнедеятельности и институты) как нечто, превышающее целое. И в такой оптике элемент не может не вырваться из системы, тем самым разрушая её. При этом, конечно, никакого равенства элементов не предполагается, хотя идею равенства часто бросают в массы в качестве идейно-философского прикрытия, необходимого для ослабления и разрушения системы.

В качестве ярчайшего примера такого эффективного задействования стихийных контрсистемщиков можно привести события мая 1968 года в Париже. Тогда выступление радикальной молодёжи привело к падению Шарля де Голля — традиционного по своим взглядам лидера неосистемщика.

Радикалистская протестная контрсистема может выступать как нижний этаж антисистемы, но может проявлять и некую самостоятельность

по отношению к высшему её этажу. Элитарные антисистемы ухватились за низовые, революционные контрсистемы, считая их всячески полезными для хаотизации мира, из которого они хотели (да и по-прежнему хотят) создать свой новый мир. Однако для элитарных руководителей антисистемы радикалы представляют собой «пушечное мясо» перемен. Контрсистемщики по сравнению с ними наивны и желают разрушить существующий порядок ради некоей высокой идеи и, как правило, для блага абсолютно всех. Это, если можно так выразиться, **неосознанное альтруистическое мироотрицание**. Элитные антисистемы ставят в центр мироздания «себя любимых», которым в новом мире предназначена роль всемогущих владык. Массы людей, равно как и рядовые исполнители антисистемных процессов, не более чем слепые орудия в их руках. Другое дело, что нигилисты не всегда до конца понимают глубинные мотивы своего мироотрицания — с возрастом они становятся менее наивными и, как правило, менее альтруистичными²¹.

Из сказанного выше следует чрезвычайно важный вывод: **антисистеме не одолеть, если не работать с контрсистемой**. Необходимо использовать её и в прагматических целях, и в плане идейного перевоспитания части контрсистемщиков. Понятно, что там есть самые разные течения: левые либертарианцы ближе к разрушительной сути антисистемы, чем, к примеру, радикальные борцы с ТНК. Однако сценарии антисистемы могут быть легко разрушены, если суметь указать рядовым контрсистемщикам, борцам за справедливость иной, более адекватный действительности, «образ врага». В таком случае

²¹ Для понимания успешной работы антисистем в России в последние столетия важным является феномен русской интеллигенции — через интеллигентский салон, формат светского общения как в XIX, так и в XX веке, происходило общение магистральной и маргинальной части интеллигенции, молодёжь попадала под культурно-идеологическое влияние богемы и диссидентствующих маргиналов. Одним из наиболее популярных понятий в подпольном интеллигентском салоне было «инакомыслие», которое практически стало синонимом понятия «настоящая интеллигенция». Установка на инакомыслие была тесно связана с культом индивидуальности: личности, относившие себя к «настоящей» интеллигенции, считали, что они должны приобщаться к доктринам социальной философии, противоречащим официальной идеологии. Таким образом, постепенно завоевывая авторитет в глазах интеллигенции, антисистемная идеология объективно способствовала её окончательному антисистемному перерождению. Данная закономерность в значительной мере справедлива и по отношению к современной ситуации.

В условиях тотального смещения политических карт, когда официальная власть сама превращается в орудие антисистемы, встаёт вопрос о формировании особой альтер-системы — как живой народной и гражданской самоорганизации против антисистем.

«пушечное мясо» социальных битв может быть вырвано из лап антисистемы и превращено в солдат позитивной контрсистемы во имя выживания и обновления всего общества (осознанный альтруизм).

В условиях тотального смещения политических карт, когда официальная власть сама превращается в орудие антисистемы, встаёт вопрос о формировании особой альтер-системы — как живой народной и гражданской самоорганизации против антисистем. Таковым было движение ополченцев Минина и Пожарского — в нём соединились идеи справедливости и порядка, идеи мира и национального суверенитета.

2. ГЛОБАЛЬНАЯ АНТИСИСТЕМА: ЧЕМ ЭТО НАМ ГРОЗИТ

Если рассматривать глобализацию как диффузию технологий, то здесь в её естественности сомневаться не приходится. Однако глобализация как процесс в духовной культуре, как движение в сторону смещения этнокультурных комплексов, размытия границ между цивилизациями и религиями — процесс не естественный, а извращённый, о чём мы уже говорили выше. В глобализации происходит не подавление всех традиций одной традицией, но **формирование антитрадиционной системы, то есть взаимная аннигиляция глубинных культурных идентичностей**. Этот процесс является антисистемным по своей сути, поскольку раскалывает мир на два «глобальных народа» — паразитический «малый народ» как мировую антисистему

и остаточные конгломераты старых «больших народов» и цивилизаций, которые предназначены к эксплуатации и абсорбции глобалистическим субъектом.

В проекте мондиализма мы имеем дело с мечтой о некоей всемирной химере, которая уничтожает прошлое всех культур ради смутного и неопределённого «светлого будущего». Честные мыслители на Западе констатируют, что общество современного капитализма не выросло из предшествующих типов обществ и не вытекает из них как результат их развития. К примеру, Энтони Гидденс рассматривает современный мир как параллельное сосуществование капитализма с трайболистскими, родоплеменными и классово разделёнными типами социума²². Из такой перспективы представляется очевидным, что глобализация, предлагаемая Западом, носит поверхностный характер, не вбирает в себя богатство и разнообразие человеческого мира, а отравляет духовную и культурную экологию всех цивилизаций.

Если судить по истории частных антисистем — после того как этот глобальный процесс в сфере духовной культуры перейдёт критический рубеж и здоровые позитивные системы (большие народы) достаточно ослабнут в своей суверенности — вся эта глобальная конструкция окажется нежизнеспособной. Жизнь антисистем, как и жизнь вирусов, базируется на том, что организм-хозяин ещё достаточно силён и здоров, чтобы поддерживать их существование, питая их своими соками. После же ослабления «больших народов» и ци-

вильзаций глобальная конструкция обречена перевернуться вверх дном — и в лучшем случае обратит мир в страшный хаос, а в худшем случае — похоронит его в суицидальном пароксизме. С точки зрения многих мыслителей, суицид человечества и есть глубинный метафизический пафос антисистем — и в этом смысле глобальная антисистема с этим её аннигиляционным свойством заслуживает имени «отрицательной цивилизации», антицивилизации и даже **античеловечества**.

На сегодняшний день глобальная антисистема использует для достижения своих целей различные средства и проекты, при этом главным её орудием до последнего времени оставалось государство США. Это пока ещё самая мощная национально-государственная система мира. Но свою системную мощь она направляет на ослабление других таких же систем, что на руку глобальной антисистеме. Через множество «переключённых» элементов транснациональная верхушка подталкивает американскую систему к глобальной экспансии, таким образом расшатывая и сами США, которые тратят огромные ресурсы на глобальные авантюры.

Сам генезис этого государства максимально отвечает целям и задачам антисистем. Пожалуй, это самое **антиисторическое** образование в мире. Оно возникло из отрицания огромным количеством граждан своих исторических родин. В данном плане имеет место сугубо антисистемное отрицание Прошлого. (Нечто подобное пыталась сделать большевистская элита в России, однако тут она потерпела крах.) Весьма символично, что бывшие англичане, порвавшие со своей историей, устроили самый настоящий геноцид местного населения, тем самым убив и реальную историю Америки. В последний год в США проявился такой яркий симптом усиления антисис-

²² Гидденс Э. Устроение общества. — М., 2003. — С. 263–265.

стемы и войны с Прошлым, как снос памятников историческим деятелям²³.

Антисистема всегда придерживалась, если так можно выразиться, двойственной стратегии в отношении США. Она способствовала усилению их экспансии, максимально используя военно-политический кулак США, но в то же самое время дискредитировала руководство страны, тем самым подпитывая в американском обществе и в других странах антисистемные и антигосударственные настроения, поддерживая в качестве реакции на гегемонизм США высокий градус неолиберализма и нигилизма.

В своей работе «Шестая монархия» И. Р. Шафаревич обращает внимание на деятельность ведущих американских медиа во время вьетнамской войны, которые заняли позицию расшатывания американского общества. Об этом недвусмысленно свидетельствуют книги Эдит Эфрон «Извратители новостей», Брюса Гершензона «Боги антенны», анализ поведения ведущих СМИ, подконтрольных крупному финансовому капиталу, то есть антисистемным элитариям. Можно вспомнить и пример посвежее. В первой половине 2000-х годов известный финансовый спекулянт Дж. Сорос активно поддерживал неотроцкистские и другие левацкие группы, спонсируя их кампании, направленные против внешней политики президента Дж. Буша. Судя по всему, в час «икс» антисистема максимально раскрутит контрсистемное движение, с тем чтобы ослабить и сокрушить США.

Неосистема США всё больше становится препятствием для реализации планов глобальной антисистемы. На протяжении долгого времени антисистемщики всячески укрепляли военно-политические структуры США с целью расшатывания других национальных государств. В результате возник интересный феномен империи, имеющей сильную государственную традицию, но лишённой прочного исторического фундамента.

Мы в Изборском клубе уже представляли экспертный доклад, по-

свящённый современной программе транснациональной антисистемной элиты²⁴, которая известна обществу далеко не во всех своих аспектах — что и неудивительно, ведь антисистема скрывает свои мотивы. Транснациональная антисистема реализует эту программу как цепь обманов, обосновывая их рисками и вызовами, связанными с так называемыми «глобальными проблемами человечества».

Через мистификацию глобальных проблем они проводят стратегию на сокращение населения земли, прикрывая её заботой о де-

²³ В этой кампании заинтересована транснациональная антисистема, крайне раздосадованная усилением «национал-бюрократических» системных сил. Однако мотивация антисистемщиков этим не исчерпывается. Война с памятниками носит оккультный характер. Любой исторический памятник означает символическое присутствие Прошлого в Настоящем. Он как бы некая «икона» прошедших времён, которые хоть и ушли, но всё равно остаются с нами, присутствуют среди нас. Антисистемы сознательно нажимают на болевые точки с целью хаотизации. При этом элитарная антисистема всячески использует леволиберальную контрсистему — «антифа», ЛГБТ, экологистов. Иконоборческим комплексом можно назвать попытки антисистемных сил выразить свою нетерпимость (наиболее радикальный пример — уничтожение памятников культуры движением «Талибан», ваххабистскими «антисистемными ордами», вандализм ИГИЛ и др.) В нашей стране именно большевистская антисистема осуществила массовый снос памятников историческим деятелям России (Александрю Третьему, Столыпину и др.). После смерти Сталина СССР получил новую порцию антисистемного облучения. Одним из проявлений неомошевиэма был массовый демонтаж памятников самому Сталину, который можно считать попыткой ритуального убийства сталинской эпохи. Третье облучение антисистемностью привело к гибели СССР, и это также сопровождалось демонтажом памятников — как в республиках бывшего СССР, так и в странах Восточного блока. А в 2014 году, после второй майданной революции на Украине, начался знаменитый «ленинопад». Украинская и американская война с памятниками связаны между собой логически, а возможно, и организационно. В любом случае нынешний нигилистический психоз можно считать одним из явных признаков усиления антисистемы, которая осуществляет очередной натиск на системность.

²⁴ Барбекю на грани бездны. Тенденции глобальной деградации. Доклад Изборскому клубу. // Журнал «Изборский клуб», № 9, 2015.

мографической сбалансированности и «устойчивом развитии». Другая их ширма — борьба за чистоту экологии и против глобального потепления, которыми они мотивируют вмешательство в промышленную политику всех стран и навязывание им специально разработанной повестки. Одновременно с этим программируется новый антропологический формат и стандарт, связанный с уводом технического прогресса в сторону информационных технологий и технологий управления сознанием. В новом формате глобального мироустройства предполагается диктатура креативных меньшинств, представителей транснациональной сети, для чего необходима дискредитация традиционных религий, морали, эстетики, ценностей, в том числе ценности государственного суверенитета²⁵.

Нельзя сказать, чтобы глобальных проблем вообще не существовало, однако борцы с потеплением, охранники живой природы и стерилизаторы «лишней части» человечества стараются меньше говорить о подлинных

причинах дисбаланса мирового развития — таких как формирование на Западе цивилизации сверхпотребления. Через регуляцию деторождения, сокращения населения разными методами в целях достижения так называемого «нулевого роста», через внедрение идеологии трансгуманизма и постгендеризма постепенно формируется новый гуманитарный формат глобальной цивилизации, который всё отчетливее проявляет черты той самой мировой антисистемы, о которой мы говорим. Любопытно, что в контексте разговоров про золотой миллиард антисистема всё более сужает круг выгодоприобретателей и «призёров» запланированного нового мирового порядка. Судя по политике замещающей миграции в странах Евросоюза и даже отчасти в самих США, речь не идёт о сохранении в качестве господ нового мира традиционного белого населения. Антисистема стремится подорвать демографический потенциал белой расы, на смену которой должна прийти метисная «серая» раса. Одновременно с этим к порогу «демогра-

фического перехода», знаменующему конец расширенного воспроизводства населения, подходят и наиболее репродуктивно мощные страны Азии и Африки. Миф о перенаселении земли в XXI веке уже не представляется серьёзным учёным сколько-нибудь убедительным — однако тенденции глобальной политики, заложенные в эпоху первых докладов Римского клуба, продолжают развиваться.

В русле этих тенденций лежат такие процессы, как продолжение содомизации (искусственной индивидуализации и «сексуализации» гендера на основе произвольной самоидентификации вместо традиционного понимания полов как обусловленных природой полюсов семьи и источников деторождения, виртуализацию секса через порнографию в медиа, перевод всех половых интересов человека в сферу инфантильного потребления и развлечения), утверждение феминистской модели социализации женщин, распространения контркультурных стратегий поведения, наркотизации и т.д.

Антисистема создаёт и своего рода иллюзию мечты о лучшем будущем, в центре которого лежит имитация духовно полноценной жизни. Эта идеология озвучена, к примеру, Полом Куртцем в его книге «Полнота жизни» и в других его работах, в которых он даёт гуманистическую трактовку глобализации как распространения стандарта «личности богатой жизни, полной жизни», «жизни полной радости и творчества»²⁶ — мотив чрезвычайно близкий романтическим проповедникам постиндустриализма. Другой, уже отечественный, пример — одна из последних работ А. С. Ахизера, также стоящая на позициях «гуманизации культуры», которая носит название «Человек в поисках полноты бытия». Апологеты новой антисистемной иллюзии подменяют восходящий к Аристотелю класси-

²⁵ Признаком нарастания данной тенденции является радикальное сокращение за последние 40 лет числа храмов разных деноминаций и прихожан в странах Западной Европы. О впечатляющих цифрах текущего положения дел и прогнозах на ближайшую перспективу см. статью Ольги Позняк «Европа избавляется от церквей». // НГ-Религии, 19.04.2017 http://www.ng.ru/ng_religii/2017-04-19/13_419_europ.html

²⁶ Куртц П. Утверждения: жизнь, полная радости и творчества. — М., 2005.

ческий идеал счастья как полноты добродетели культом новизны, облагораживая тем самым свойственный потребительскому обществу «инновационный зуд». Всё это очень близко подходит к апофеозу антисистемного мироощущения, поскольку перед нами предстает **не положительная, а отрицательная идентичность, имитация идентичности или идентичность-функция — аналог идентичности вируса или злокачественной опухоли**, смысл и срок существования которой исчерпывается разрушением более совершенных систем «организма-хозяина».

Для более глубокого понимания глобальной программы мировой антисистемы исключительно важной представляется концепция контринициации (автор термина — глава школы французского традиционализма XX века Рене Генон)²⁷. Контринициация представляет собой Большую Пародию, сатанинскую карикатуру на Сакральную Традицию. Эта ложная пародия исторически развивается и в конечном счёте должна увенчаться установлением «контртрадиции», которая, согласно Генону, в точности соответствует «царству Антихриста»²⁸. Рене Генон видит корень контринициации в вырождении человеческой духовности, доходящем до своего предела, переворачивания верха и низа, которое, по его выражению, в сущности, является сатанизмом²⁹.

Такую же характеристику современным тенденциям секуляризации духовной культуры дают отечественные учёные, к примеру, историк и политолог В. Э. Багдасарян, который пришёл к выводам, близким

мнению авторов настоящего доклада. В частности, цивилизацию эпохи модерна он характеризует как ширму, где под вывеской секуляризма «реализовывался новый религиозный проект», в контексте которого традиции были объявлены препятствием для прогресса: *«Задача разрушения данных сдерживателей предполагала выстраивание глобальной контрсистемы. Миссию её конструирования взяла на себя светская интеллектуальная элита, позиционирующаяся как антипод традиционной клерикальной иерархии. Принцип контрсистемного моделирования приводил в своей логической завершённости не только к разрушению традиций, но и проецированию inferнальной (антихристианской в применении к западной цивилизации) альтернативы миростроительства. Теократия подменялась сатанократией. <...> Новая цивилизация явилась цивилизацией со знаком минус, своеобразным цивилизационным отрицанием. При такой постановке вопроса Запад представлял уже не в качестве глобального геополитического агрессора, а одной из жертв процесса мирового антицивилизации. Другое дело, что его падение произошло несколькими веками ранее, нежели у иных цивилизаций»*³⁰.

Если отвлечься от чрезмерно «метафизичного» языка сторонников концепции контринициации, то можно сформулировать следующие признаки усиливающегося в мире доминирования антисистемы, что, в сущности, согласуется с позицией Р. Генона и его последователей:

- Утверждение материализма (а после его победы над традиционными

религиями — ползучее утверждение неоспиритуализма и оккультизма в качестве «новой духовности», заменяющей традиционную)

- «Механизация» сначала вещей — через промышленную революцию, а затем и самого человека, который фактически отождествляется с биологическим «механизмом», «машиной», «компьютером»
- Торжество принципа количества над принципом качества (массовое производство, массовое потребление, массовая культура, полная стереотипизация потребностей и мотиваций человека при их кажущемся, ложном разнообразии, то есть в большом каталоге потребностей и средств их удовлетворения; подмена удовлетворения глубинных мотиваций искусственными потребностями, создаваемыми инструментами моды, рекламы, брэндинга, индустрии индивидуальных психологов-консультантов)
- Через эволюционизм опровержение традиционных доктрин вплоть до полного отрицания чудесности жизни и сотворения человека (обесценивание жизни в глазах массового человека, «потомка» обезьяны и инфузории, и первой живой клетки, которая «самозародилась»)
- Подмена традиционных представлений специально сконструированными идеологическими технологиями, чтобы отсечь человека от сверхсознания и связи с высшими силами (классовая социология и политэкономия Маркса, психоанализ «подсознания» Фрейда, математика множеств

²⁷ Контринициация (как противоположность инициации, посвящению в духовной традиции) — конспирологическое представление о действии, параллельно посвящённом Священной Традиции и в противовес им «посвящённых наоборот». В разных духовных традициях их называют по-разному: в христианстве «тайной беззакония» и слугами Антихриста, в исламе — «святыми сатаны» и приговорителями прихода Даджала (переводится как притворщик, лжец), в индуизме — шестой кастой Кали-Юги, при этом Генон употребляет термин «Шакраварти наизнанку», имея в виду ложного правителя мира последних времен, подобного лжемессии у христиан и мусульман. В этой оптике «прогресс» Нового времени осуществляется за счёт ослабления и растворения всех остальных духовных и культурных традиций, ослабления всех наций и государств — кроме глобального государства конца истории, описанного в Апокалипсисе Иоанна Богослова.

²⁸ Генон Р. Царство количества и знамения времени. — М., 1994. — С. 279.

²⁹ Там же. С. 271–272.

³⁰ Багдасарян В. Э. Секуляризм как религиозный проект. // URL: <http://vbagdasaryan.ru/sekulyarizm-kak-religioznyiy-proekt/>

Убийственная роль духовной антисистемы заключается даже не в том, что вас уничтожат, убьют, а в том, что в вас могут убить ваш дух, и вы сами переродитесь в части антисистемы в качестве её адептов, слуг или апологетов.

и трансфинитных чисел Кантора, физика и «теория относительности» Эйнштейна, так называемое «современное искусство» в эстетике, течение «Нью Эйдж» в области духовных практик, трансгуманизм в философии, экологизм в сфере канализации апокалиптических настроений и «тревожности» современного человека, объяснение благости революции и отказа от всех старых ценностей через аргумент наступления «Эры Водолея» и т.п. «духовные» аргументы и мн. др.)

- Карикатуризация высших духовных ценностей и принципов, их переворачивание, высмеивание и вытеснение в маргиналии традиционной морали вплоть до утверждения «контртрадиционной» морали как торжества извращений и кощунств, а также «духовности наизнанку»
- Смешение духовных символов разных культур и их гибридизация, в результате чего эти символы не только утрачивают свое прежнее значение, но и приобретают глубоко извращённый смысл (самые простые примеры: пентаграмма — у левых и сатанистов, свастика — у нацистов, радуга — у ЛГБТ)
- Пробуждение в человеке максимума животного начала, а затем, после его «узаконивания», переход к следующему этапу — пробуждению и фиксации в человеке инфернального, подчеловеческого начала (деструкция и нигилизм, значительно превышающие разрушительные возможности зверя)
- Каверза антисистемы в духовной области заключается в том, что адепты нового состояния мира

убеждены в собственном духовном росте (пример описания такой эйфории — самосознание и поведение людей на острове Пала, которым их духовные наставники дают «абсолютно безвредный» наркотик Мокша-препарат, благодаря которому они чувствуют полноту жизни, повышение своего творческого потенциала и «сто-процентной» духовности³¹)

Фактически «контринициация» или антисистемность в духовной сфере формирует своего рода инфернальный «антицентр» человеческой цивилизации. Убийственная роль духовной антисистемы заключается даже не в том, что вас уничтожат, убьют, а в том, что в вас могут убить ваш дух, и вы сами переродитесь в части антисистемы в качестве её адептов, слуг или апологетов.

3. АНТИСИСТЕМА КАК ОБРАЗ ВРАГА

С точки зрения идеологического происхождения сегодня в зоне жизненно важных интересов Русской цивилизации (на евразийском пространстве) насчитывается три основных разновидности антисистем, с оговоркой, что на практике иногда все три смешиваются и сотрудничают друг с другом. Первая из них — радикальный национализм, даже нацизм, рвущий с историческими корнями своих народов. Сюда относится украинский радикализм, собственно русский радикальный «этнонационализм» (давно уже заявивший себя как полное отрицание всей русской истории и русской традиции), а также всевоз-

можные местечковые антирусские национализмы — от прибалтийских до сибирских. Вторая разновидность антисистем — воинствующий исламизм, ваххабизм, салафизм, джихадизм и т.п., антисистемность которых вполне проявилась в 90-е и начале нулевых годов в ходе чеченских войн и разгула террора в России. Третья антисистема — космополитический либерал-глобализм, который является неприкрытым филиалом глобальной антисистемы.

На Украине синтез первой и третьей из данных антисистем уже произошёл. При этом он приобретает причудливые формы — к примеру, модного течения «жидобандеры» (когда националисты — наследники ярых антисемитов финансируются международными сионистскими или хасидскими структурами, Еврейскими конгрессами и их бизнес-партнёрами, когда местные еврейские лидеры фотографируются в обнимку с вождями «Правого сектора» как родными братьями).

Что объединяет все три главных антисистемы Русского мира? Ответ на этот вопрос однозначен: их объединяет русофобия, она является их фундаментальным признаком.

В таких феноменах, как бывший режим Саакашвили в Грузии, крымско-татарский меджлис Джемилева—Чубарова (запрещённый в России), дудаевский чеченский сепаратизм 90-х годов, татарский сепаратизм — все три разновидности антисистемы совпадают и смешиваются до неразличимости. Многим памятен доклад Института Гайдара, где исламистов откровенно хвалили как полезный таран по разрушению традиционных обществ народов Кавказа. Это не новость — такова последовательная политика Запада, и уже достаточно давно. Однако причины того, почему космополитичный Запад поощряет откровенно пещерные нацистские режимы в Восточной Европе и головорезов в исламском мире, нельзя объяснить одним лишь

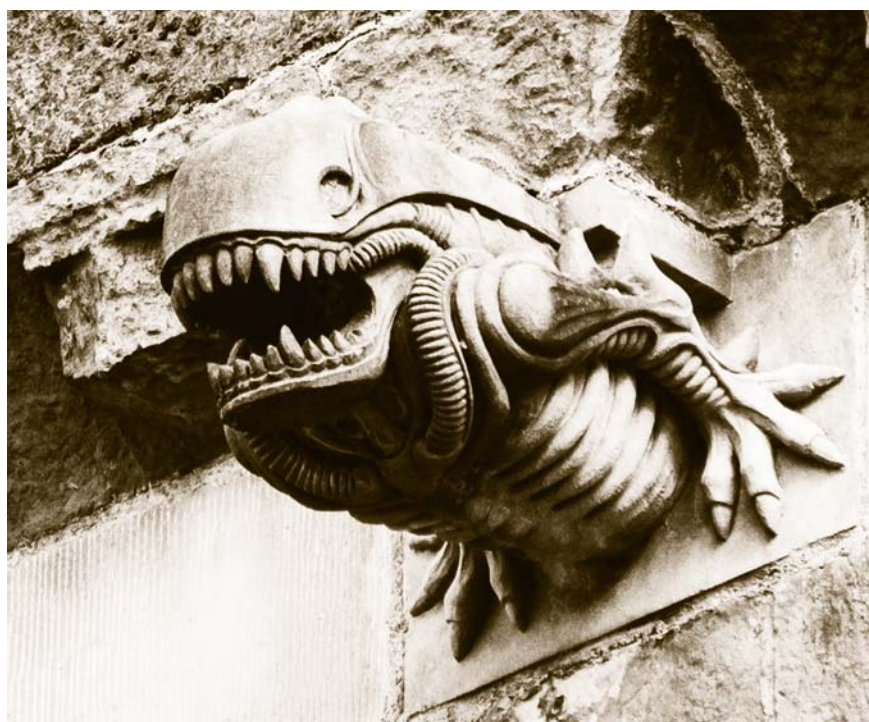
³¹ Мотивы из романа О. Хаксли «Остров» (1962).

политическим прагматизмом. Речь идёт о сходстве их внутренней анти-традиционной сущности, об **«избирательном сродстве»**, которое в случае антиимперского национализма и либерализма подметил ещё Константин Леонтьев, а в наши дни тонко обобщил в диагнозе *proteia anthropolatritia* современный историк Максим Емельянов-Лукьянчиков³².

Лев Гумилёв в своей книге «Древняя Русь и Великая степь» показал механизм использования антисистемных сект и движений внешними игроками. Тогда он тонко подметил, что иудейская верхушка Хазарии категорически не хотела распространения манихейских идей у себя, но с радостью экспортировала их соседям. Данная тактика, безусловно, не нова, можно даже сказать, что она «стара как мир». В наши дни эта проблема приобретает актуальность вновь в связи со странным политическим союзом между «жизнеутверждающим» и вроде бы отрицающим сексуальные извращения ортодоксальным иудаизмом и всевозможными левыми движениями, поддерживающими так называемое ЛГБТ-сообщество. То же самое касается националистического «Правого сектора», который поначалу заявлял себя как защитника семейных ценностей и борца за чистоту расы и традиционные отношения полов; однако «обкатка» в рамках современной Украины привела к тому, что радикалы в своей новой официальной программе уже не выступают против рекламы и пропаганды гомосексуализма, а также против допуска гомосексуалистов на работу в детские сады и общеобразовательные школы³³. Объяснение всем таким «странностям», как мы стараемся показать, одно — речь идёт о действии агрессивных антисистем.

Гумилёв, уже в молодости имевший личный опыт общения с па-

мирскими исмаилитами, с большим вниманием изучал мировоззрение манихеев, павликиан, богомилов, катаров. Он не говорил прямо о связи этих погромных разрушителей традиционных культур с современными процессами. Но уже после смерти Гумилёва все могли убедиться вочью, как администрация Билла Клинтона спонсировала исмаилитские кланы во время гражданской войны в Таджикистане, поддерживала боснийцев (бывших богомилов, формально принявших ислам) в войнах на территории Югославии, как западные культурологи и их российские последователи стали пропагандировать якобы цветущую и либеральную культуру альбигойского Прованса XII–XIII веков, «толерантную» к исламу и иудаизму. Даже одна из бирж во Франции получила название «Монсегюр», что, конечно же, неслучайно и несводимо к чисто культурологическим изыскам. Это одна из тех самых бирж, что привели

к власти нового президента Макрона, чью воинственность миру только ещё предстоит испытать.

А ведь ещё были взлёт мирового исламизма в 2011 году, украинская катастрофа 2014 года и сенсационные успехи «Исламского государства» (организация, запрещённая в России) тем же роковым летом 2014 года. Эти примеры на наших глазах показали, что такое успешная антисистема. Раньше об этом читатели могли узнать лишь из скупых строк об Уйгурском каганате, где манихеи разрушали храмы и памятники всех религий, да об альбигойских войнах. Теперь весь мир увидел, на что способны так называемые «исламисты», порвавшие даже с крайними версиями собственно ислама, отвергнувшие Коран и хадисы и занявшиеся уничтожением важнейших мусульманских святынь. В Мали и Ливии, Судане и Йемене, Ираке и Сирии антисистема явила своё подлинное лицо — и это не было лицом тради-

³² Емельянов-Лукьянчиков М.А. Иерархия радуги. М., 2008; Емельянов-Лукьянчиков М.А. Распаятая радуга. М., 2015.

³³ Так называемое ЛГБТ для них теперь уже не извращения (к извращениям они относят только зоофилию, некрофилию, педофилию), и ограничения, с их точки зрения, должны выражаться в том, что освещение в СМИ и на телевидении тематики нетрадиционной сексуальной ориентации и извращений должно происходить после 22 часов.

ционного, даже в его крайне воинственных версиях, ислама³⁴.

Другой антисистемой стало так называемое «украинство» (и его слабый, но набирающий силу филиал в виде белорусского «литвинства», которое при Лукашенко всегда искусно сдерживалось местным КГБ), сформировавшееся всего лишь в начале XX века, хотя и в благоприятной для этого пограничной контактной зоне. Область не только Карпат, но и всей советской Украины оказалась весьма благоприятной для повторения хазарского эксперимента по совмещению этнической химеры (власти слоя инородцев над славянским населением) с антисистемой. Патологический садизм, характерный вообще для всей лимитрофной зоны от Финляндии до Албании, всегда принимал на Украине особо ужасающие масштабы. Не стало исключением и новейшее время, когда на службу этой клинической патологии оказался поставленным постсоветский военно-промышленный потенциал.

Поэтому **сейчас понятие антисистемы и химеры лучше изучать уже не на гумилёвских примерах катаров и уйгуров, но на примере террористических псевдогосударственных образований типа современной Украины и ДАИШ.**

На Украине внешний контроль осуществляют представители глобалистской элиты Запада (параллель: из писем IX–X веков нам известно, что испанские финансисты следили за положением дел в Хазарии). Собственно правящий слой внутри Украины осуществляют представители той же этнической и религиозной прослойки, что и раданиты тысячелетием ранее. Степень их ассимиляции незначительна: они усвоили русский язык и уже не владеют языком идиш, но в остальном их отчуждённость от основного украинского населения очевидна. На службе у них состоят отряды головорезов-исламистов не только из числа крымских татар, но и из приезжих со всего мира боевиков. Они на современной Украи-

не выполняют роль мусульманской гвардии хазарского каганата. Наконец, население поделено на дезориентированные и ненавидящие друг друга группы. Благодаря своей патологической активности и садистской неуёмности выделяется определённый слой «маньяков», идущих в АТО или терроризирующих мирное население у себя дома. И это не только выходцы из Галиции и Буковины, где уровень «химерных резонансов» зашкаливал задолго до появления идеологии «украинства», но и из степных русских областей Новороссии, и из коренных малороссийских регионов. Лимитрофное положение накладывает свой отпечаток на лиминальный (пороговый) характер психики жителей данных регионов, который особенно усиливается в отсутствие имперского контроля. Итак, современная Украина — это химера с чужеродной властью сверху и разгулом антисистемных сил снизу. Правда, если руководство Хазарии, по Гумилёву, пыталось не допустить их совмещения на одной территории, что позволило данной искусственной конструкции продержаться около 150 лет, то на Украине оба этажа этого противоестественного социального сооружения оказались вместе на одной территории, что обрекает её на судьбу Сомали, если не хуже.

Рассмотрение современной Украины как антисистемы по отношению к Русскому миру стало сейчас достаточно распространённым. Один из наиболее солидных примеров — доклад Н. Ищенко «Антисистемы как фактор разрушения культуры в современных условиях», сделанный на Матусовских чтениях в Луганске 20 апреля 2017 г.³⁵ Автор доклада предлагает следующие пункты, доказывающие, что в идеологии Майдана прослеживаются основные черты, характерные для антисистемы:

³⁴ Получила популярность карикатура, где террорист отсекает от слова ISLAM лишь первые две буквы IS, Islamic State, тем самым разоблачая истинную суть запрещенной организации ДАИШ, не останавливающейся перед уничтожением суфийских гробниц, омейядских суннитских мечетей и угрожающей уничтожить Каабу, как это уже делали их предшественники — карматы в X веке и ваххабиты в XVIII веке.

³⁵ Ищенко Н. Антисистемы как фактор разрушения культуры в современных условиях. Доклад на Матусовских чтениях в Луганске 20 апреля 2017 г. // URL: <http://oduvan.org/chtivo/stati/antisistemyi-kak-faktor-razrusheniya-kulturyi-v-sovremennyih-usloviyah/>

- самосознание малой группы среди большого чуждого народа: украинские патриоты против советской и русской культуры большинства украинцев;
- самосознание творцов истории, для которых все люди не их взглядов — материал (эта идеология отражена в популярных работах идеолога украинского национализма Донцова об антагонизме народа и нации, которые относятся как 9:1; нация как активная сила должна перерабатывать народ);
- отсутствие этнической детерминации: большая часть носителей агрессивной антирусской идеологии выросла в русскоязычных семьях и признаёт у себя отсутствие этнических украинских корней;
- отсутствие социальной детерминации: на Майдан вышли люди со «светлыми лицами» из любых социальных слоев. Хотя заметна некая корреляция между социальным статусом и поддержкой идеологии Майдана (в большинстве своём активисты являются мелкими бизнесменами или творческой интеллигенцией), однако строгой зависимости нет, Майдан поддержали и наёмные работники, и высший олигархат.

Хотя антисистемная идеология распространяется на все слои населения, однако в случае Украины это не означает уничтожения «большого» народа, потому что в культурном плане «большим» народом для этой антисистемы является не часть русской культуры, а вся русская культура, то есть не одна только Украина, а Россия в целом. При этом автор доклада справедливо отмечает, что процессы формирования антисистемы по отношению к русской культуре имели место не только на Украине во время и после

указанных событий, но практически во всех постсоветских республиках и в странах бывшего социалистического блока. Под предлогом борьбы с коммунистической идеологией проводилась и проводится борьба с русской культурой как таковой³⁶.

Сравним теперь данную химеру с социальной структурой запрещённого в России Халифата («Исламского государства») в Сирии и Ираке либо с аналогичными исламистскими структурами в Ливии, Мали, Нигерии, Сомали. Там мы видим то же самое. Руководство управляется извне (обычно из западных столиц или Израиля). Основная масса боевиков рекрутируется из приезжих со всего мира «атомарных индивидов», порвавших со всеми традициями (основных носителей духа модернизации и индивидуализма в исламском мире, как справедливо полагают либерал-глобалисты, доходящие подчас до открытого организационного и финансового сращения с исламистами-головорезами на местах, как это делал фонд Клинтонов в Саудовской Аравии или фонд Сороса на албанских территориях). Наконец, население столь же разобщено и запугано, а частью и утоплено в крови и рабстве³⁷.

Труды Гумилёва сегодня приобретают не просто актуальное, но прямо-таки зловещее звучание. Прошло «тысячелетие вокруг Каспия», а многое так и не изменилось. Всё те же условные «раданиты» используют в своих интересах и даже искусственно создают в определённых регионах (Сирия, Ирак, Магриб, Украина, Закавказье) антисистемную среду, провоцируя тотальное уничтожение памятников культуры и полный разрыв с традициями данных земель.

Традиция всегда означает рост и преемственность и осуществляется,

в том числе, через этнос как пространственно-временную цепочку сохранения и развития этой преемственности (другие пути передачи традиции — религиозная и институциональная государственная преемственность). Антисистема — будь то манихеи Уйгурского каганата, ассасины, пуритане времён Кромвеля, салафиты, ихваны, азербайджанские пантюркисты, албанские исламисты или украинские националисты — не может строить ничего нового, а в состоянии только разрушать старое. **Любая антисистема строится на принципе «от противного» и лишена собственного позитивного содержания. Она может по обстоятельствам конституироваться как анти-Россия, анти-Иран, антихристианство, антиислам и тому подобное, но абсолютно никакого позитивного содержания нести в себе не может, иначе она перестала бы быть антисистемой. В то же время рядовые представители антисистемы, в конечном счёте, всегда оказываются «пушечным мясом», которое в своих целях использует химерная верхушка.**

Существует ли историческая преемственность между связкой «химера — антисистема» в различных регионах? Сам Гумилёв рассматривал только хронологический промежуток эпохи классической древности и Средневековья, но мы можем расширить этот интервал и уверенно сказать, что если некоторые примеры химер в виде власти узкой прослойки завоевателей над массой населения со временем «рассосались», то значительная их часть всё-таки имела самые серьёзные последствия для корённых этносов, и отзвуки этих ситуаций сохранились надолго. Даже в случае с двухсотлетней властью

³⁶ Мы не разбираем здесь тему украинской русофобской антисистемы детально, потому что де-факто такой разбор уже сделан нашими коллегами, в частности, в данном номере журнала этому посвящены доклад С. Баранова и статья В. Даренского.

³⁷ Хотя, оговоримся, определённая его часть из числа суннитов добровольно пошла на службу Халифату. Это в первую очередь малые субэтнические группы с неустойчивым положением на периферии: часть туркоманов и те арабы-сунниты, которые жили в окружении чуждых групп населения и после падения режима Саддама Хусейна потеряли шанс на встраивание в элиту. Халифат предоставил им такой шанс, и логика бывших саддамовских чиновников и офицеров здесь мало отличается от логики советских комсомольцев и партийных бонз УССР, очутившихся сейчас в киевской хунте.

тюрков-протоболгар над славянским населением нынешней Болгарии итогом стало распространение антисистемного богомилства и вечная «особая» позиция болгар среди славянства. За годы господства в Иране парфян — лимитрофного этноса с невнятной собственной культурой и хтонической, змеепоклоннической религией — там за первые два с половиной века от Рождества Христова успели сформироваться антисистемы в лице сабеев, вавилонского талмудизма и особенно собственно манихейства. Противоестественное господство маньчжуров в Цинском Китае породило страшный взрыв в XX веке, сопровождавшийся решительным разгромом уже не только маньчжурской, но и всей многовековой китайской традиции. **В остальных случаях налицо уже и совершенно конкретная связь между той химерной элитой, которая легла в основу современной глобальной финансовой элиты, полностью чуждой как почве отдельных стран «снизу», так и Абсолютному Принципу «сверху», и расплзшимися по планете террористическими очагами современных антисистем. Формальное различие в идеологическом окрасе не мешает рассматривать их как части единой мировой антисистемы, что доказывает пример трогательного единства украинских националистов с исламистами всего мира.** Даже редкое использование ими «антихазарской» фразеологии в пропагандистских целях (типа строительства капищ Перуна и памятников Святославу силами батальона «Азов») не может никого обмануть — эти силы служат именно Новой Хазарии, а не кому-либо ещё.

Уместно, конечно, задаться вопросом о способах борьбы с роковой связкой «химера — антисистема». И здесь вновь оказывается, что от уроков Гумилёва мы ушли недалеко. События последних 25 лет, прошедших со смерти историка, подтвердили правоту его сурового вывода: с антисистемами можно успешно

бороться, только физически уничтожая их носителей. За исключением тех людей, кого успели перехватить и вынуть из сетей антисистем в ранней, начальной стадии, остальные их адепты уже не поддаются лечению и перевоспитанию. Французские короли и римские папы совершенно обоснованно поступили, ликвидировав альбигойцев физически. Точно так же объяснимы репрессии против манихеев в странах от Ирана до Китая. Борьба с ассасинами на Ближнем Востоке не имела никакого успеха, пока монголы не осуществили их планомерное искоренение. Хазарию сломил только разрушительный и беспощадный поход Святослава. Византийским православным войскам пришлось целиком истребить население целых областей, населённых павликианами и богомилами, чтобы остановить распространение этих гностических антисистем.

Новейшее время подтверждает этот тезис. Богатый опыт борьбы России с международным терроризмом «исламистского» и иного толка позволяет сделать вполне определённые выводы. И каждый такой ответный удар традиционных этносов по антисистемам очень болезненно воспринимается верхушкой химеры, ведь без своих щупалец в виде «служебных антисистемщиков» химера почти бессильна. Надо иметь смелость называть вещи своими именами. В 90-е годы Ходжалы и Сребреница стали двумя знаковыми местами, где силам этнической и религиозной традиции (армянам и сербам соответственно) удалось нанести очень чувствительные удары и остановить дальнейшее расплозание хазарско-богомилской антисистемы в Закавказье и на Балканах. Эти два названия до сих пор каждый день активно используются глобальной верхушкой в пропагандистских целях, заменив в этом качестве прежние знаковые топонимы из XIII столетия — Аламут и Монсегюр. Но для такого решения, конечно, нужна военная смелость и политическая воля. Антисистемы можно победить только болезненным и то-

чечным физическим уничтожением их основного ядра — таков тяжёлый урок, который ещё надлежит усвоить как следует России для осуществления нашей стратегической мечты.

4. О «МАЛОМ НАРОДЕ» В СОВРЕМЕННОЙ РФ

Борьба с современными антисистемами на пространствах исторической России сопровождается «вытеснением» сведений об антисистемной активности из информационного пространства государственных СМИ так, словно, указанных сил не существует в природе. В конечном итоге замалчивание проблемы ведёт к потере доверия со стороны народа государственным СМИ и росту популярности альтернативных информационных ресурсов, зачастую оказывающихся проводниками антисистемной идеологии.

В качестве одного из наиболее действенных элементов тактики нейтрализации современных антисистем представляется широкомасштабное разъяснение деструктивной роли и специфики деятельности такого рода образований, предполагающее обязательное вовлечение в подобную работу широкого пула негосударственных информационных ресурсов (частных и корпоративных СМИ, авторских видеоблогов и т.д.). Последнее особенно актуально для работы с молодёжной средой как наиболее пассионарной, восприимчивой к разного рода информационным манипуляциям, склонным к необдуманным протестным действиям. Именно молодёжная среда является основным «кадровым резервом» для современных антисистем. Работа в этом направлении должна осуществляться с обязательным учётом специфических особенностей современного молодёжного восприятия.

Поскольку в последние десятилетия исламистская антисистема в России в значительной степени ослаблена, то для России представляют наибольшую угрозу две других антисистемы Русского мира: украинская, которая изначально была

нацелена на окончательный развал Русской цивилизации, и глобалистская антисистема, главной ударной силой которой является так называемая «пятая колонна» внутри РФ.

Что касается украинского фронта — Евромайдан 2013 года был призван, окончательно зафиксировав итоги 1991 года, двинуться дальше и спровоцировать распад РФ. Утечки о таком сценарии из западных спецслужб произошли уже давно. Данный сценарий не реализовался — поскольку на этот раз руководство России, до того предпочитавшее находить компромиссы с двумя этими антисистемами и даже «подкармливать» их, пошло на ряд радикальных шагов: поддержку референдума народа Крыма о присоединении к России и поддержку сопротивления народа Донбасса дальнейшей украинизации их региона. В результате украинская антисистема, отступив территориально, в сущности как таковая продолжает усиливаться. При этом усиление антисистемы не означает усиления государства и увеличения жизнеспособности украинского общества в целом, скорее — наоборот.

Что касается «малого народа» внутри РФ, то опасность этого фронта состоит в том, что при вялости и безынициативности власти и недостаточной развернутости патриотической альтер-системы, проявившейся, в частности, в таких акциях, как митинг на Поклонной горе, Бессмертный полк, митинги в поддержку «Русской весны» и ряде других, белоленточная «пятая колонна» использует ситуацию экономического кризиса и справедливый по отношению к системе РФ протестный потенциал населения для привлечения его в свои ряды.

Глобалистская антисистема в РФ вынуждена заигрывать с «большим народом» и частично мимикрировать под его здоровые интересы. Однако распространяется обаяние этих игр лишь на самую неопытную, необразованную и непроницательную часть контрсистемных сил, потому что сущность либеральной «болотной» оппозиции достаточно хорошо

просматривается в горизонте российской истории последних 7–10 лет.

Российской власти для купирования данной угрозы следовало бы провести мощную разоблачительную работу в отношении «уличной антисистемы». Однако у современной российской власти есть на этом пути ряд трудно преодолимых трудностей. Главная трудность состоит в том, что сама власть существенно поражена вирусами антисистемы. Обличать антисистему уличную, показывая её сущность, — означало бы обличать и антисистему властную, которая в значительной степени контролирует правительственные структуры РФ и почти весь её финансово-экономический блок, имеет весьма сильные позиции в среде наиболее влиятельных российских олигархов.

События по обострению ситуации вокруг борьбы против Русской цивилизации глобалистской антисистемы и на Украине, и в столичных городах РФ, где сконцентрирована основная масса как уличной, так и властной «пятой колонны», должны развиваться по сценарию усугубления раскола. Возникает высокая вероятность сращения двух ветвей «малого народа» и попыток их пере-

хода в решительное наступление на верховную власть в целях опрокидывания режима и его очищения от здоровых сил, выражающих интересы и мотивации России как позитивной системы и как государства в первую очередь «большого народа».

В этих условиях необходимо прекратить заигрывание с «малым народом», выражающееся в таких фактах, как выпуск на предвыборную сцену заведомо комичных фигур из либерального лагеря, и реализовать программу по обличению антисистемных сил. Целью такой программы должно стать достижение состояния, при котором заявления антисистемных фигур о необходимости вернуть Крым Украине и вернуться к дружбе с Западом, а также другие их высказывания по принципиальным вопросам стали бы неприемлемыми, а сами такие фигуры — не рукопожатными.

В качестве первого наброска такой программы предлагаем тезисы, которые вскрывают мироощущение «пятой колонны» в их неприглядном антисистемном виде, а именно: **эзотерической русофобии**. Нужно сказать за них вслух то, из чего они исходят, но что сами они в публичной российской политике никогда громко

не произнесут, потому что это означало бы подписать себе смертный приговор. За пределами публичной политики (на радио «Эхо Москвы», телеканале «Дождь» и т.д.) подобные высказывания звучат, но, как правило, они не собираются в фокус в едином и непротиворечивом виде.

Итак, приведём 7 тезисов эзотерической русофобии — АКСИОМ «МАЛОГО НАРОДА».

1. Россия не является для нас, для мировой истории и для высшей целесообразности суверенным государством. Она и не должна быть им с точки зрения здравого смысла ни при каких обстоятельствах. От попыток утвердить этот суверенитет плохо бывает всем — и Западу, и Востоку, и самим русским. И самое главное: такие попытки тормозят и разрушают процесс наступления благостного глобального порядка как апофеоза **Цивилизации Нормальности**.

2. Россия должна быть и де факто для нас уже есть (так мы подразумеваем) всего лишь пространство абсорбции со стороны Цивилизации Нормальности. После 1991 года она уже не восстановит свое отвратительное государство. А нынешнее государство является лишь командой по ликвидации остатков суверенитета России. Хотя, следует признать, процесс этой самоликвидации сложен, не линеен. Случаются досадные сбои и отступления. Но неумолимого хода истории никто не остановит и не отменит.

3. Миром должны править западные правительства, которые, в свою очередь, являются менеджерами подлинных творцов современной цивилизации — крупного транснационального капитала и связанной с ним элитой мудрецов тайных клубов, к которым мы имеем некоторое отношение (мы демонстрируем им лояльность и рассчитываем, что для нас открыты двери если не в высшую

элилу, то, по крайней мере, в сферу ее услуги, ведь мы делаем крайне важное дело — обеспечиваем мирный и бесперебойный процесс «недружественного поглощения» ядерной державы России глобальным миром). Мы и наши единомышленники уже сделали и делаем очень много для того, чтобы реальная собственность над всеми богатствами этой страны, все наиболее ценные активы перешли под контроль господ глобальной цивилизации. Россией должны править представители крупного капитала, которые являются подлинно рачительными хозяевами этой земли, а по существу — лишь представителями-наместниками высшей мировой элиты, поручившей им это. Поэтому все политические конфликты и проблемы должны улаживать именно капиталисты, «денежные мешки», а политики и юристы — лишь помогать им и оформлять их волю на политическом и правовом языке.

4. Нельзя отрицать, что большинство русских и всех жителей России вообще не хотят принимать наш голос здравого смысла и смиряться с изложенной аксиоматикой. Они всё ещё живут воспоминаниями о завихрениях истории, в которых им удавалось что-то противопоставить её мейнстриму. Однако это так исключительно потому, что им недостаёт интеллекта, здравого смысла, чувства меры и нормальности. Их трагическая судьба мешает им принять естественный для разумного и просвещённого человека ориентир на высшую цивилизацию, каковой является Запад. Вероятно, они неисправимы, но новое поколение россиян, идущее им на смену, внушает всё больше надежд.

5. Все силы, которые в России будут активно препятствовать этому неумолимому ходу истории, подлежат отбраковке, отлучению от крупных СМИ, от влияния на власть и на умы. Высокий творческий потенциал и какая-либо самостоятельность мышления жителей России, идущая вразрез с нашей аксиоматикой, для нас и нашего бога нежелательна. Потому что такой творческий подъём здесь зачастую со-

пряжён с шовинизмом и выпадением из нормальности (безусловно, в России бывали люди, гениальность которых трудно отрицать, но при этом ярких оппонентов Запада и естественно-сти западного пути: таких как Тютчев, Данилевский, Достоевский, или даже поздний Солженицын, после того как он вернулся в Россию, за что мы его жёстко критиковали, — здесь неуместно расширять этот список).

6. В наших рядах есть и те, кому поручено отрабатывать идеологию русского национализма. Это «наши националисты», которые в ключевых позициях совпадают с нами. Они мечтают захватить власть, чтобы передать суверенитет **Цивилизации нормальности**, а в ответ получить от них номинальные полномочия. То есть уподобиться марионеточным правительствам Восточной Европы и играть в демократию по западным правилам. Что касается наших либералов-космополитов, то они хотят примерно того же. И в этом смысле одни от других практически не отличаются. Отсюда их совпадение в ненависти к «имперскому синдрому», сталинизму и другим эксцессам русской ненормальности и уродливости.

7. Если же вновь побеждает тенденция, которая противоречит нашему чаянию и здравому смыслу, это означает крах нашей Нормальности и нашего Здравого Смысла на данном этапе. Это означает, что «Мир сошёл с ума», «Бог осатанел» и т. п. Значит, нам придётся уехать или временно перейти в подпольное положение. Но победа всё равно будет за нами, рано или поздно!

Такой портрет «малого народа» в России требует глубокой разработки и развития, насыщения деталями, превращения в сценарные замыслы и разнообразные проекты: от слоганов и лозунгов до произведений

искусства и художественно-публицистических фильмов³⁸.

Купирование угроз со стороны «пятой колонны» недопустимо сводить лишь к стандартным методам спецслужб. Необходимо аккумулировать общественную поддержку, патриотическое гражданское общество, системные силы и привлечь колеблющихся, которые соблазняются диспропорциями во внутренней политике существующего режима, но при этом способны распознать подлинного врага Русской цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наступление глобальной антисистемы на национальные государства и региональные державы продолжается. Беспрецедентным её успехом можно считать серию революций «арабской весны», которая, однако, захлебнулась на сирийском рубеже благодаря жёсткой позиции России и её поддержке со стороны Ирана и Китая. На сегодняшний день Россия, Китай, Индия и Иран представляют собой четыре главные платформы, где глобальная антисистема натывается на мощное сопротивление глубинных национально-культурных и религиозных почвенных сил. Латиноамериканская платформа также может быть активирована в антиглобалистском векторе. Союз России, Ирана и Сирии способен активировать союзников «многополярного мира» как коалиции позитивных систем на Ближнем и Среднем Востоке — эти усилия могут нейтрализовать негативные последствия «арабской весны». Не всё проиграно и в других регионах, даже и в самой Западной Европе, в которой миграционный кризис и кризис локальных сепаратизмов даёт силам «позитивных систем» и сторонникам традиционных нравственных ценностей шанс на контрнаступление.

К сожалению, национально-государственные системы не умеют использовать контрсистемные и альтер-системные технологии против антисистем (тогда как последние давно уже научились использовать самые разные системы в своих целях). Можно даже сказать, что консервативные государства до сих пор не признают существования антисистем, считая подрывную деятельность в отношении себя происками иных государств или каких-то системных структур. **Это обусловлено тем, что сами системы по своей природе настолько конструктивны, что видят конструктив и в окружающем мире, рассматривая разнообразные конфликты как некую системную игру** (например, такова склонность некоторых политиков за каждым конфликтом видеть исключительно замыслы по переделу собственности: нефтяного рынка, овладения наркотрафиком и т. п.). **Между тем в мире давно уже действуют могущественные, многочисленные и разветвленные деструктивные, мироотрицающие силы, которые используют как экономические, так и внеэкономические интересы и мотивации.**

Старые системные структуры (корпорации, бюрократические учреждения, политические партии и т. д.) громоздки, излишне формализованы, неповоротливы и чрезвычайно подвержены воздействию антисистем. К тому же они инфицированы двойными агентами, которые успели проникнуть практически всюду. Необходимы структуры по борьбе с антисистемами более компактные, в рамках которых элементы близки друг к другу, что обеспечивает устойчивость таких структур и их защиту от внешних влияний. Новые структуры можно выстраивать рядом со старыми (это старый проверенный принцип организации опричнины

³⁸ Даже такой, в сущности, безобидный проект, как сериал «Спящие», вызвал бурю негодования в лагере «пятой колонны» и заставил её оказать беспрецедентное давление на морально неустойчивого режиссера Быкова, начать его травлю. Думается, что подобная реакция с их стороны — свидетельство опасений «малого народа» о том, что начнётся настоящая комплексная кампания по разоблачению их сущности. Пока же эти силы пользуются в нашем государстве не только всеми правами и свободами, но и бюджетным финансированием, поддержкой спонсоров, в том числе государственных, а также поддержкой властной ветви глобалистской антисистемы.

и других специальных контрсистем), используя стабилизационный ресурс последних для сохранения и укрепления актуальных национально-государственных систем. Проект особой неопричины как своеобразной авангардной артели, где члены корпорации близки друг другу и находятся в том числе в неформальных отношениях — такой могла бы выглядеть стоящая на высоте своего времени новая альтер-система, нацеленная на упреждающую реакцию. Такие динамические консерваторы позитивных систем могли бы полноценно выполнять миссию антивирусов или иммуномодуляторов, защищающих свою родину и веру от антисистемных атак. При этом, как уже говорилось выше, это не должна быть новая спецслужба в чистом виде — это должно быть широкое общественное течение, включающее альтруистов-патриотов, добровольцев, искренних единомышленников.

Русская цивилизация представляет непосредственную опасность для глобальной антисистемы, аккумулируя в себе богатейший опыт практического противостояния её предтечам, зачастую угрожавшим не только России, но и европейской цивилизации в целом (наполеоновские войны, Третий рейх и т.д.). Корни особой цивилизационной миссии России, состоящей том, чтобы защитить весь человеческий род от разрушительного влияния глобальной антисистемы, скрываются в глубинах русской ментальной матрицы³⁹.

Активизация наиболее высоких идеальных качеств русского

человека всегда тесно связана с возникновением непосредственной и очевидной внешней угрозы. Конструкторы современных антисистемных проектов, несомненно, учитывают этот опыт и пытаются уничтожить русскую ментальную матрицу не посредством прямой агрессии, но путём её коррозии через внедрение в сознание русского человека системы «общечеловеческих» либеральных ценностей, ведущих к унификации и последующему расчеловечиванию homo sapiens как вида. Подобные не прямые воздействия в своё время сыграли решающую роль в демонтаже советского проекта и распаде СССР. В настоящий момент аналогичные модифицированные схемы продолжают реализовываться в информационном и культурном пространстве РФ. Именно поэтому так важна сегодня тактика публичного разоблачения антисистем, приводящая к их нейтрализации, о чём мы писали в 4-й главе настоящего доклада.

Ещё одна причина, по которой Русская цивилизация представляет угрозу глобальной антисистеме, состоит в том, что она продолжает сохранять в себе потенциал Большого Развития, в наиболее развёрнутом виде реализовавшийся в рамках советской проектности и воспринимаемый сквозь призму русской ментальной матрицы как желанное торжество (апофеоз) созидательного, творческого, неотчуждённого труда.

Преобразование окружающего мира как следствие последовательной реализации принципа «развития для всех», подразумевающего вну-

треннюю эволюцию каждого индивида, идёт вразрез с фундаментальными установками гностических идеологов, лежащих в основании глобальной антисистемы. В таком контексте **логика противостояния глобальной антисистеме требует от России в первую очередь не механического подавления антисистемных «завязей», а возвращения России, а через неё и всего человечества, на путь Большого Развития.** Речь идёт не о простом заимствовании лучших образцов из «багажа» советского наследия, но в первую очередь о преемстве современной Россией концептуально-проектной миссии СССР и лучших традиций досоветского опыта цивилизационного развития⁴⁰.

Идеологии общества потребления должны быть противопоставлены идеалы «социума Знания», обладающие высоким мобилизационным потенциалом: значимость интеллектуального и духовного развития, ценности самореализации личности в контексте общего курса на научно-техническое и гуманитарное развитие общества. Идея построения «социума Знания» может стать стержнем духовного и культурного притяжения для всего мирового сообщества. Симптоматично, что модель такого социума была концептуализирована в 2005 году во Всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания», в котором были объединены теоретические разработки большой группы международных экспертов и аккумулярованы выводы многочисленных международных организаций.

Переход к «социуму Знания», некоторые элементы которого были

³⁹ Наиболее характерной иллюстрацией противостояния с антисистемой в её предельном выражении является распространённый сюжет русской волшебной сказки, в котором герой вступает в поединок с чудовищем, угрожающим своим вторжением самим основам миропорядка. Особое место в этом ряду занимает сказочный мотив «залегания дороги» чудовищем (Волкодир, Соловей-разбойник, Змей, впоследствии королева-колдунья, разбойники) и последующей её расчистки героем. Залегание дороги в этой ситуации воспринимается как некое глобальное событие, затрагивающее мироосновы. Само понятие «залегания» наталкивает на мысль о том, что перекрывается какой-то важнейший «канал связи», который должен быть восстановлен героем (в русской сказке «залегание дороги» лишает людей хлебных запасов и т.п.).

⁴⁰ Важным технологическим этапом на этом пути видится возрождение работ в области создания целостной системы принципов концептуального проектирования организаций, неожиданно свёрнутых в СССР в конце 1970-х годов в тот самый момент, когда в советской управленческой науке наметился феноменальный прорыв, который вывел её вперёд по отношению к самым передовым системным разработкам Запада. В те же 1970-е годы на Западе столь же внезапно прекратились все публикации ведущих специалистов в этой области, касающиеся данной тематики.

успешно реализованы в СССР, требует создания новой инфраструктуры знания, нацеленной на формировании соответствующих ценностей, смыслов и навыков. Отсюда вытекает объективная потребность в организации масштабного просветительского проекта, пропагандирующего ценности «социума Знания», адресованные различным слоям социума, как российского, так (в перспективе) и зарубежного.

Важнейшим элементом мира, в котором доминируют позитивные системы, должно быть взаимное уважение культурных, религиозных, национальных традиций и своеобразия цивилизационных миров. Следует подчеркнуть абсолютную противоположность между этим идеалом и целями антисистем. Антисистемы хотят уничтожения всей предыдущей культуры и исторической памяти — Русская мечта-максимум исходит из желания интегрировать в себя не только все прошлые этапы собственной истории, но и полноту мирового культурного богатства. Антисистемы строятся на крайнем манихейском эксклюзивизме, на желании полного уничтожения «всех, кто не с ними», на отказе от мировых языков и желании замкнуться в эзо-

Русская мечта-максимум исходит из желания интегрировать в себя не только все прошлые этапы собственной истории, но и полноту мирового культурного богатства. Антисистемы строятся на крайнем манихейском эксклюзивизме, на желании полного уничтожения «всех, кто не с ними», на отказе от мировых языков и желании замкнуться в эзотерическом коконе — Россия исповедует инклюзивный идеал, открытый для приобщения представителям всех народов, языков и традиционных религий. За единственным исключением самих антисистемщиков, подлежащих ликвидации, в Русской мечте найдётся место всем.

терическом коконе — Россия исповедует инклюзивный идеал, открытый для приобщения представителям всех народов, языков и традиционных религий. За единственным исключением самих антисистемщиков, подлежащих ликвидации, в Русской мечте найдётся место всем.

Антисистемы пытаются прочерить границы в пространстве, расчленить единую Евразию на осколки, которыми легче манипулировать, — Русская мечта возможна только в мас-

штабе всего евразийского пространства, без непроницаемых внутренних границ. Антисистемы апеллируют к культу грубой силы — русский идеал основан на мирном братстве народов и сотрудничестве цивилизаций.

Великая Энтропия или Большое Развитие, мироотрицание или позитивное многообразие, глобальная нивеляция или всемирное содружество и взаимное уважение. Такова в общих чертах дилемма, обозначенная в представленном докладе.

Четвёртая **ПОЛИТИЧЕСКАЯ** **ТЕОРИЯ**

*Беседа Александра ПРОХАНОВА
с Александром ДУГИНЫМ*

Александр ПРОХАНОВ: Александр Гельевич, не я один полагаю, что вы являетесь очень крупным, может быть, даже единственным в России идеологом. Мы с вами познакомились, когда вы после 1991 года вбрасывали в российское сознание колоссальные идеи, как-то: евразийство, консервативная революция. Вам принадлежит возрождение и укоренение такой дисциплины, как геополитика.

И всё это проходило быстро, одно за другим, усваивалось обществом. Это было, конечно, странно, потому что эти идеи были настолько новы и громадны. Казалось, мы не были готовы к их усвоению, тем не менее всё это абсорбировалось моментально и теперь живёт как некая идеологическая обыденность. А что теперь у вас назрело? Какую идеологему вы готовы впрыснуть в наше русское, восприимчивое к вашим идеям тело?

Александр ДУГИН: Благодарю, Александр Андреевич, за такую оценку. Я хочу напомнить, что мы познакомились ещё в конце 80-х. Я принёс вам в журнал «Советская литература» статью «Конец пролетарской эры», которую никто нигде в Советском Союзе, даже в самую открытую перестройку, не рискнул бы публиковать. Но вы, будучи сторонником советской империи, её поставили в журнал. Я тогда аж присвистнул от удивления.

С этого наше сотрудничество началось, и все те идеи, о которых вы говорили, термины, которые вошли в наш язык, в наш политологический дискурс — «евразийство», «геополитика», «консервативная революция», «традиционализм», «конспирология» — проходили в газетах «День» и «Завтра». То есть нас связывает фундаментальное единство. Конечно, ваши взгляды были гораздо шире, вы предоставляли трибуну самым разным мыслителям. В то время когда, сектантство других патриотических изданий очень строго их делило, — вы пытались объединить. Это была историческая миссия. Важно написать статью, книгу, но не менее важно её опубликовать.

Если же говорить о будущем, все вышеупомянутые элементы были некоторыми ступенями работы. То, что в 90-е годы звучало неожиданно, сейчас стало банальным. Я сейчас готовлю и достаиваю следующую ступень, которая тоже пока кажется невостребованной, но, возможно, и ей уготована та же судьба, что идеям, воплощённым в жизнь. Евразийский союз — наша реальность, геополитика повсеместно преподаётся, традиционализм — расхожая вещь.

Да и тот режим, в котором мы живём, — отчасти реализация наших грёз, проектов...

А. П.: Вы — демиург, между нами говоря.

А. Д.: Мы вместе с вами демиурги. Мы меняем ход истории в том направлении, в котором считаем нужным, и ничего не сравнится с этим вкусом. Ни богатство, ни успехи, ни власть. Всё это опьяняющие вещи, конечно. Но вкус творения истории — куда сильнее.

Кстати, ещё одна очень важная модель — национал-большевизм. Это же не только и не столько молодёжная инициатива, партия. Это идеология, это метод понимания нашей истории. Есть марксистское объяснение советского периода. Но как национальное явление советизм был не осмыслен. Именно национал-большевизм стал моделью национального осмысления советского периода.

Национал-большевизм привёл меня к мысли о том, что русская политическая модель определяется правой политикой и левой экономикой. Это сочетание правой политики (консерватизм, традиция, религиозные и семейные ценности) и левой экономики (социальная справедливость, сильное государство). Что характерно, современный либерализм выстроен наоборот — левая политика и правая экономика.

Завершив в какой-то момент национал-большевистскую, евразийскую модель, я стал придавать этому более формализованный научный характер. Шесть лет я возглавлял кафедру социологии международных отношений в МГУ и там проработал следующий этап. В результате сложились две следующие ступени, на которые пока ещё никто внимания не обратил, но это карта завтрашнего дня. Я говорю про Четвёртую политическую теорию и Теорию многополярного мира. Это две стороны одной и той же теории. И это ещё более высокий уровень обобщения — Четвёртая политическая теория, которая утверждает, что мы должны выйти за пределы либерализма, коммунизма и фашизма. Все эти идеологии принадлежат эпохе европейского Модерна. Но Модерн исчерпан, либерализм победил коммунизм и фашизм. И когда он победил, то пришёл и к своему собственному концу. Либерализм обнаружил свою тоталитарную природу, с чем мы наглядно имеем дело. Современный либерализм тоталитарен, глобален.

И чтобы противостоять ему, ни в коем случае нельзя возвращаться ни к коммунизму, ни к фашизму, ни даже к их национал-большевистской помеси, потому что это тот же самый Модерн. Четвёртая политическая теория предлагает

выйти за пределы политического Модерна, за пределы и либерализма, и коммунизма, и фашизма и соединить будущее — постсовременность, постмодерн — с традицией, с возвратом к традиции, интерпретированной как вечное, а не как прошлое. В духе Нового времени мы обычно считаем, что настоящее отменяет прошлое. Это гипотеза времени, которая отменяет вечность. Но традиционное общество основано на гипотезе вечности, а не прошлого. Поэтому защищать вечное можно и сегодня, и завтра. Именно из вечности время берёт свой содержательный потенциал. Защита вечности через одновременное обращение к Премодерну и Постмодерну — в этом смысл Четвёртой политической теории.

А. П.: Вечность как изначальность? Вечность как неподвижность?

А. Д.: Скорее — как подвижная неподвижность. То, что Аристотель называл недвижимым двигателем — неподвижная ось, которая заставляет всё вращаться. И это не застывшая неподвижность, это живая неподвижность, которая организует вокруг себя время. Платон говорил, что время — образ вечности. Но когда образ с оригиналом утрачивает связь, то время начинает распоясываться, сходить со своей орбиты, впадает в либеральный постмодерн, рушится, начинает повторяться, рециклироваться. Возникает феномен постистории, «конца истории», о чём говорил Фукуяма.

То, с чем мы имеем дело, — это время, отпавшее от своей оси. Возвращение к оси, по образцу и подобию которой время и создано, есть задача Четвёртой политической теории. На этом основании строится проект будущего, который воплощается в теорию многополярного мира, поскольку каждый народ в ней являет главную ценность. Народ становится носителем той вечности, о которой идёт речь, поэтому пробиться к ней, минуя народ, невозможно. Универсализм здесь очень тонкий. Соединение всего происходит через углубление каждого народа в своё частное.

А. П.: Но как религиозная категория вечность — что это?

А. Д.: Религии разные. Для нас это — Пресвятая Троица. Вечность — свойство Бога в нашей христианской православной традиции. И, по большому счёту, переход к политике, к культуре, основанный на времени и становлении, невозможен без атеизма, без демонтажа Бога, без свержения религии...

А. П.: Мы должны понимать, что угодно Богу, и реализовывать это в практике политической, семейной, духовной?

А. Д.: Не совсем так. Думаю, самое главное в проекте Четвёртой политической теории — всерьёз обратиться к инстанции Вечности. Вечность говорит с нами очень многими способами. Она говорит с нами через религию. Христос — это вечный Бог, который стал человеком. В нём время и вечность пересекаются. Для нас, христиан, вечность вполне конкретна — это Христос, это Бог. И Он пришёл вовремя. Он пришёл в человечество. Соответственно, церковь и есть некое развёртывание послания вечности. Это вечная церковь, которая живёт сквозь земную церковь. Поэтому для нас вход в вечность — это таинства. Наша церковь — эксплицированная вечность. Но для других религий вечность излагается иначе.

А. П.: Но для того, чтобы осуществить богопознание, необходим мистический опыт. Мистическим опытом обладают отдельные индивидуумы и, может быть, целые народы. Как оперировать вечностью, чтобы она проецировалась в мир города, в мир асфальта и бетона? Нужны жрецы? Нужны проводники? Нужны трансляторы этого в политику, в культуру?

А. Д.: Если мы внимательно посмотрим на то, как устроен наш мир, то заметим, что он построен на математической формуле, из которой вечность исключена и где вечность заменена понятием времени. Дальше эта математическая формула обрастает другими, вторичными формулами: бетон, асфальт, демократия, парламент, рынок, столкновение цивилизаций, саммиты. Всё это в действительности не что иное, как развитие изначальной порочной формулы. Она исключает вечность как явление и говорит: а зачем нам вечность, она нас только сдерживает, давайте с ней порвём и построим новый мир. Сегодня этот мир уже в вещах. А вначале он был в идее. И победить его на уровне вещей, на уровне альтернативных технологий, например экономического развития, — невозможно, потому что, пока мы находимся в этой системе координат, мы находимся в рамках абсолютно порочной формулы, основанной на исключении вечности.

И если мы введём просто эту формулу, даже без мистического опыта, то все уравнения перестроятся. Начиная с самого главного уравнения: время и вечность. Начнут выстраиваться иные политические, социальные, экономические, культурные модели. И конечно, кто-то хочет

получить опыт вечности. Они едут на Афон, на Валаам, в леса и монастыри. Культура, которая признаёт вечность, выделяет в том числе специальные институты для созерцания этой вечности. Это личный путь, но это далеко не всё. Более того, я бы сказал, что это не самое главное. В Четвёртой политической теории и в Теории многополярного мира я как раз и показываю: стоит всего лишь изменить теоретические установки, базовые параметры, и мы получаем совершенно иную философию, иную науку, иную технологию. Само понятие техники перестаёт быть тем, чем оно является в нашем мире, основанном на времени. И этот подход не совсем связан с мистикой, потому что на гипотезе вечности можно построить вполне рациональную научную модель.

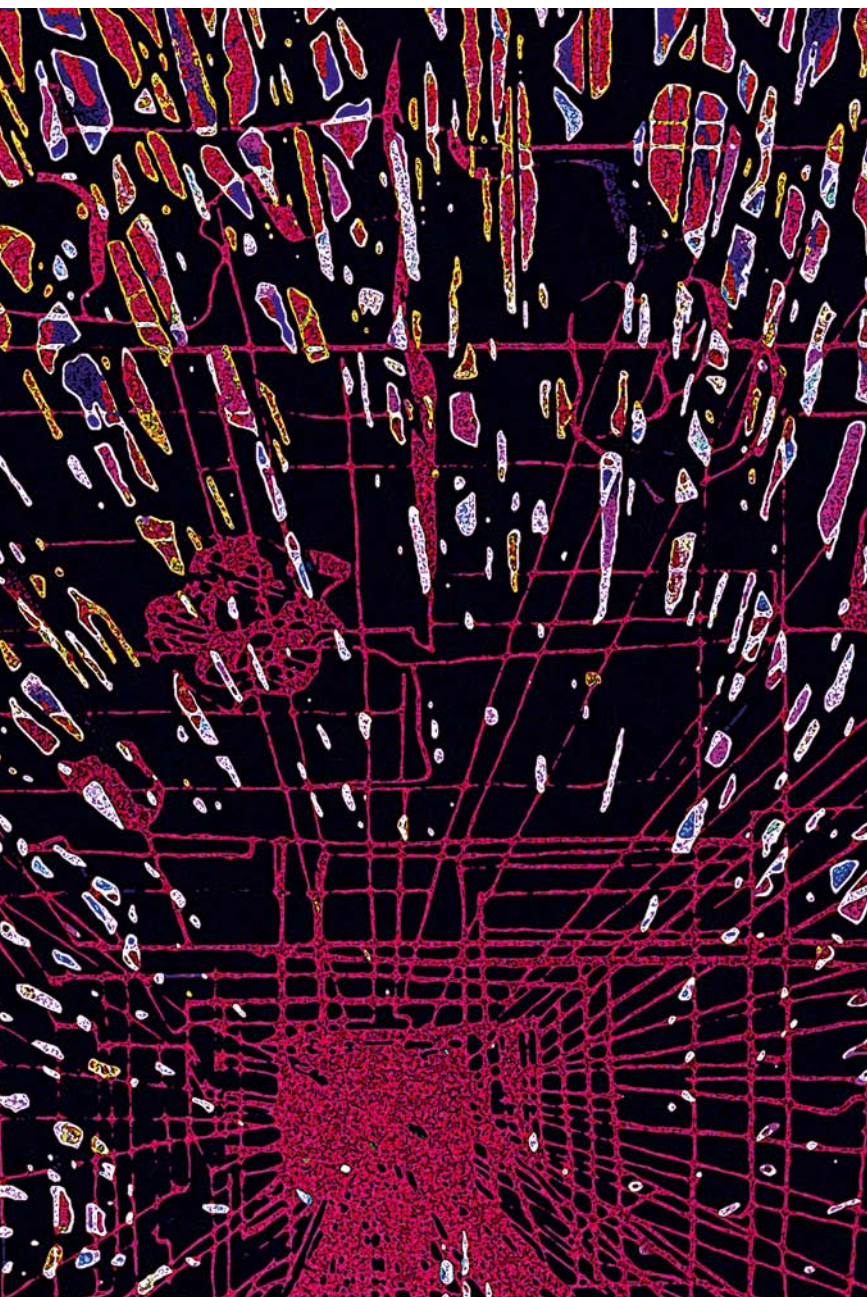
А. П.: Пофантазируйте, как выглядит город, который построен согласно вашим взглядам.

А. Д.: Он, во-первых, должен быть концентричен. Если мы сейчас предложим этот город, мы придём к Москве дораскольного периода. В центре находится ось — воплощение самой вечности в человеческом мире. Царь и патриарх, духовное и земное связанное воедино. Этот город строится вокруг своего центра. Центр является священным. В нём находится дворец и храм. Два уровня вечности: вечности небесной, которая воплощена в патриархе, в церкви, и вечности земной, недвижимым двигателем которой является царь. Соответственно, вокруг него эта вечность расходится лучами, как солнце нисходит по вертикали. Создаётся сословное или вертикальное общество. Но только оно создаётся не по принципу, кто богаче, кто подлее или даже активнее. Но по принципу кто умнее, кто мужественнее. Поэтому монашеское сословие выполняет функцию интеллектуальной элиты, и чистота их опыта и вечности является залогом, что и научные труды у них будут верны. Также тот, кто готов жертвовать жизнью своей для всех, становится повелителем других, которые более трусоваты. Так складывается военная иерархия. Из этой военной и духовной иерархии складывается элита общества. Ещё одним традиционным сословием являются труженики, которые представляют собой третий уровень. Они живут, допустим, за пределами города-центра, создавая уже на земле дворцы, только из брёвен, и создавая такие же иерархические системы, только на уровне семьи или рода. Так мы приходим к идеалу Святой Руси. Есть Святая Русь — перемещаем в XXI век. Другие материалы, но вечные формы.

А. П.: Такие цивилизации существовали, скажем, и в Древнем Египте.

А. Д.: Практически вечно существовали, по сравнению с Новым временем. Вообще, Новое время — это некий мираж, помутнение сознания. Тысячелетиями существовали цивилизации. И вот на этом фоне появилась некая аномалия — эпоха Просвещения. Цивилизация, основанная на просветительских моделях, существует три сотни лет, за которые просто загадила планету, испортила человеческие жизни, разрушила идентичности, технологическим развитием практически превратила людей в полуроботную массу. По большому счёту, превратило человечество в огромную

помойку. За триста лет! А до этого те же самые фараоны в Египте со своими жреческими обрядами и священными животными веками существовали — менялись династии, государства, но принцип сохранялся. Была своя динамика, но везде это было традиционное общество.

И христианство привнесло в традиционное общество потрясающий аспект, практически стало венцом сакральной цивилизации. Греческая философия, иранский дух световой мистики, учение о царстве — всё это вошло в христианство. Поэтому христианство могло претендовать на универсальность традиционного общества. До какого-то момента так оно и было.

Думаю, что представить себе это в будущем очень легко. Именно потому, что это существовало всегда, можно сказать, всегда по-новому, но с основой вокруг оси вечности. Только в последние триста лет на Западе решили эту вертикаль завалить. И завалили успешно. Всего за триста лет модерна мы пробили дно! Тогда как египтяне, иранцы, индийцы существовали тысячелетиями. А тут появляются наглые европейцы и говорят: эти недоразвитые, эти тупые, у этих недостаточный ВВП на душу населения, поэтому «мы летим к вам». На основании собственного свинства стали судить древние культуры и перевернули всё вверх ногами. Но, как мне кажется, это время проходит.

А. П.: Значит, Четвёртая политическая теория — это возвращение к пратеории? Этакое снятие накипи, ржавчины, окалины?

А. Д.: С одной стороны. С другой стороны, новое рождается из вечного, потому что вечное содержит в себе это новое. Но что произошло с эпохой Модерна? Она посчитала, что время самодостаточно, что оно может питаться из самого себя, в самом себе несёт развитие и прогресс. А это было не так. Оно жило в эмпирическом поглощении старыми лучами вечности. То есть Модерн — самая старая, самая древняя из форм цивилизации. Но вечность всегда свежа, всегда нова, всегда несёт в себе то неожиданное, чего ещё никогда не было. Каждая весна, каждое воскресение Христово, каждая Пасха — это Событие. Мы просто утратили понимание этого. Мы утратили понимание жизни как открытия вечности. Поэтому для нас и бессмертие души, и вечное созерцание Вечной Троицы, Её лучи — абстракция или принадлежащее прошлому. А это не так. Поэтому Четвёртая политическая теория — это не обращение к прошлому. Вечность — это совсем иное. Вечность — это всегда новое. Любое соприкосновение с вечностью порождает ощущение абсолютного творческого импульса. То есть будущее не просто содержится в вечности. Вечность давит на нас для того, чтобы мы это будущее создали. Вечность живёт нами, она не отдельна от нас.

А. П.: Значит, это иллюзия, что люди строят социум, создают города, политические системы, творят историю? Получается, что история творит людей. Вечность творит ситуацию. Время проецируется в человека и придаёт ему те или иные временные формы. А если это так, то смещение из области вечного в область временного — тоже каприз

самой истории. Это не сделали изобретатели, алхимики, искатели философского камня. Это сделало само время. Ему было почему-то тесно в своей прежней чаше. Оно выплеснулось за её пределы. Теперь можно уповать на то, что оно вернётся в свои чертоги, и опять это — не проблема нашего конструирования, не проблема нашей людской революции, а проблема самого времени, самой истории. Станет тесно в общежитии, которое создано, и оно уйдёт из него. И этот улей станет пустым, и история переместится в другие объёмы. А. Д.: Когда мы рассуждаем так, получается, что есть человек, который что-то своё создаёт, и есть вечность, которая другая. Но ведь наши отношения с вечностью более тонкие. Наши отношения с вечностью и с логикой истории не просто такие, что кто-то творит свой проект, а мы лишь фигурки. На самом деле человек и есть представитель вечности, и он принимает решения.

У меня есть отдельное философское направление о Радикальном Субъекте. Конечно, здесь мы — пешки, но мы пешки даже не столько вечности или истории, а пешки парадигм, кодов. Но кто устанавливает этот код? Это мы и есть, только в нашем вечном измерении. Реально мы как раз и есть существа вечности, мы — световые души. А световые души, у которых есть полномочия на творение мира, могут сделать мир, так или иначе. Они могут его сотворить в духе вечности и стать соучастниками Творца — тогда они строят традиционное общество, когда вся культура становится неким гимном вечности. Отсюда возвышенный характер: всё восходит вверх.

Но можно построить и ад на земле, мы свободны в этом. То есть от нас зависит очень многое именно потому, что мы являемся носителями того творческого начала, которое вечность вкладывает в людей. Мы когда-то приняли решение принести вечность в жертву времени, построить рай на Земле без Бога. Это обернулось адом. Но это наша ответственность. А вот могущество, которое нам дали, — это наша свобода. И не просто всё само собой вернётся. Было испытание, и те, кто пошёл за Модерном, не выдержали испытания. Они предали самое важное, самое ценное, что делает человека человеком. В конечном счёте, они предали человека, и мы сейчас видим переход к постгуманистическим эпохам в постмодерне. Роботизация, киборгизация — последний шаг убийства человеческого в людях. Но началось

Будущее строится не нами, но и не без нас.

Мы должны построить это будущее не для себя, не для того, чтобы жить ещё более комфортно, с привилегиями, — совершенно не для этого. Обнаружение вечности внутри — вот в чём задача.

Хотя Запад решил утратить человеческое полностью. Новый президент Франции, похоже, реально претендует на роль мирового антихриста. Он — болт системы, возмнивший себя глобальным мошиахом. Это уже приближение к электронному мессии, который станет последним словом цивилизации, катящейся в бездну. Макрон напоминает киборга.

это на заре Нового времени. И теперь то, что находится в конце этого периода, то, что уже живёт после катастрофы, то есть уже на пределе, — это не просто жалкие человечешки, которые поднимают руки, взывают к Богу: спаси нас, построй нам новый мир. Нет, это и есть та самая вечность, которая в нас и которая подталкивает нас изменить ход истории в прямо противоположном направлении и участвовать в суде над историей. Это есть Четвёртая политическая теория. И построить тот мир, который будет основан не по человеческим лекалам, но как в Библии сказано в псалмах: «не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу». Это должно быть не человеческое творение, но сотворчество с Богом. То есть будущее строится не нами, но и не без нас. Мы должны построить это будущее не для себя, не для того, чтобы жить ещё более комфортно, с привилегиями — совершенно не для этого. Мы должны понять, что ориентация человека на самого себя есть не что иное, как убийство человеком самого себя, своего внутреннего достоинства. Обнаружение вечности внутри — вот в чём задача. Мы прошли испытание Модерном, всё потеряли, но что-то осталось верным, что-то не утратило связи с тем, что является человеческим архетипом. Хотя Запад решил утратить человеческое полностью. Новый президент Франции, похоже, реально претендует на роль мирового антихриста. Он — болт системы, возмнивший себя глобальным мошиахом. Это уже приближение к электронному мессии, который станет последним словом цивилиза-

ции, катящейся в бездну. Макрон напоминает киборга. Следующий Макрон, или Микрон, будет уже настоящим роботом.

А. П.: Вы уповаете на древние цивилизации, на традиционные общества. Но ведь что такое рождение христианства — это отрицание традиционных обществ. Традиционные общества завели человечество в тупик, привели его к Содому. Христос явился, чтобы изменить трагическую детерминированность — когда люди пришли к абсолютной тьме. Христос — это огромная духовная революция. Так зачем идеализировать эти дохристианские общества? Они сделали то, что сейчас делает постхристианское общество.

А. Д.: И христианское общество дошло до того же. Это некий закон — закон энтропии...

А. П.: Такого закона нет. Это физический закон. Закон энтропии — это физический закон.

А. Д.: Не совсем так. Человек принимает решение об усилении или расслабленности. И, например, если содомляне приняли решение о расслабленности, то Авраам принял решение о собранности, решение о благочестии. И после Sodoma был период процветания духовной сакральной цивилизации. Поэтому нельзя сказать, что всё лишь деградирует. Просто в определённой ситуации и христианство, как это произошло на Западе и даже у нас, и другие религии принимают решение не поддерживать огонь священной традиции...

А. П.: Но это — дело рук человеческих?

А. Д.: Дело выбора. Ведь человек — это тоже могущественное существо.

А. П.: Значит, вечность каждый раз отдаёт себя на растерзание?

А. Д.: Да. Вечность создаёт свободу. Вечность проявляется в свободе. И свободой можно воспользоваться как в одном ключе, так и в другом. В этом и состоит открытость священной истории. История становится священной, когда этот выбор есть, когда мы можем идти путём Sodoma или путём Авраама. Когда мы можем идти путём Христа или путём Великого Инквизитора. Сама христианская традиция, как и любое сакральное общество, несёт в себе возможность подмены. Это и произошло. Старобрядцы напрямую указывают, где и когда это произошло. Западная церковь, с точки

зрения православных, показывает ещё более древние ситуации отступничества. Ни одна религия от этого не застрахована. Здесь как раз и есть самая большая ответственность: выбрав священное учение, мы ещё не застрахованы от того, что, даже встав на правильный путь, не дойдём до правильной цели.

А. П.: Более того, поскольку мы имеем свободу выбора — эта свобода, в конечном счёте, приводит нас к Содому, и необходимо вмешательство извне. Значит, по существу, вечность приводит человечество, а значит, себя самоё в тупик — с тем, чтобы вечность вмешалась в вечность же. Значит, Второе пришествие?

А. Д.: Конечно.

А. П.: Тогда Второе пришествие — это и есть воплощение Четвёртой политической теории?

А. Д.: Это уже слишком будет. Я считаю, здесь надо быть скромнее. Я не пытаюсь создать новую эсхатологию, я православный человек и придерживаюсь тех норм, которые существуют в нашем Предании. Меня интересует другое. Четвёртая политическая теория ориентирована не столько на ожидание Второго пришествия, сколько на обращение к нему со стороны человека. Мы не можем ни ускорить, ни замедлить это пришествие. Но мы можем свободно поступить сами с собой. Второе пришествие от нас не зависит. Мы можем к нему быть готовы или не готовы, оно произойдёт тогда, когда Бог посчитает нужным. Но с самими собой мы можем поступить здесь и сейчас, ничего не дожидаясь. Можем сделать тот самый выбор, который сделали наши предки, но только в другом направлении, ступив в сторону Модерна. Или же обратиться к совершенно другой формуле, к формуле вечности, обратиться к традиции.

А. П.: Но что бы мы ни предприняли, всё равно Второе пришествие неизбежно. Мы же не о сроках говорим и не о временах. Значит, оно неизбежно. Как бы мы здесь ни изворачивались и ни пытались улучшить себя или наш мир, без Второго пришествия нам не обойтись.

А. Д.: Не оно для нас — мы для него. Не то, что оно придёт как бы полностью независимо от нас. Оно придёт тоже в какой-то очень тонкой связи с тем, каковы мы, что мы делаем, как живём, на что ориентируемся. И Четвёртая

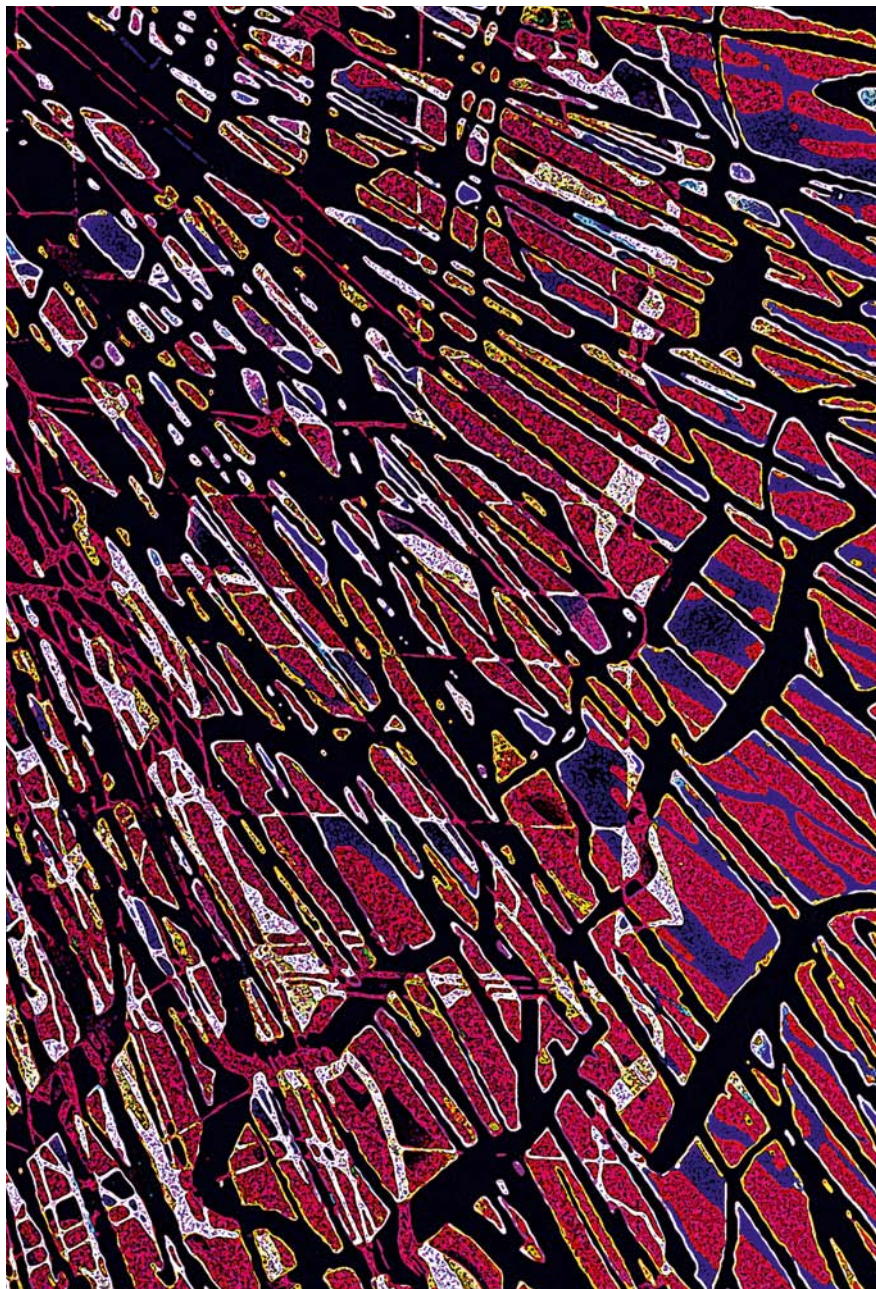
политическая теория обращается к человеку, чтобы он изменил своё отношение к вечности. Это мы можем сделать, мы можем пересмотреть, сделать огромный разбор завалов Модерна. Можем вернуться к традиционному обществу сами по себе, и каждый может вернуться сам по себе. И если один вернётся, то он увлечёт за собой других. Значит, один человек воин, а два человека — это уже вообще всё...

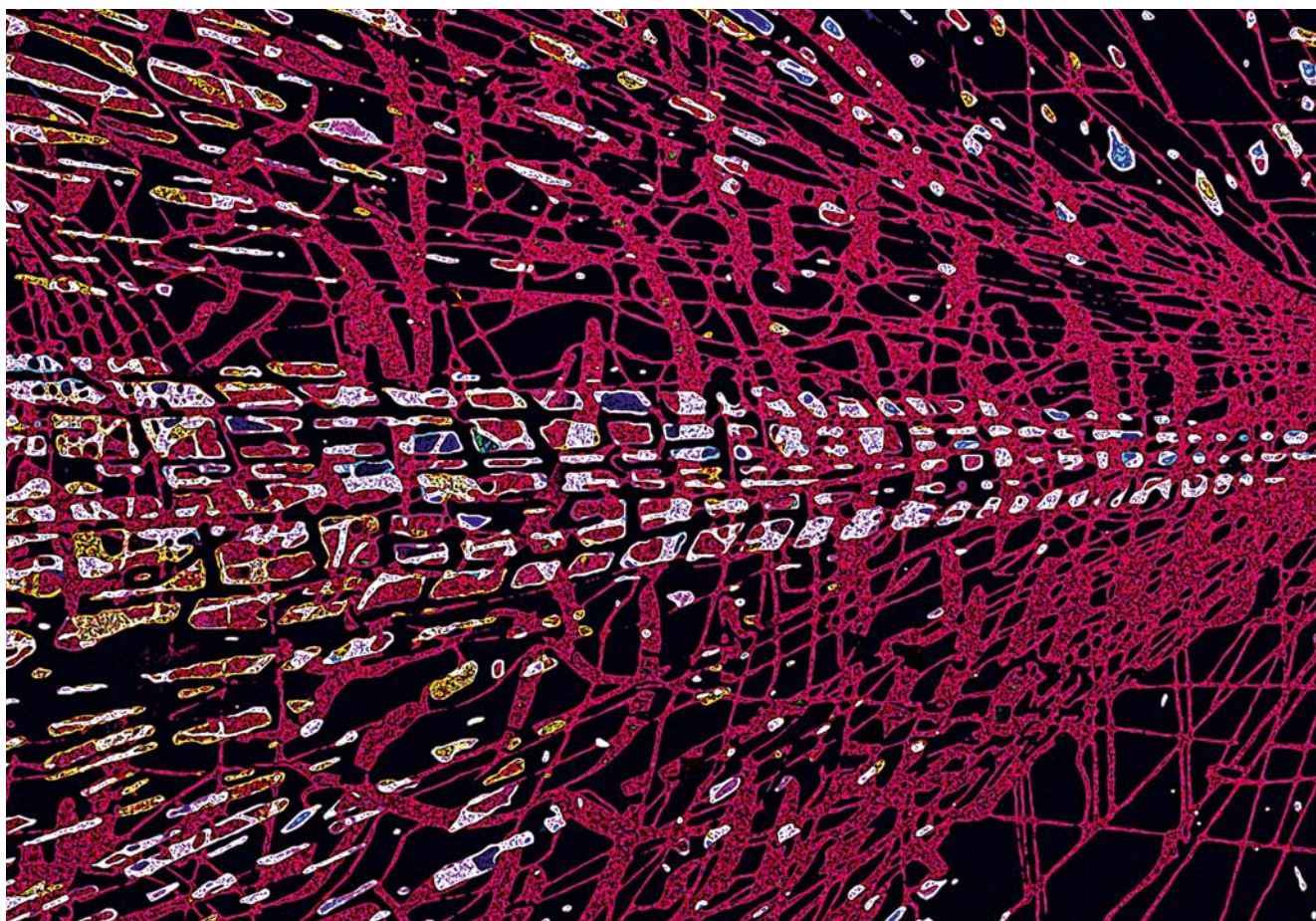
А. П.: Армада.

А. Д.: Да. Христос сказал: «Где двое или трое собраны во имя Моё, там и Я посреди них». А если Он с нами, то никто не против нас. Очень важно, что Четвёртая политическая теория в данном случае не затрагивает теологию. Она обращается к людям на таком языке, который понятен мусульманину, латиноамериканцу, индусу, европейцу. Я сознательно избегаю конкретики нашей с вами православной религии. Я пытаюсь описать ту форму, которая понятна всем. Любопытно, что Четвёртая политическая теория в России пока — закрытая книга. Она не вызвала никакого интереса. Ничего страшного. Зато эта моя книга переведена на пятнадцать языков. Я беседую с политиками, общественными деятелями, философами, религиозными деятелями разных стран, и каждый видит в ней своё. Каждый интерпретирует Четвёртую политическую теорию в том контексте, как он её понимает. То есть мне удалось самое главное — создать модель, которая обращает целые культуры, народы, системы против либеральной доминанции. Это и есть настоящая глубинная теория антиглобализации. Причём для того, чтобы всех, кто выступает против либерализма, не запихнули опять в коммунизм или фашизм, люди, осознав эти три-четыре формулы и найдя в них своё собственное место, пользуются этим всё более эффективно.

Если первая часть моей деятельности была в значительной степени сосредоточена на России, то Теория многополярного мира и Четвёртая политическая теория гораздо больше влиятельны за пределами России. Я был поражён: встречаюсь со спикером иранского парламента, и два часа мы обсуждаем связь иранских мыслителей и Четвёртой политической теории. По деталям! Потому что в Иране есть традиция осмысления Хайдеггера в рамках шиизма. То есть мы друг друга прекрасно понимаем. И такие собеседники есть на Филиппинах, в Аргентине, не говорю про Францию, Италию, Штаты. Кстати, в Америке окружение Трампа читает Четвёртую политическую теорию, как раз люди из окружения Трампа

опубликовали её и ряд других моих книг. Каждый видит в ней своё, интерпретирует по-своему. Получается, что мы можем, по крайней мере на уровне формул, создать серьёзный зазор в фундаменте либерального воззрения, продемонстрировать тоталитарность этой идеологии и отвоевать пространство для того, чтобы с ней полноценно и равновесно сражаться. Либералы отрицают возможность Четвёртой политической теории. Недавно в «Ньюсуик» против меня вышла статья: «Вот Дугин — представитель фашизма-национализма, сторонник Путина» (а это для них всё равно что фашизм). Дальше они цитируют книгу «Четвёртая политическая теория» и оговариваются, что сам Дугин пи-

шет, что он против либерализма, коммунизма и фашизма. То есть теперь они вынуждены откровенно врать и приводить из «Четвёртой политической теории» те фрагменты, которые отрицают то, что они сами пишут. А люди в Сети легко отыскивают сайт Четвёртой политической теории и не видят там никакого фашизма, наоборот, читают критику фашизма.

Четвёртая политическая теория предельно важна, ибо крайне правое или крайне левое восстание против либерализма будет сметено. Вот нынешний европейский бунт против либерализма — это либо левый популизм (СИРИЗА, «Подemos», «Пять звёзд»), либо правый (Марин Ле Пен, «Альтернатива для Германии»). И либерализм очень хочет загнать нарастающий глубинный протест в старые привычные схемы, в коммунизм или фашизм. Этого Четвёртая политическая теория предлагает избежать. Даже не объединить коммунизм и фашизм, но отставить теории Модерна и двинуться в другом направлении. И это послание, которое оказывается крайне востребованным.

А. П.: У ваших идей интересная судьба. Вы сбрасываете их в мир, они не усваиваются

адептами, но каким-то странным образом просачиваются в жизнь как таковую. И носителями этих идей становятся сами процессы, которые происходят в нашем обществе. Однако вам же не удалось создать школу, у вас довольно трагические или драматические отношения с учениками. Почему? Почему конкретные люди не доходят до высоких степеней понимания вас? При этом ваши представления вовсе не исчезают, наоборот, абсорбируются в реальные жизненные процессы.

А. Д.: Я тоже об этом думаю. Я согласен, что это с индивидуальной точки зрения неприятно, хотя есть и удачные последователи. Но, конечно, такого масштаба, которым обладают идеи, эти школы не приобретают. Может быть, дело в том, что существует зазор между народом и населением, между человеком и индивидуумом. Может быть, я часто напрямую обращаюсь к человеку, народу, истории. И история меня слышит, и народ меня слышит, и те инстанции, к которым я апеллирую, меня слышат. А в отдельности — никто. То есть я нахожусь в этой пустыне, но она живёт и откликается. Я постоянно с ней взаимодействую, я вижу,

как реализуются мои проекты, как они воплощаются в жизнь. Но не в глобальном масштабе.

Раньше я возмущался и переживал. Последние несколько циклов я уже перестал и возмущаться, и удивляться. Я понял, что мой разговор не с ними, то есть мне вообще не важно, как ко мне люди относятся. Раньше я хотел быть капитаном корабля, который станет претворять планы в действительность. А теперь я вижу, что они воплощаются без команды, без корабля, просто исходя из моей мечты. Я не могу даже сказать, что смирился, — я увидел некоторую закономерность в этом, ведь чтобы быть носителем идеи, человеку надо очень много работать. А в наше время мир не даёт такой возможности. Сколько было и последователей, и врагов. Даже враги устают быть моими врагами. Они поорут, поорут... Есть некоторые бесноватые, которые держатся, и они вызывают у меня глубокое уважение. Долгая ненависть, как и долгая любовь, вызывает почтение.

А. П.: Ненависть — это та сила, которая превращает молоко в сметану.

А. Д.: Это хорошая идея. Да, самое главное — долгая. Вспышка неприязни, плевков, какое-то хамство свойственны низким душам. А ненавидеть долго, язвительно, ядовито в течение всей жизни — одно из таких качеств, которые меня заставляют по крайней мере присвистнуть. В этом есть то внимание, которое и должно быть обращено на мои идеи. С плюсом или с минусом...

А. П.: Вы преодолели эту драму, повернулись к ней спиной. Но ведь есть драма познания. Для исследователя, для визионера очень большим испытанием является приближение к границе познания. Там, где кончаются возможности и ты изнемогаешь, а перед тобой огромная непознанность.

А. Д.: Этой драмы я не знаю, потому что для меня мир метафизики представляет собой открытый мир. Секрет внутренней границы заключается в том, что его нет. Просто мы открыты полностью. Поэтому, когда мы приближаемся к границе, мы приближаемся к новому пути. Мы приближаемся к новой возможности преодоления.

А. П.: Но эта граница ведь не только вовне, она и в вас. Эта граница ваших возможностей.

А. Д.: Они бесконечны.

А. П.: Есть непознаваемые миры.

А. Д.: И слава Богу. Это и делает процесс по-настоящему вечным. Всегда есть что-то, о чём сказано у Гумилёва: «Но в мире есть иные области, луной мучительной томимы. Для высшей силы, высшей доблести они навек недостижимы». И это не драма, это вызов. Как здорово, что есть такие миры, как здорово, что есть границы, как здорово, что трансцендентное никогда не будет доступно. Это делает наше бытие, по большому счёту, бесконечным. И пусть, ведь главной фигурой моей философии является Радикальный Субъект. Это не я и не вы, и не кто-то ещё. Это то человеческое, что абсолютно открыто и всегда заключается в преодолении самого себя. Радикальный Субъект выше, чем наша жизнь, поэтому он не начинается с нашим рождением, с нашими текстами, с нашей деятельностью. Когда обращаюсь к древним текстам, когда читаю философские и религиозные произведения, я вижу его присутствие. Иногда мне кажется, что будущее можно читать точно так же, как прошлое. Оно так же есть, оно истекает из вечности. И чтение этого будущего как текста, например, ненаписанной книги или картины, ещё не созданной художником, или города, построенного ещё не родившимся архитектором, может освящать меня, потому что всё это творение Радикального Субъекта. И этот Радикальный Субъект не имеет границ. Если мы на него ориентированы, если мы им живём и к нему движемся, то мы сами постепенно перестаём представлять какой-либо интерес. Мы больше уже не страдаем от того, что понимают или принимают, не радуемся, когда достигаем успехов, и особенно даже не заботимся о жизни своей и чужой, потому что это не так принципиально. То принципиальное, что составляет дух, смысл, цели, задачи и одновременно то колоссальное богатство ума и его свечения, которое мы косвенно можем увидеть, само по себе настолько прекрасно, полно, настолько драматично и настолько проблематично в самом себе! Потому что божественный мир я воспринимаю как вопрос, а не как ответ. Я не считаю, что это некая компенсация за наши поиски. Это начало пути. Я думаю, что божественное динамично. Вечность — не застывшая, она абсолютно живая. Более того, она — то, что делает нашу жизнь живой.

А. П.: Но вы же не можете поддерживать это состояние ежесекундно. Это момент. Вас

посещает чудо, и вы встречаетесь с Радикальным Субъектом. А когда вы отпадаете от него, разве вас не посещают уныние, тьма, разве вы не плачете ночами?

А. Д.: Дело в том, что эти вещи сосуществуют. Настоящее присутствие, о котором можно говорить, может быть, даже первичное присутствие, которое мы ещё не определяем в религиозных или каких-то других терминах, не покидает никогда. Оно сосуществует с драмой. Человек огорчается, теряется, грустит, впадает в отчаяние, радуется, веселится, и это не имеет никакого значения. То есть это некие события как бы на поверхности нас самих, наше внутреннее измерение не колеблется, как холодный наблюдатель за нами самими. И наша драма, наши страдания, слёзы или восторги — это просто ничто. Не в этом — человек. Человек — в том закрытом и глубинно недоступном нам самим измерении, в котором мы можем выступать лишь обратной стороной. Мы — тень самих себя. И в той степени, в которой мы — тень, всё теневое нам свойственно. Но в той степени, в которой мы то, что отбрасывает эта тень, — наоборот. У Плотина есть прекрасная формула: игру всерьёз воспринимают только игрушки. То есть в той степени, в какой мы игрушки, мы плачем и радуемся. Но как играющим в самих себя — нам это не так важно. Ну да, какой-то минимальный азарт есть, но совсем не такой, каким мог бы быть в иных случаях.

А. П.: Может быть, перемещаясь с одного уровня на другой, мы просто усложняем тип игры.

А. Д.: Я не исключаю присутствие этого другого уровня, который воспринимает нас как шахматные фигуры. Целиком со всеми его качествами, со всеми его свойствами, со всей его ограниченностью. Это настолько меняет свойство игры, что у нас все пропорции становятся другими. Вызовы, удары, победы, поражения имеют совершенно своё значение. Я допускаю, что и там всё очень живо. У английских романтиков есть произведение о том, как боги оказываются шахматными фигурами, которыми двигает невидимая рука. И это созерцание богов, которые оказываются просто персонажами в руках ещё более высокой инстанции, в то время как для людей они — последняя инстанция судьбы, есть открытая система, она вполне возможна.

А. П.: Там, где кончаются игры, начинаются игрища.

А. Д.: Может быть, да. Или то, что люди называют играми, — банальная рутина, механическое движение шариков.

А. П. Я иногда думаю, что наше русское архаичное сегодняшнее — это наше спасение.

А. Д.: И проклятие одновременно.

А. П.: Проклятие — нет. Потому что прогресс, к которому мы стремимся, уводит нас от традиции.

А. Д.: Это верно. У меня есть важная работа «Мартин Хайдеггер: возможность русской философии». Я анализирую структуру нашего общества, где в знаменателе архаика, а в числителе Модерн. Получается такой археомодерн. Архаика не даёт возможности проводить модернизацию, потому что надо всё время её переинтерпретировать. А модернизация не даёт возможность архаике высказаться, не даёт возможность породить Логос. И одно не спасает другое, одно мучает другое. Это, кстати, почувствовали славянофилы и западники. И они попытались это решить, одни — в сторону архаики, другие — в сторону модернизации.

И мы до сих пор с этим не справились. Я считаю, что архаика прекрасна, но мы должны её освободить, она в тюрьме. Над скованной, прикрученной к батарее архаической сущностью каждый день производятся омерзительные, бесчеловечные эксперименты по телевидению, в культуре, в политике. Наша архаика страдает. И представлять её в качестве девиц с балалайками или медведей с хлебом-солью — это издевательство. Архаике не дают расцвести, это бутон. Это наше всё, но Модерн мешает раскрыть наш Логос.

А. П.: Я думаю, что наша архаика не в том, что нам предлагают на сковородке, а в том, что мы остаёмся по-прежнему душевными, наивными, доверчивыми, безумными, сердобольными, предельно жестокими. Мы живые, и наша архаичность делает нас способными к трансформации, о которой вы говорили. Отсутствие стальной железной структуры в душе русского человека, может быть, делает его очень привлекательным для других народов мира. И, наверное, по-прежнему Россия считается душой мира, которая нуждается в том, чтобы ей дали слово.

А. Д.: Полностью согласен. Россия является душой мира. И она нуждается в том, чтобы ей дали

возможность сформулировать собственный логос. Но этого права мы лишены. Это исток, то есть драма моей личной борьбы. Я считаю, что нашему архаическому началу необходимо стать словом. Не просто получить право голоса, мы должны выплеснуть из нашего русского мифа, из русского сновидения русское слово, русский Логос. Исторически мы несколько раз подходили к этому. Я вижу, как это же самое движение повторяется: раз — железные ворота закрылись, второй раз — опять железные ворота закрылись. И здесь уже, поскольку я русский человек и для меня невозможно прорваться к субъекту, минуя русское начало, без русского субъекта не будет самой главной ступени. Соответственно, русский субъект для меня и является той главной целью, главной ставкой уже в экзистенциальном воплощении в жизни здесь, в России. И это составляет пафос моей борьбы: борьба за русского субъекта, за русский Логос, за то, чтобы русское архаическое начало смогло заявить о себе не только этим предварением, о котором вы говорили, какой-то душевностью, открытостью, особенностью, которой мы действительно всех и пугаем, и привлекаем. Но есть ещё нечто, ради чего всё это. Ради чего наша тысячелетняя история. Мы не сказали самого главного слова в своей истории. Может быть, это как раз слово русской вечности. Мы подходили

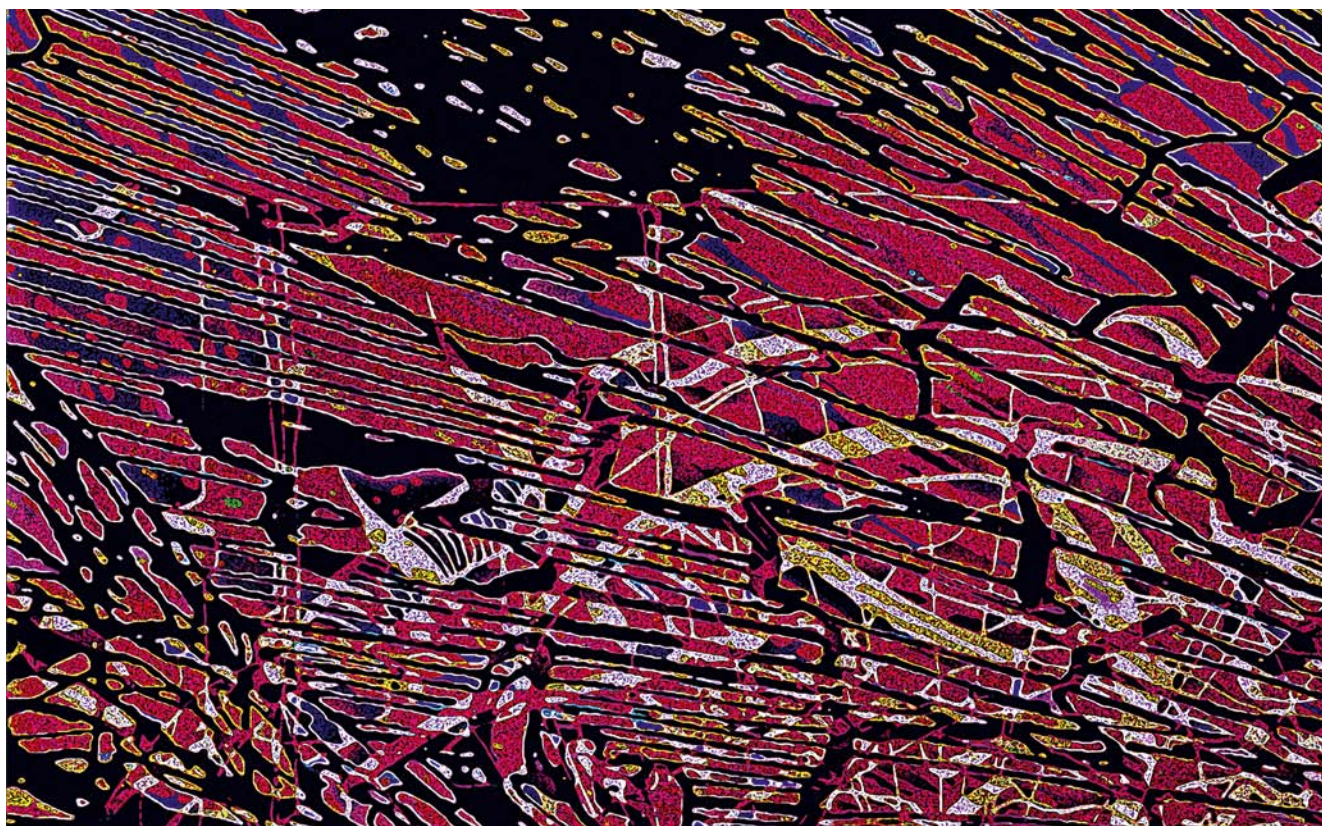
к этому несколько раз. Мы почти уже говорили наше слово, наши губы уже складывались таким образом, что формула русского Логоса уже готова была сорваться с наших уст, и в это время нас сметал какой-то железный поток или катастрофа, нам стреляли в лицо. И это всё продолжается, только мы подходим — нас косит.

А. П.: Что это за моменты?

А. Д.: Я думаю, самый ярчайший — это «Москва — Третий Рим». Когда мы освободились и от Византии, и от Орды, но одновременно взяли на себя их миссии. Мы стали оплотом православной империи, стали Катехоном, Третьим Римом. И Иван Грозный практически достиг этого. При нём русское приобрело характер уже отстроенного здания. Это самый презираемый в нашей модернистской историографии период, но это самое прекрасное, самое оболганное время, когда мы, русские, подходили к вечности. Мы уже почти сказали это слово. Может быть, с помазанием Ивана Грозного, со Стоглавом почти сказали, уже оставалось буквально чуть-чуть, но потом — Смутное время нас отбросило.

Второй период очень неплохой был после Смутного времени. Опять мы начинаем подниматься. Но происходит Раскол — кошмарная травма.

Конец XIX века, пробуждается русское сознание. Отступает синодальный петровский момент. Мы начинаем двигаться к Серебряному веку, к новой религиозной философии. Россия готова высказать своё «Я», свою тайную мысль. Уже наши поэты, художники, музыканты (а все русские классические музыканты были славянофилами) отображали эту идею. Мы подходим к русскому Логосу и — революция нас выбрасывает.

И вот, казалось бы, сейчас нет ни одного препятствия, ни другого, ни коммунистического, ни петровско-западнического. Казалось бы, мы свободны. Но мы никогда не были так закабалены, как сегодня. Если посмотрим на культуру, на политику, на государственность, на экономику, всё русское, которому, казалось бы, сам Бог велел сейчас проявиться, отстранено от участия в истории так, как никогда не было. Притом что у нас есть и исторические предпосылки, и народ, который сохранил своё «Я». Вопреки всему. По сути дела мы такие же русские, как были всегда, и у нас есть президент — наш шанс. Он отражает все русские структуры. Я прекрасно понимаю, он — часть русского народа. Но что между ним и нами? Что это за забетонированный бункер, в который русскому человеку, как в Санкт-Петербург XVIII века человеку с бородой, был запрещён

вход? И бороды у наших царей появляются в конце XIX века под воздействием славянофильских идей. Славянофилы, кстати, тоже сначала всё проиграли, а потом практически всё выиграли. Последний царь Николай II был царём-славянофилом, но, к сожалению, тоже трагично всё получилось.

А. П.: Путин должен перестать бриться?

А. Д.: Это уж как он хочет. Мы и так видим, что это русский человек. Но между ним и нами стоит бункер. Кто эти люди, которые находятся между ним и нами? Они и есть та железная хватка, которая держит мой народ в подвале. Формально тоже русские, но это обратная сторона русского человека. Я вижу вокруг Путина три типа, три партии: коррупционеры, которые любое действие превращает в собственную выгоду; шпионы, которые всё согласовывают с Западом; и дебилы — это все остальные. Ещё есть промежуточные формы. И эти люди, с одной стороны, часть нашей культуры, это русско-советские люди, они представляют собой антинарод. Они блокируют президента от его народа. И это продукт того отчуждающего Модерна. Это бесконечное напластовывание ложных формул, выстроенных на изначальной ошибке. Нельзя сказать, что дебилы, шпионы и коррупционеры — это явление техническое,

спонтанное, что они там оказались по случайным обстоятельствам. Наша элита есть некий негативный результат истории. И на Западе абсолютно такая же элита доминирует, только коррупционеров, думаю, поменьше.

А. П.: Несмотря на это, русская трава прорастает сквозь асфальт, и её пока не косят. Просто есть медленный и угрюмый рост этой травы. Сегодняшняя ситуация по сравнению с девяностыми, конечно, сильно изменилась. Русский фактор очистил себя от безумия постсоветского. Там исчезли мелкие группы, течения, общественные организации. Значит, это было просто очищение. А потом ядро, наполнение русского движения медленно и неуклонно выдавливает либерализм. Причём я с вами согласен, что одним из проявлений этого выдавливания является президент. Само появление Путина и его эволюция в русской истории — это, конечно, эволюция русского фактора в постсоветский период, я вижу четыре-пять периодов его самоощущения, самосознания. И я уверен, что не Путин строит государство, а оно его строит. Не Путин создаёт новую форму для поведения государства Российского, а оно вытаскивает в нём, в Путине, русло для своей реализации.

А. Д.: Согласен с вами. Я думаю, что Путин — это народ. Его плюсы и минусы — наши плюсы и минусы. И мне кажется, что народ с Путиным общается теневым образом, на уровне бессознательном, на уровне сновидений. Когда ситуация становится жёсткой, Путин даёт русские ответы на любые вызовы. Другой вопрос, что политически в девяностые патриотическое движение проиграло, и Путин пришёл не от нас. Это не наш кандидат. Но именно он стал выразителем русской стратегии или русского ответа вопреки всему.

А. П.: Это свойство русской истории, которую не понять без категории чуда. Её не понять через рациональную последовательность явлений, через экономические факторы, через поведение элит. Русская история объяснима только через чудо.

А. Д.: Да. И сейчас мне кажется, что элита, которая отделяет Путина от народа, — рациональная сторона, которая не нам принадлежит. То есть дискурс, уровень беседы, уровень осмысления — всё это фундаментально заминировано. Либо одним, либо другим, либо третьим. И разомкнуть систему, которая отделяет Путина

от народа, на мой взгляд, — задача и его самого тоже. И он должен бурить, и мы должны бурить тоннель сквозь массу этого кошмара.

А. П.: Как бы не промахнуться.

А. Д.: Вы правы, можно и промахнуться, потому что налицо очень твёрдая гранитная порода — коррупционеров, шпионов и дебилов. Каждый имеет свою собственную конфигурацию, свои собственные кланы. И уже существуют десятки тысяч кандидатов. Уже подрастают юные коррупционеры. На подходе юные дебилы. И конечно, формируются либеральные поколения. Это такая гранитная плита политических элит России. Они обладают определённой жизненной, своего рода вампирической силой. Они вытягивают новых людей. Независимо от смены руководителей этих магистральных направлений к ним притягиваются новые и новые. Они меняются, а система нет. Система меняется только принципиально. Когда Путин сомкнётся с народом, то она должна иметь рациональный характер. Это та русская мысль. Уже не просто чувства и не просто надгосударственное управление, а именно мысль должна их объединить. Когда эта мысль возникнет, вокруг этой тоненькой нити образуется институт. Может быть, именно этот институт и является единственно важным. То есть надо создать некую четвёртую колонну между шпионами, дебилами и коррупционерами в общении нашего президента с его собственным народом.

А. П.: Тогда появится помазанник.

А. Д.: Не знаю. Может быть. Что касается монархии в России, она ведь, согласно старцам, перед концом света будет восстановлена. Другое дело, что это будет за монархия. Если, например, приходиться к монархии сейчас, то запросто возникнет чудовищная пародия, ибо всё нынешнее ворьё, которое представляет политическую элиту, присвоит себе статус наисветлейших князей, бояр и лишь добавит себе безнаказанности. Монархия в эпоху постмодерна — крайне опасная вещь, потому что в пародию она превращается легко. И то, что не может сделать президент, как мы знаем, монарх с точки зрения добывания страны спокойно делает.

А. П.: Помазание может происходить не в храме и не через венец. Помазание может происходить через победу — великую духовную победу. Мне кажется, что Путин чувствует свою миссию. У меня несколько недель назад была с ним личная

Русские люди, когда включатся, — могут чудеса творить. Русские вообще границ не знают. Великий по-настоящему народ, но спит. Спит и во внутренних снах благословляет Путина.

встреча, и я рассказывал ему о нём самом, так, как я его вижу и понимаю через таинственные русские коды, которые в нём просыпаются. Он слушал это всё с интересом, вниманием и пониманием. Поэтому преодоление этого тромба, этого бункера — не просто возможно, оно неизбежно. Стоит провозгласить такую категорию, как Русская мечта, и тромб рассосётся. Потому что это и есть смыкание двух тоннелей: идущего от него к нам, и тоннеля, который мы прокладываем к нему.

А. Д.: Я полностью с вами согласен. Единственное: неизбежность — это не категория истории.

А. П.: Почему? Второе пришествие неизбежно.

А. Д.: Да, но это другое. Я думаю, самое интересное — что в истории мы открыто рискуем тем, что это может случиться, и тем, что это может не случиться. Если это так, то жизнь приобретает по-настоящему терпкость. Например, успеем или нет? До какой степени наш президент понимает эту необходимость? Как он видит? Ведь его же мысли в этой системе политической элиты тут же преломляются. Он много раз говорил: дайте национальную идею. Но это задание он предоставлял либо коррупционеру, либо шпиону, либо дебилу. Либо всем троим. В итоге версия одного — надо распилить, другого — превратить всё в либерализм, ну а третий просто не понимал, чего от него хотят.

А. П.: Детерминизм носит пасхальный характер. Русская история — это пульсар, в котором мы возникаем, расцветаем и потом гибнем, превращаемся в тьму, в ничто. И из этой тьмы, из ничто опять возникает цветение. Это напоминает въезд Христа в Иерусалим, бичи, распятие, смерть и восстание из гроба. В этом смысле русская история предопределена. Россия не исчезнет. Я этого не знаю, я просто в это верю. Я к этому пришёл не через понимание текстов и изучение летописей. Я верю, что русская история как часть надмирной, надвечной России неистребима, не подвержена смер-

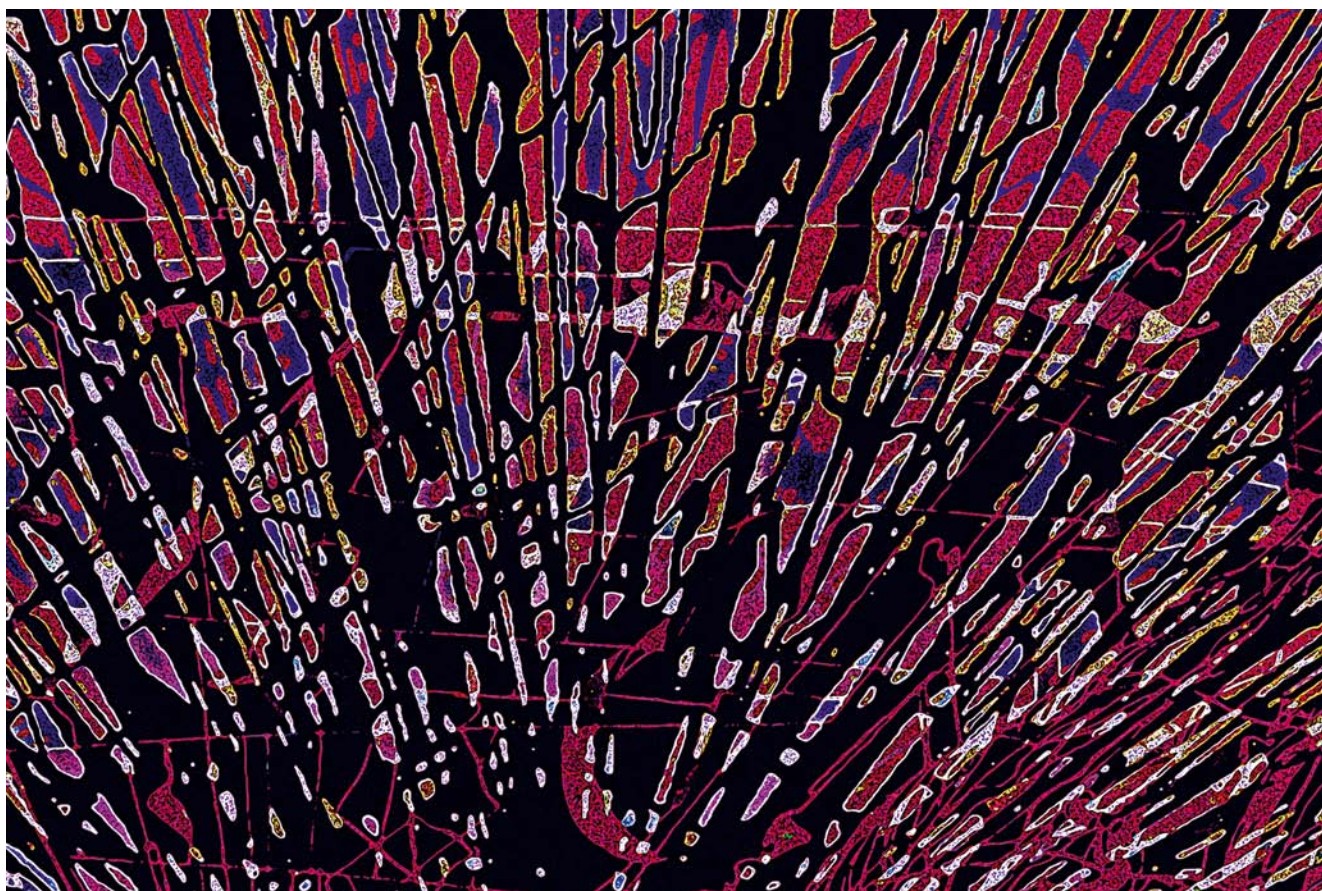
ти. И в контексте этого моего собственного сознания неизбежность путинского пришествия очевидна. Может быть, это уже свершилось, несмотря на существование тромба. Может быть, через Крым, может быть, через его последний срок. Путин ворвался в русскую историю как чудо и трансформировал эту историю. В очередной раз выхватил нас из пасти чёрного страшного зверя.

А. Д.: То, что он сделал, — это настоящий подвиг. Это спасение страны. Поэтому Путин вполне может иметь статус национального спасителя в критический момент, он до сих пор держит всё на себе. И хрупкость ситуации именно в этом. Конечно, он не сам, он — народ. Он, как народ, держит. Битва за Крым, битва за Донбасс, битва за Сирию. Битва за Украину. Битва за Трампа. Битва за сохранение суверенитета. Каждый день такое впечатление, что Путина заставляют сдавать экзамен. Каждый день на протяжении этих семнадцати лет он получает чёрную метку — письмо от мирового правительства, которое говорит: всё, закончил, хватит, иначе мировая война, иначе — то. Это действительно подвиг — держаться в такой ситуации.

Но я не могу понять, почему не создать четвёртую линию, четвёртую колонну, о которой мы говорим. Ведь народ его поддерживает через этот гранит. Неслучайно рейтинги Путина зашкаливают, а рейтинги правительства — наоборот. Или Путин приходит на Конгресс семей для того, чтобы вместе с семьями протестовать против закона, который принимает. У меня даже гипотеза была, сейчас её политологи на Западе используют: солнечный и лунный Путин. Налицо раздвоение: Путин как государственная элита, и Путин как русский человек. И между ними до сих пор идёт открытая борьба. И мы в ней тоже аргументы, мы в ней можем что-то терять, что-то приобретать.

А. П.: Мы в ней — не только аргументы. У нас в этой борьбе есть место, есть задачи и миссии. Мне кажется, задача русских движений не в том, чтобы создать ещё одну партию, стремящуюся к власти, и не в том, чтобы навязать какой-то новый уклад. Она в том, чтобы пробиться к Путину. Пробить этот тромб.

А. Д.: Я именно это и имею в виду. И здесь есть риск: мы ориентированы на победу, но нет победы без возможности поражения. То есть без риска потерять всё, ничего нет. Если мы будем считать, что всё за нас решено, мы ослабим нашу внутреннюю пробуждённость.

А. П.: Я-то говорю, что реальность такова, что мы проиграли, мы в поражении. Надо эту тьму, ощущение огромной неудачи трансформировать в ощущение победы. Нам не нужно бояться поражения — мы в нём.

А. Д.: Более того, Путин сейчас держит на пределе. Это как на человека нагрузили двенадцатиэтажный дом, а он держит. Это подвиг реальный, но это не навсегда. Это рискованно. Мы должны понимать, что это всё может рухнуть. Поэтому, засучив рукава, каждый из нас должен действовать, от каждого из нас зависит всё. Вы правильно сказали: пинешь, и никто не обращает внимания. Но если ты опустил руки — тогда ты проиграл. Не обращают внимания — ничего страшного: работаешь, проигрываешь, опять встаёшь. Мы очень плохо переносим неудачи, начинаем грустить, впадаем в депрессию, пьём. Надо научиться стоять до конца. Полагая: да, хорошо, Путин. Но нужно взять часть с него на себя. И нести.

А. П.: Но мы это с вами и делаем.

А. Д.: И все должны так делать. Русские люди, когда включатся, — могут чудеса творить. Русские вообще границ не знают. Великий

по-настоящему народ, но спит. Спит и во внутренних снах благословляет Путина.

А. П.: Народ-соня. Но не дай бог, если его посетит бессонница. Тогда никакое снотворное не поможет.

А. Д.: Я-то как раз считаю, что нам надо не бояться его пробуждения. Я со многими в окружении Путина говорил — они реально боятся народа. Боятся, что когда он проснётся, то будет совсем не таким, каким кажется. Будучи русскими людьми, мы понимаем, какая вселенная в нас содержится. Но надо решиться. Потому что — тут Ницше можно вспомнить — только тот, кто носит в душе хаос, может родить танцующую звезду. Мы родим из себя Логос, только если освободимся.

А. П.: Мы с вами провели довольно мощный экскурс нашего «Я» — и нашего общего «Я», и нашего отдельного друг от друга «Я». Просто какое-то камлание было. Значит — работать и не сомневаться.

А. Д.: Да.

**А. П.: «Дроби, мой гневный ямб, камня!»
Спасибо за беседу.**

/ Максим МЕДОВАРОВ /

Контуры Русской мечты

1. ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ВЕК ПРИНАДЛЕЖИТ РОССИИ?

Своя мечта, несомненно, есть или была (до наступления эры постмодернистского всесмешения) у каждого крупного народа с собственной выраженной государственной традицией. Несмотря на историческую изменчивость границ и социально-политического строя ключевых мировых держав, мы можем приблизительно сказать, в чём заключалась эта мечта, и констатировать, что она в значительной мере уже воплотилась в их реальной истории. По отношению к России такого сказать нельзя. И незавершённость, недооформленность её территориальных границ вплоть до XX века — не самая главная тому причина. Не менее существенно, что на каждом этапе

русской истории существовал определённый «зазор» (подчас — огромный) между народной мечтой и реальным внутренним строем государства. В некоторых случаях столкновение различных идеалов (старообрядчество — петровство, красные — белые) доходило до полного антагонизма.

Вот почему как русские, так и западные мыслители часто полагали, что Россия-де ещё слишком молода, что у неё всё впереди, что её будущее не вырисовалось со всей определённости. Кажется, первым, кто откровенно высказал это, был Пётр Чаадаев. Отказавшись от юношеского нигилизма, он пришёл к мнению, что именно потому, что прошлое России с точки зрения духа равно нулю, её будущее может быть великолепным и ослепительным: наша страна получает уникальный шанс не повторять ошибок более

старых народов. Тем самым поздний Чаадаев попал в унисон с распространившимися в 30–40-е годы XIX века теориями о «молодости» русского народа, который ещё скажет своё веское слово и примирит все социальные противоречия и внутренние проблемы Европы. «Деятельный век принадлежит России!» — эти слова звучали рефреном в романе князя Одоевского «Русские ночи». «У нас раньше, чем в целом свете, воспринимается Светлое Воскресение Христово!» — восклицал Гоголь в своей грандиозной утопии «Выбранные места из переписки с друзьями». Эти настроения живо сказались затем у Погодина, у славянофилов, у Достоевского и даже Данилевского, в которых утопическая сторона юношеского увлечения Сен-Симоном и Контом брала верх над сугубо научной стороной того же позитивизма.

Неустроенность России, нерешённость некоторых простейших вопросов её существования обусловили новый всплеск упований такого рода в начале XX века. Мы не будем говорить обо всех представителях Серебряного века, о пророчествах Блока и тому подобном, ограничившись одним, наиболее ярким примером.

10 июня 1910 г. в праволиберальной газете «Утро России» появилась необычная статья под простым названием «Россия». Автором её был Борис Бугаев, более известный как Андрей Белый. Заявляя о своей принципиальной внепартийности, он ярко и наглядно показал: Российская империя — лишь фактически существующее государство, не имеющее пока законченной формы и своего идеала, который можно любить, к которому можно стремиться. С этнической точки зрения Россия многонациональна; собственно же русская культура доселе не представляет такого стройного единства, как культура древнегреческая или немецкая: «В произведениях русской культуры рождается искомая нами реальная Россия, но как предвестие, как давно ожидаемое чаяние, *не как реальность*». Гоголь, Достоевский, Соловьёв были устремлены к будущему, их величайшие труды полны пафосом будущей России, которая вот-вот соберётся да и явит себя всему миру — но пока ещё не явила. «Стало быть, Россия есть некоторое не данное в истории, но предполагаемое единство исторических, бытовых, этнографических черт, предугадываемое величайшими русскими писателями и философами», — делал вывод Андрей Белый¹. Таким образом, ключевые слова были произнесены: Россия как проект, Россия как за-

дание. Западники и патриоты, с точки зрения Белого, не смогли понять, что налицо антиномия «России нет — Россия есть». Они утверждают лишь одну из половин этой антиномии. А нужно было утвердить её всю. (Как тут не вспомнить, что Павел Флоренский, наиболее глубоко разработавший учение об антиномичности Бога, человека, мира, был в математике прямым учеником отца Андрея Белого — профессора Бугаева!)

Вслушаемся в предупреждение Белого: «Два лозунга — две правды; России нет: эмпирического единства России нет — вот правда западничества. Россия есть: мистическая вера в будущее России реально дана в чувстве — вот правда патриотизма.

Два лозунга — две неправды. России нет: ...предстоящее многообразие русской действительности приносится в жертву отвлечённой и эмпирически ещё недоказанной идеологии; вот обратная сторона западничества. Россия есть: мистический реализм живого чувства... переносится на действительное безобразие настоящего и прошлого русской действительности; вот обратная сторона русского славянофильства.

В первом случае наличность веры зачёркивается во имя будущего; во втором случае будущее переносится в настоящее². Эту Россию будущего Белый видел как культурный, иррациональный, а отнюдь не государственный, рациональный проект.

Конечно, здесь нужно сделать скидку на то, что поэт всё-таки преувеличивал, считая, что в настоящем культура существует только на Западе и для формирования новой русской культуры России надо сначала сказать «Исчезни!», а потом «Буди!». Именно так и случилось в 1917 году и далее в советское время, и вряд ли сам Белый был в восторге от культуры «новой исторической общности — советского народа» как она сложилась де-факто. Однако сам сценарий парадоксальным образом сбился.

Становление советской культуры не прекратило мечтания о неоформленном ещё будущем России. Особенно много их было в русской эмиграции 20–30-х годов XX века. Достаточно вспомнить названия первых сборников работ евразийцев: «Исход к Востоку: предчувствия и свершения», «На путях»... Предчувствий по-прежнему было на порядок больше, чем свершений. Впрочем, евразийцы совершенно сознательно подчёркивали, что контуры России-Евразии до сих пор ещё не воплотились после-

¹ Цит. по: Иванов А.А. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб., 2016. С. 400.

² Там же. С. 401.

***В духе христианского неоплатонизма
русский народ должен осуществить
задание — реально и исторически достичь
того состояния Русской мечты, которое
логически и метафизически предшествовало
истории России и всегда оставалось
как бы «над» ней. Именно так сейчас
можно раскрыть смысл формул «Россия
как проект», «Россия как задание», «Россия
как мечта о будущем».***

довательно и адекватно ни в один из периодов её истории, это только ещё предстоит сделать.

Данное мнение с необыкновенной лёгкостью подхватили и некоторые философски настроенные немцы. Освальд Шпенглер уже в период русской революции и Гражданской войны пришёл к выводу о том, что русские находятся на ранней стадии культуры, аналогичной раннему Средневековью стран Запада. Его опрометчивые сравнения Романовых с Меровингами, а Достоевского с Маккавеем в немалой степени способствовали продлению жизни образа «юного русского народа». Примкнул к данной точке зрения и Мартин Хайдеггер в своей энigmatической фразе: «История земли будущего содержится в ещё не освобожденной для себя самой сущности русскости». «Россия — земля будущего», — независимо от Хайдеггера повторял Лохаузен, разговор о котором нам ещё предстоит.

Россия как земля будущего... Вряд ли эти иллюзии можно было поддерживать после страшных жертв коллективизации и Великой Отечественной войны, после того как русское население стало переезжать в города и прекратило расти. О «юности» русского народа больше не вспоминали, а Лев Гумилёв на закате советского периода подчёркивал, что мы вступаем в период инерции — эпоху «осени» русского этноса... Конечно, на сто лет раньше так думал уже Константин Леонтьев, по мнению которого, Россия конца XIX века была уже зрелым государством и народом, лишь чуть-чуть помладше дряхлой Европы, но всё-таки отнюдь не молодым. Кажется, сейчас оснований для такой оценки стало только больше.

И всё же, и всё же... В начале XXI века среди русских мыслителей нового поколения снова

звучали старые мысли Чаадаева и Одоевского о том, что России принадлежит не столько прошлое, сколько будущее. «Россия как задание» — так называлась вышедшая в 2008 году книга Александра Бовдунова, в которой автор, в частности, писал: «Россия — это не данность, а задание. Россия всегда идеальна и принадлежит миру не вещей, но идей. Она в грёзах наших и помыслах. <...> Россия лишь в помыслах тех, кто в неё верит. Там, где в неё верят, она освещает почву своим незримым присутствием. И эта земля становится русской... Тот, кому это всё по барабану, — не русский... <...> Мы любим наш проект, Россию русского народа, а не аллогенных элит, — русский проект, Россию, которой никогда не было. Русскую империю, которой никогда не было. Воспоминание о Будущем, по которому вечно тоскует русский народ. Великую Русскую утопию... Мы граждане несуществующей страны. Весь мир нас не любит именно за это. Они уже прошли свой путь. Они — прошедшее. А мы только готовимся начать. Мы ещё и не начинали...»³. В завершение Александр Бовдунов тогда предложил строить новый проект — новую русскую, евразийскую Империю как Русскую Вселенную. Идея оказалась востребованной, чему можно привести немало примеров: наиболее известным в широких кругах, конечно, стал роман-утопия Михаила Юрьева «Третья Империя» (2007), а также доктрина Пятой Империи Александра Проханова. Они вызвали неподдельный интерес и живое обсуждение в российском обществе. Стало ясно: народный запрос на Русскую мечту, на позитивный проект, на Россию-задание — есть. Более того, этот запрос уже стал приобретать чуть более конкретные очертания: все авторы сходились на том, что в Россию будущего должны войти лучшие, непреходящие образцы наследия всех этапов прежней истории России, а худшее из них должно остаться в прошлом. В художественной форме эти чаяния предстали, например, на захватывающих полотнах Алексея Беляева-Гинтовта. Этот мощный запрос постепенно стал проникать и в околотовластные круги, и в официальный курс руководства России. Например, не далее как осенью 2016 года руководитель фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов заявил: «Крайне важно, опираясь на знание прошлого, предложить образ достойного завтра. Ведь российская цивилизация всегда была, есть и будет не воспоминанием о прошлом, а мечтой о будущем!»⁴

³ Бовдунов А.Л. Россия как задание. М., 2010. С. 13–15.

⁴ Никонов В.А. Понять Россию... Ч. 4. Российская Федерация. М., 2016. С. 275.

Запрос на духовное измерение Русской мечты предложил в последние годы своей жизни великий русский писатель Юрий Мамлеев. В своих художественных повестях «Наедине с Россией» (2009) и «Империя духа» (2011) он попытался нарисовать более живой, яркий образ чаемого исподволь всеми русскими людьми будущего, а в трудах «Россия Вечная» (2006) и «Метафизический образ России» (2009) дал ему и теоретическое обоснование. В настоящий момент, после кончины писателя, рабочая группа его последователей продолжает конкретизировать его видение в данном направлении. Говоря кратко, Мамлеев верил, что в некоем параллельном измерении существует Вечная Россия, причём не как один-единственный образ, а как несколько слегка различающихся друг от друга и от земной России образов, объединённых тем не менее в главных чертах единым духом. В реальной, земной истории и современности России эта Россия Вечная прорывалась не всегда, а только в некоторые ключевые моменты. Поэтому сейчас для русского человека важно ориентироваться на них и восстановить в самом себе смысловую структуру России Вечной, понять, что к чему. Разумеется, подчёркивал Мамлеев, речь идёт об открытом проекте — под «русским» понимается любой, кто пожелает сам осознать себя русским в данном смысле слова. По сути, речь идёт о том, что в духе христианского неопла-

тонизма русский народ должен осуществить задание — реально и исторически достичь того состояния Русской мечты, которое логически и метафизически предшествовало истории России и всегда оставалось как бы «над» ней. Именно так сейчас можно раскрыть смысл формул «Россия как проект», «Россия как задание», «Россия как мечта о будущем».

2. РУССКАЯ МЕЧТА-МИНИМУМ: СВОБОДНЫЙ НАРОД В СВОЁМ ПРОСТРАНСТВЕ

Но на пути к этой мечте крылья сразу же подрезаются тяжелейшей современной ситуацией, пусть даже сквозь неё и сияет свет непреходящего и вечного. Вот почему так важны оба аспекта Русской мечты: мечта-минимум, предполагающая устранение сегодняшних первоочередных проблем, и мечта-максимум, которая встанет перед нами во весь рост лишь на следующем этапе.

Строго говоря, так было и раньше. Внутри каждой эпохи русской истории отчётливо выделяются два периода: восстановление после предыдущей катастрофы и первоначальное обустройство — и переход к полномасштабному культурному строительству (вплоть до следующей катастрофы или перехода к новому циклу). Так, сначала первые русские князья в течение 150–200 лет завоёвывали первоначальное ядро Киевской

Руси и устанавливали в нём самую элементарную администрацию и законы, а уже потом стал возможен культурный взлёт XI–XII веков, когда впервые стало возможным мирное строительство и когда появились первые формулировки культурного кода русскости (от «Слова о законе и благодати» до «Слова о полку Игореве»). Затем, после катастрофы внутренних усобиц, западных и монгольских нашествий, снова понадобилось около 200 лет на соби́рание земель вокруг Москвы при очень низкой интенсивности культурной жизни, когда идеалы лишь редкими вспышками озаряли жизнь народа (эпоха Сергия Радонежского и Андрея Рублёва), и лишь после решающих геополитических побед Ивана III на всех фронтах, по всему периметру русских границ начался небывалый культурный и идеологический взлёт России — Третьего Рима, продолжавшийся около ста лет. Затем — новая катастрофа Смуты, около 150 лет на восстановление и отвоевание выхода к морям и ключевым территориям ценой крайнего перенапряжения сил, и опять — начиная с Екатерины II 150 лет попыток осуществления «мечты-максимум» в русской культуре. Четвёртый цикл повторился в советское время: с 1917 до 1945 года — борьба за элементарное выживание, затем до конца 80-х — период мирного культурного роста, накопления невероятных культурных богатств и смыслов, которые, однако,

большей частью тогда пропали втуне и не были вовремя использованы. Сейчас мы находимся в начале пятого цикла, и следует совершенно трезво признать, что полноценный культурный взлёт и осуществление положительной «мечты-максимум» в России не будет возможным (кроме как на уровне единичных гениев), пока наш народ в целом не добьётся осуществления **отрицательной «мечты-минимум»** — избавления от нынешней дискомфортной ситуации, расчистки фундамента для будущего культурного строительства.

Чтобы понять весь трагизм наших дней, следует обратиться к максиме замечательного немецкого мыслителя Ханса Фрайера: **«Свободный человек может быть свободен лишь в своём народе, а свободный народ может быть свободен лишь в своём пространстве»**. Вопреки ложному либеральному лозунгу абстрактной «свободы» консерватор всегда исповедует ценность свободы конкретной, начиная от свободы сословия, цеха, корпорации, общины и заканчивая конкретной свободой целого народа в данном времени и пространстве. Что означает данный тезис применительно к современной России?

Во-первых, то, что, в противовес либеральной доктрине, всякие дополнительные (абстрактные) права и свободы имеют значение для человека лишь в том случае, если реализованы его базовые

вые (конкретные, локальные) права и свободы как члена своего народа: свобода использовать родной язык на всех официальных уровнях, свобода публично праздновать праздники своего народа, своей религии, своей традиции, свобода передвигаться в рамках своего народного пространства. Во-вторых, то, что реализация этих народных прав происходит через государство, осуществляющее власть в собственном пространстве и времени. Каждый народ должен сначала конституироваться в собственном пространстве и лишь после решения этой задачи-минимум может заниматься внутренним обустройством. Планомерное развитие образования, науки, транспорта имеет смысл лишь после решения первичных геополитических задач, а никак не до. Даже такие убеждённые либералы и западники — но при этом русские патриоты, — как Петр Струве или Александр Корнилов, подчёркивали, что лишь после завоевания Петром I выхода к Балтийскому морю и Екатериной II выхода к Черному морю Россия получила возможность размышлять о внутренних преобразованиях и совершенствовании народного благосостояния. Пока этого не происходило, России приходилось тратить порою даже и 90% бюджета (как в годы Северной войны) исключительно на военные нужды. «Не лучше ли было их потратить на внутреннее развитие?» — сказали бы лукаво либералы сегодняшние. Но тот же Пётр Великий понимал, что деньги, потраченные на образование в Москве, были бы просто выброшены на ветер, если бы сначала Петербург, Ревель и Рига не стали русскими портами, которые позволили перейти к задаче развития образования внутри страны (что и нашло отражение в учреждении Академии наук в 1725 г.).

Дискуссиями о внутреннем конституционном строительстве хорошо заниматься, когда решён вопрос о границах конституируемого народного сообщества. Однако в современной РФ нет и помину о таком решении вопроса. Страна и народ были расчленены в 1991 году по совершенно произвольным, искусственным границам, закреплённым в период 2003–2005 годов новой серией унижительных геополитических поражений. Все попытки сконструировать «российскую нацию» в границах РФ обречены на провал в силу случайности и противоестественности этих границ; альтернативные попытки сконструировать «русскую нацию» неизбежно привели бы к ещё большей фрагментации этого пространства. Реалистичный подход должен исходить из того, что в границах Российской империи и Советского Союза уже де-факто сформировался относительно единый

Сегодня, как и в случае киевского, московского, петербургского и советского циклов нашей истории («нашей» — потому что налицо преемственность этого самого «мы»), нам следует начать с осуществления Русской мечты-минимум: реинтеграции нашего народного пространства, нашего Großraum'a «евразийской нации».

народ, который и должен быть конституирован как субъект и объект для осуществления Русской мечты. А это значит, что сегодня, как и в случае киевского, московского, петербургского и советского циклов нашей истории («нашей» — потому что налицо преемственность этого самого «мы»), нам следует начать с осуществления Русской мечты-минимум: реинтеграции нашего народного пространства, нашего Großraum'a «евразийской нации», как сказал бы князь Николай Трубецкой. Его границы хорошо известны и самим европейцам: Освальд Шпенглер говорил, что «Европа кончается на Висле», а австрийский генерал и блестящий геополитик Лохаузен, глубоко изучивший Россию, убедительно доказал, что граница между евразийским пространством России и Европой может проходить только по линии Калининград—Одесса, то есть совпадает с границей СССР до 1991 года. Лишь при размежевании России и Европы ровно по такой границе станет возможным дальнейший диалог о кооперации двух пространств и их равноправном сотрудничестве уже в глобальном масштабе.

Подступы к осуществлению этой мечты-минимум имеют военно-политическое, экономическое, культурное и социальное измерение. Военно-политическое и экономическое измерения исходят из того, что тратить миллиарды и триллионы на строительство новых объектов инфраструктуры внутри нынешних границ зачастую просто бессмысленно — единственным эффективным путём их расходования стали бы траты на восстановление контроля над естественными ключевыми точками нашего пространства. При этом, безусловно, надо адекватно расставлять приоритеты и отделять первостепенные цели от второстепенных. Россия обречена быть — в сравнении с современным Западом и Востоком — такой же малолюдной и отсталой, какой была до петровско-екатерининского прорыва (или какими были восточные славяне до создания речной державы Рюриковичей), — до тех пор, пока не будет установлен полный контроль над всеми тремя ключевыми реками

Русской равнины, впадающими в три моря: Волгой (Каспийское), Днепром (Чёрное) и Западной Двиной (Балтийское). Никакое обновление портов в Петербурге, Калининграде, Луге, Севастополе, Новороссийске в принципе не может заменить для нашей экономики порты Баку, Батуми, Одессы, Риги и Таллина. В первую очередь, конечно, — Одессы и Риги, с сопутствующими речными артериями и железнодорожными путями для вывоза грузов, с посевными площадями для выращивания сельскохозяйственных культур и новыми возможностями для транспортных путей. Россия в союзе с Китаем, Ираном, Турцией — да и во многом в согласии с интересами западного бизнеса — заинтересована в упразднении всяческих таможенных границ на всём пространстве от границ КНР до границ ФРГ. Нынешний сухопутный путь, заканчивающийся в Белоруссии польским тупиком, не может ни по своей конфигурации, ни по пропускной способности удовлетворить потребности России и Китая. Сплошной транспортный коридор «шёлкового пути» к Балтийскому и Чёрному морям жизненно необходим экономике интегрированной Евразии, вне которой Россия полноценно развиваться не может. В меньшей степени сказанное относится и к третьему, каспийскому пути.

Этому традиционно препятствует элита США и ЕС, под грубым давлением которых срываются все таможенные и транспортные проекты безбарьерной среды. Сегодня эти силы мирового Моря лишают нас возможности проложить прямые пути на Балтику хотя бы через Калининград, восстановить разрушенную 25 лет назад железную дорогу Сухум—Тбилиси—Ереван—Тебриз, проложить магистральную трассу вокруг всего Чёрного моря. «Международный змей» обвил кольцами Россию и Китай, чтобы не допустить свободы двух великих народов в их *Großraum*'ax. Следовательно, это кольцо должно быть прорвано, а все и всяческие границы — по меньшей мере до линии 1991 года — должны быть решительно устранены. Тем самым Россия обретёт свою минимально необходимую для дальнейшего развития экономическую и геополитическую оболочку. Она же окажется и гарантом народной свободы и народного права, постольку поскольку вернёт русскому народу свободу передвижения и образования внутри единого культурного пространства, которое строили десятки поколений наших предков и наших руководителей.

И здесь мы подходим к четвёртому, социальному измерению Русской мечты-минимум: к тому, что решение первоочередных внешних задач неотделимо от вполне определённых внутренних изменений уже в нынешний пе-

риод. Следует со всей определённостью понимать, что Конституция 1993 года, выгодная на определённом этапе нескольким группировкам внутри правящей элиты РФ как компромиссный документ, определявший рамки их сосуществования, оказывается совершенно непригодной для любого дальнейшего развития России по двум причинам.

Во-первых, потому, что в неё имплементирован ряд положений абстрактно-либерального свойства, начиная от формального запрета идеологии (редчайший случай среди конституций всех стран мира!) при наличии в самом тексте конституции ярких образчиков либеральных идеологем и заканчивая приоритетом «международного права» и универсальных «свобод». Среди существующих ныне государств мира писанные конституции имеют почти все, за исключением Великобритании, Израиля (эти два государства пошли по пути гибкого приспособления к современному миру и не стали связывать себя по рукам и ногам какими-либо абстрактными принципами) и оставшихся абсолютистских режимов (Саудовская Аравия, Бутан, Ватикан). Однако далеко не во всех конституциях внешний диктат прописан столь явно, как в ельцинском документе 1993 года, во многом подражавшем американскому образцу.

Парадокс заключается в том, что конституция США была написана для «ничейной земли» (индейцы — единственные носители народного порядка и локального права на Североамериканском континенте — были элиминированы из процесса конституирования США и до сих пор фактически пребывают вне общего конституционного поля), так что теоретически любая территория на земном шаре может объявить себя новым штатом и войти в состав Соединённых Штатов, благо какие-либо отсылки, например, к английской традиции в конституции США полностью отсутствуют (даже английский язык не имеет письменно закреплённого статуса государственного). Аналогичным образом и ранние советские конституции 1918 и 1924 годов предполагали возможность вхождения любой территории в мире в состав СССР в качестве пролетарской советской республики, в то время как любые отсылки к русской исторической традиции в этих марксистских конституциях отсутствовали полностью. В конституциях государств даже современной Европы отсылки к исторической национальной государственности, напротив, звучат совершенно отчётливо. Конституция РФ же является уродливым гибридом первого и второго: как в американском и со-

ветском варианте, абсолютно преобладает акцент на перечне универсальных либеральных норм, но, как и в европейских национальных конституциях, присутствует норма о государственном русском языке, перечень конкретных регионов страны (который уже не раз корректировался) и загадочная преамбула о «многонациональном народе Российской Федерации». Проблема в том, что **нормальная Конституция станет возможна лишь в рамках исторического евразийского пространства русской государственности, то есть при открытом геополитическом ревизионизме и непризнании итогов катастроф 1991, 2004 и иных годов.**

Во-вторых, Конституция 1993 года оказывается неработоспособной также из-за ряда положений внутреннего содержания, реализованных в иных федеральных законах и подзаконных актах. К тому же следует иметь в виду, что, согласно действующей Конституции, процедура её замены на новую даже проще, чем процедура изменения отдельных статей.

Среди наиболее уродливых изъянов, устранить которые теоретически можно (хотя и проблематично) уже и в рамках действующей Конституции, следует назвать мораторий на смертную казнь, отказ от конфискации имущества, недостаточную урегулированность разного статуса различных религий в государстве, «плоскую» налоговую шкалу. При изменении общего духа Конституции в случае её замены

эти вопросы будет решить гораздо проще. Разумеется, новые ресурсы для решения задач геополитического реванша нужны уже сейчас, а взять их можно как раз за счёт решительной конфискации у чрезмерно обогатившихся и вызывающих общенародную ненависть деятелей. Ничьё имущество не может быть неприкосновенным в условиях огромного децильного коэффициента и индекса Джини. Никто, за исключением самого главы государства, не может иметь иммунитет от казни и конфискации (и снова можно сослаться на китайский пример!). Никакие состояния, приобретённые в ходе приватизации и дальнейшего расхищения бывшего общенародного имущества, не могут считаться постоянными. Воплощение в жизнь этих принципов есть требование народного чувства справедливости. Структура собственности должна быть перераспределена внутри, чтобы стала возможной эффективная борьба вовне. Такова вторая составляющая Русской мечты-минимум.

3. РУССКАЯ МЕЧТА-МАКСИМУМ: КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕЙ ИМПЕРИИ

Говоря о Русской мечте-минимум, мы отнюдь не случайно руководствовались логикой предыдущих четырёх циклов русской истории, делая акцент на удивительной схожести приоритета решения геополитических задач в первой половине цикла. Но каждый раз враги оказывались

в целом побеждены, собственное пространство в общих чертах сформировано — и тогда наступал черёд второй половины цикла, связанного с общим культурным и экономическим подъёмом, а также с поиском смысла, «русской идеи», мечты-максимум.

В первом цикле это было «золотое время» Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха, когда впервые была сформулирована «русская идея» в терминах благодати, милости, справедливого суда, а Киев и Владимир строились по образу Константинополя и Иерусалима. Во втором цикле — эпоха Филофея и Ивана Пересветова, идеологов сочетания «веры православной и правды турской», воплощения в Москве Третьего Рима. И снова строились проекции Иерусалима то в опричном дворе в Москве, то в Новом Иерусалиме на Истре... Третий цикл был озаглавлен строительством Петербурга как земного «парадиза» и имперской реновации Москвы после очистительного пожара 1812 года и, конечно же, небывалого дотолемского взлёта русской литературы, философии, музыки, науки XIX — начала XX веков.

Значение четвёртого цикла, примерно с 1945 по 1987 год, ещё не осознано нами в полной мере. Дело в том, что именно в позднесоветскую эпоху была произведена огромная, часто незаметная на первый взгляд работа университетов, институтов Академии наук, архивов, музеев по переработке отечественного и мирового

культурного наследия. И если она продолжалась и продолжается и в новейшее время, то только по образцу и зачастую как прямое продолжение начатых в советское время издательских серий. Мало кто понимает и ценит сегодня, что мы читаем русские и зарубежные классические труды в том виде, в каком их подготовили для нас советские и постсоветские издатели, комментаторы, публикаторы, а не в первоначальных изданиях. Мало кто вдумывается в тот факт, что до 1917 года произведения древней, средневековой, восточной, новоевропейской литературы почти не существовали в русских переводах, а если и существовали — то в крайне некачественных. Лишь вторая половина советской эпохи дала нам всю эту мировую сокровищницу в адекватном русском переводе, в виде хороших комментированных изданий. К сожалению, воспользоваться этим богатством мы ещё как следует не успели, это — задача на будущее, задача перестройки всей системы образования и науки в стране, углубления популяризации культурных вершин среди народных масс. В этом должен заключаться культурный аспект второй половины грядущего, пятого цикла развития России.

Однако наряду с ним существует ещё и социально-экономический аспект. Если первая половина каждого цикла характеризовалась нищетой народа, когда все силы уходили на военные нужды, то во второй половине происходило вы-

равнивание кричащего социального неравенства, повышение народного благосостояния путём улучшения инфраструктуры и т.д. На повестке дня в годы осуществления Русской мечты-максимум в пятом цикле, таким образом, неизбежно будет создание глубоко интегрированного социального, экономического, транспортного пространства, реанимация старых разрушенных и строительство новых автомобильных, речных, морских, железнодорожных, воздушных путей. Может быть, особый акцент придётся сделать на малой авиации, вертолётках, дирижаблях, с помощью которых будет удобно как осуществлять небольшие перелёты в соседнюю деревню, так и покрывать расстояния от Балтики и Карпат до Тихого океана, от Таймыра до Средней Азии. Вторая половина четвёртого, советского цикла с её массовым строительством нефте- и газопроводов, новых дорог, с появлением единой (кроме северных районов) энергосистемы СССР—ЕЭС является хорошим, хотя и недостаточным образцом для подражания на этапе воплощения в жизнь мечты-максимум.

Наконец, нельзя умолчать и о языковом аспекте Русской мечты. Сегодня уже стало общепринято практически отождествлять понятие Русского мира со сферой распространения русского языка. Хотя такая прямолинейная трактовка и ущербна с исторической точки зрения, однако не подлежит сомнению, что будущее России действительно неотделимо от мирового значения русского языка. Сейчас, к счастью, он сохраняет и даже развивает все принципиальные признаки языка мирового уровня, прежде всего, по количеству и качеству переведённых и оригинальных книг и по количеству сайтов и энциклопедий в интернете. Но и здесь остаётся в силе тонкое замечание Лохаузена, высказанное им в дни летнего наступления 1942 года на Харьковщине: мировое значение все языки приобрели только после того, как вначале мечом обеспечивали себе сферу своего дальнейшего распространения. Лишь поход Александра Македонского дал статус мирового языка греческому, римские завоевания — латинскому, колонизация Америк и других владений — испанскому и английскому. Соответственно и полное раскрытие потенциальных возможностей русского языка (и без того уже в значительной степени реализованных) как составной части Русской мечты-максимум может осуществиться лишь после того, как русский народ отвоеует для себя свободу в своём евразийском пространстве (мечта-минимум). Такой **русский язык станет поистине всечеловеческим**, будучи уже в со-

ветские годы приспособленным для передачи глубин мысли всех остальных народов мира.

Если на первом этапе нового цикла, в который мы уже вступили, абсолютно неизбежным представляется некоторое «новое закрепощение словесий» ради военной победы и выхода к морям, то после выполнения данной задачи, на втором этапе цикла, столь же неминуемо произойдёт очередное ослабление жёсткости имперского режима и усиление «социальных лифтов». Государство, если оно желает быть долговечным, должно сделать ставку не на слепой бюрократизм, а на народный энтузиазм, доверяя ключевые посты не «специалистам», а энергическим «людям длинной воли», пусть даже — и особенно если — их затеи кажутся «сумасбродными». Вовлечение всех желающих в массовую социальную политику (наряду с предоставлением возможности всем нежелающим жить тихо), решение наболевших проблем путём «кампанейщины» дружными усилиями энтузиастов придаст такому государству необходимую энергию и движение, позволит быстро решать те задачи, на которые у «нормального» государственного аппарата бесплодно уходили бы десятилетия.

Таким образом, Россия уже прошла четыре полных цикла осуществления своей мечты, каждый из которых происходил на более высоком демографическом, геополитическом и экономическом уровне, и сейчас уже вступила в начало пятого цикла. Его первая половина будет характеризоваться очередным «закрепощением», мобилизацией народа на решение военно-стратегической задачи ликвидации враждебных антисистем и возвращения в естественные границы евразийского пространства исторической России и сопровождаться определёнными тяготами, которые с лихвой окупятся и дадут кумулятивный эффект, как только будет возвращён нормальный выход к морям и единство трансконтинентальных магистралей. Свободный народ в своём пространстве — таким будет девиз этого периода.

Вторая половина цикла будет отмечена усилением социальной и территориальной мобильности населения, его бурной внутренней активности, мощным культурным, инфраструктурным и экономическим строительством, поиском адекватных форм сотрудничества с другими соседними *Großraum*'ами (европейским, ближневосточным, индийским, китайским). Каким будет девиз данного периода, чьи очертания всё ещё остаются недостаточно чёткими? Может быть, «каждому своё — но всем и общее дело»? Время покажет...

/ Александр НОТИН /

Антисистема ИГИЛ. Рождение сверхновой

Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ или ДАИШ)¹ — несомненно, самая молодая, хотя и далеко не самая типичная антисистема новейшего времени. В ней всё необычно, всё поражает воображение: стремительность взлёта, феноменальные масштабы распространения и влияния, нарочитая жестокость, вызов всему миру, самоизоляция и бесцеремонность, плотная капсулированность, паразитическая жизнеспособность. Обладая, если следовать Л. Н. Гумилёву, всеми признаками и свойствами антисистемы, ИГИЛ вместе с тем стоит

в этом ряду особняком. В этом явлении пока больше своеобразия, нежели типичности — начиная с уникального генезиса и кончая неудержимым стремлением к государственному самовыражению, причём ни много ни мало, а сразу в форме неохалифата. Впрочем, до конца понять эту специфику, как и вообще взаимоотношения любой антисистемы с противостоящей ей системой во все времена едва ли возможно без учёта широкого духовно-исторического контекста, в котором безостановочно пульсирует эта вражда.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ФОН

Любой биологический организм, а человек и есть такой организм, во-первых, смертен и, во-вторых, тленен, то есть подвержен нарастающим болезням и немощам. Смерть же, согласно христианскому вероучению, вошла в мир с грехом и в результате оно. С неё, собственно говоря, и начинается обратный отсчёт исторического времени, который однажды, как предсказано в «Апокалипсисе» апостола Иоанна Богослова, завершится Концом времён. Тогда погаснут светила, упразднится

само знание, сгорит земля и все дела человеков на ней. Настанет Страшный суд.

Сегодня мы воочию видим, как не-удержимо и с нарастающим ускорением, в точном соответствии с этим Откровением, «лежащий во зле мир» и вся падшая цивилизация сползают в «пропасть своего грядущего небытия» (свт. Игнатий Брянчанинов). Без учёта этого общего угасания цивилизации противоборство многочисленных химер и антисистем с различными системами легко можно было бы принять за процесс, конечно, положительный и даже обнадеживающий. Мол, антисистемы как антивирусы или антидоты выгрызают и истребляют раковые клетки умирания из больного тела нашей падшей цивилизации, возвращая её здоровье и силы. Увы, это не так. Будучи явлениями по преимуществу духовно ещё более тёмными, более, можно сказать, духовно-ущербными и выраженно сатанинскими, чем сами системы, против которых они восстают, большинство антисистем не только не замедляет процесс самоистребления человечества, но и повсеместно подстёгивает его.

Поэтому сегодня назрела постановка вопроса о формировании в России не органической части глобальной системы управления и международного распределения труда, ресурсов и функций, но альтернативы этой глобальной системе, которая содержит в себе явные антисистемные свойства и подпитывает антисистемы по всему миру. Альтер-система духовно-светского государства в России, когда таковая зародится в недрах нынешнего быстроразлагающегося неолиберального правления западного типа, осознанно, а не импульсивно-ситуативно пошла бы наперекор тенденциям духовного угасания человечества. Безусловно, такая альтер-система будет встречена в штыки всеми ныне действующими глобальными игроками, имеющими противоположный знак духовной заряженности.

ИГИЛ не станет исключением. С этой молодой и быстрорастущей антисистемой Востока или её аналогами и про-

Альтер-система духовно-светского государства в России, когда таковая зародится в недрах нынешнего быстроразлагающегося неолиберального правления западного типа, осознанно, а не импульсивно-ситуативно пошла бы наперекор тенденциям духовного угасания человечества. Безусловно, такая альтер-система будет встречена в штыки всеми ныне действующими глобальными игроками, имеющими противоположный знак духовной заряженности.

изводными нам ещё придётся сойтись лицом к лицу под знаком «кто кого». Это противостояние необязательно и не сразу будет означать схватку не на жизнь, а на смерть. В разрезе наших грядущих взаимоотношений с неохалифатом, который вполне реально, если не сегодня, то завтра, может сформироваться на руинах разгромленных Западом ближневосточных государств, возможны и периоды политико-дипломатического маневрирования, и тактические союзы против общего врага — например, того же обезумевшего Запада — и прямые стычки в борьбе за территории и сферы влияния. Тем паче надо как можно глубже разведать и познать своего потенциального визави. Ибо, как бы громко ни трубилося по всему свету о военных победах над ИГИЛ, бомбами и танками эту антисистему не победить — слишком глубоки её корни, слишком своевременна и социально-привлекательна её доктрина, слишком благоприятен для неё глобальный духовно-исторический фон.

Ещё одно важное замечание. Нам со всех сторон усиленно внушают, будто ИГИЛ — это и есть истинный корень международного терроризма, который надо вырвать силами всего человечества. Но ведь это неправда! ИГИЛ — вторичный центр. Он порождён другим и истинным центром международного терроризма, каковыми являются обезумевшие элиты США и Запада с их параноидальными идеями «нового мирового порядка», демонстративным

презрением к ООН и нормам международного права, дурной привычкой беспардонно вмешиваться в дела чужих стран и народов. Вот где сердце дракона! Почему это важно учитывать? ИГИЛ в России запрещена, и это на данный момент оправданно. Первопричина же ИГИЛ — возрождающийся на наших глазах «Четвёртый рейх» в лице США — не только не предана всеобщей анафеме, но и продолжает пускать пыль в глаза и диктовать свою волю всему миру, прикрываясь своими же симулякрами.

Так или иначе, но в круг задач по осуществлению Россией как «Третьим Римом» своей вселенской миссии «катехона» (удерживающего — греч.) всё с большей очевидностью входит как круговая оборона от разлагающихся мировых систем и их региональных вассалов, так и отражение угроз, исходящих от больших и малых антисистем, паразитирующих на останках гибнущего мира. Как наглядно и убедительно Промысл Божий всякий раз поставляет Россию перед фактом своего исторического одиночества, перед необходимостью опоры исключительно на собственные силы и единственных верных союзников — армию и флот!

ДУХОВНАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Будучи новейшей в мире антисистемой, возраст которой исчисляется несколькими годами (ИГИЛ официально провозглашена в 2012 году), новый Халифат в то же время по основным

¹ Организация, запрещённая в России как террористическая.

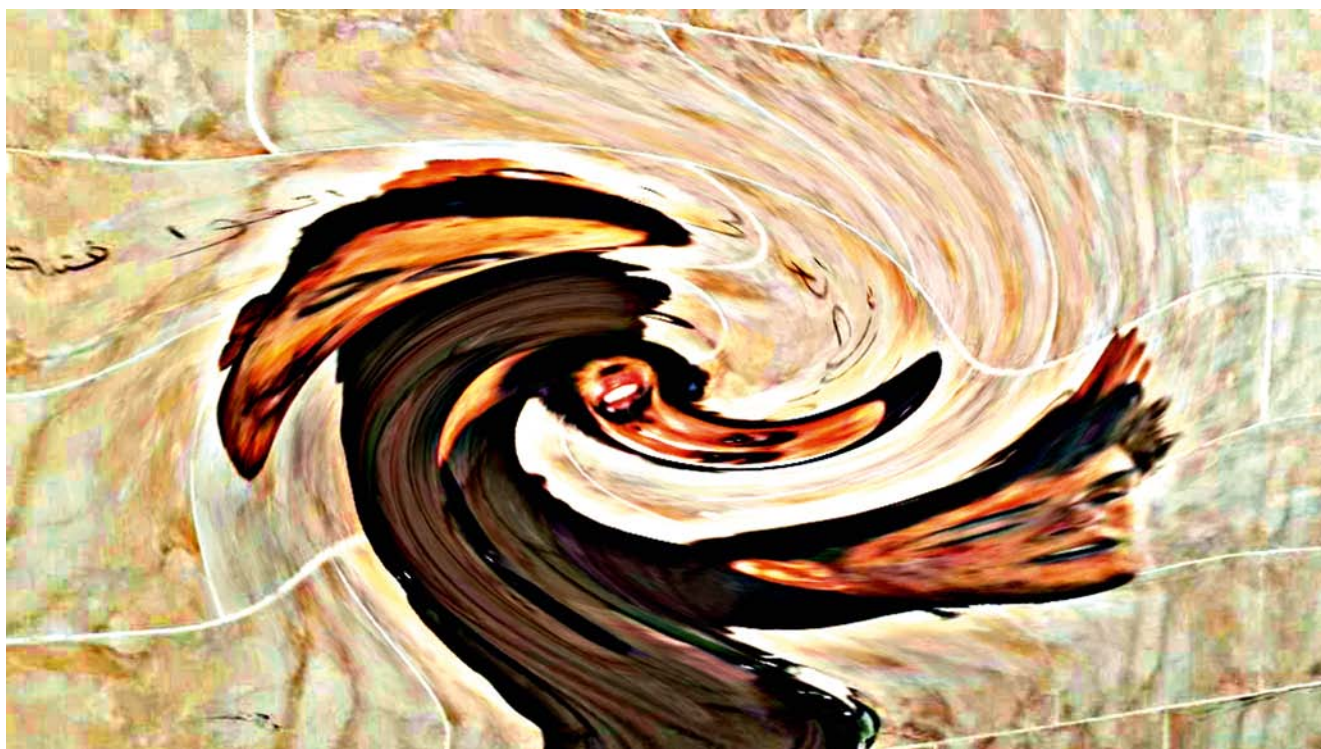

своим признакам вполне вписывается в рамки антисистем нового времени. В отличие от своих предшественниц, эра которых окончилась в Средние века, эти антисистемы, и ИГИЛ не исключение, прямо не ставят перед собой амбициозных задач вселенского переустройства. Они менее духовны, религиозно замкнуты и реагируют на относительно узкие и конкретные исторические вызовы. Для Ближнего Востока и мусульманского мира вообще в постколониальный период, то есть начиная с середины XX века, таким вызовом стало расширяющееся и всё более упорное, если не сказать наглое, вторжение постхристианского Запада, его псевдокультуры и псевдоценностей в традиционный уклад этих бывших колоний и полуколоний. С появлением интернета и сопутствующих ему информационно-коммуникационных систем давление переросло в нашествие. Под угрозой оказались самые чувствительные и фундаментальные ценности исламского мира: традиционный уклад и нравственность (например, отношение к спиртному), поддерживающие их социальные институты — тот же шариатский суд, советы старейшин и проч., сакральность семьи и мечети. Отрицательная духовная составляющая западной интервенции оказалась опаснее и чувствительнее других захватнических устремлений Запада. Новые «крестоносцы» третьего тысячелетия несли на своих штыках и знамёнах идеи вполне уже зрелого сатанизма. Восток ответил рефлексивно и ожидаемо жёстко — повсеместным ростом, с одной стороны, религиозного фундаментализма, причём не только в шиитских, но и в исторически более светских, более образованных, зажиточных и лояльных к западной культуре суннитских странах, а с другой — мощным всплеском радикального исламизма и джихадизма. Сверхновая антисистема ИГИЛ зародилась как раз на этом изломе, питаясь его запросами и энергиями. Вызывающая свирепость неохалифата на подконтрольных ему территориях Сирии и Ирака — сброшенные с высотных домов гомосексуалисты, обезглавленные наркodelьцы, забитые

камнями распутницы, замученные и расстрелянные нарушители малейших норм шариата — всё это рассчитанные на массовое сознание акты устрашения и одновременно, в разрезе коллективного бессознательного, глубинного удовлетворения многообразно поруганных национальных чувств.

Тем самым как бы подчёркивается: изначально духовно более сильный христианский Запад в культурном и нравственном отношении деградировал настолько, так далеко отошёл от Христа, что в итоге оказался на порядок ниже мусульманского Востока. Последний воспринял эту рокировку как вдохновляющее превосходство. Восток в лице своих пассионариев, будь то командиры боевиков, шахиды или воинственные улемы, расценил всё происходящее как драгоценный шанс, как окончательное поражение христианства и свою победу над ним. Это исходно ложное чувство будет и дальше питать боевой дух, вдохновляя правоверных мусульман на самопожертвование и привлекая в ряды ИГИЛ и же с ним новых и новых фанатиков и идеалистов со всех концов света. Так будет продолжаться до тех пор, пока вселенское христианство в той или иной форме не утратит свои раны и расколы, пока оно словом и делом не ответит вызовом на вызов. Таким ответом, повторимся, может стать только одно — возникновение из тлена и смрада навязанного России Западом неолиберализма новой универсальной духовно-светской доктрины и соответствующего ей православного государства. Такого рода положительная антисистема, если здесь вообще применим термин «антисистема», может возникнуть только в России, и больше нигде. Ибо именно сюда, в «Русский Ковчег», как в свою последнюю гавань постепенно втягивается истинное христианство, здесь оно собирается, ограждается от духовной энтропии распада и растления, творчески воспламеняется и ищет самовыражения, имея в виду не спасение павшего мира как такового, а спасение «немногих верных» Христу перед неизбежным Апокалипсисом. На какой-то отрезок времени у двух

новейших антисистем, православной и мусульманской, неизбежно будет общий враг, и, следовательно, не побоюсь этого слова, почва для сотрудничества. Но рано или поздно их пути разойдутся, и российскому этносу придётся защищать вверенные ему историей братские мусульманские народы от нападок как со стороны системного Запада, так и со стороны антисистемного Востока. В свете сказанного представляются весьма лукавыми и опасными попытки «западных партнёров» России уже сейчас, на этой переходной фазе, когда ИГИЛ проходит пик своей юношеской пассионарной ярости, столкнуть нас лбами, выставить Москву в непримиримо враждебном свете, обогреть её руки кровью игиловцев, чтобы тем самым загодя сжечь мосты нашего вероятного диалога и даже взаимодействия в будущем. Да, сегодня ИГИЛ признана в России террористической организацией и запрещена законом. Однако из истории антисистем мы знаем, что, вступая на путь госстроительства, самые ярые, кровавые и рьяные сокрушители системных устоев довольно быстро осваивали искусство политического маневрирования и религиозной умеренности. То же самое, можно не сомневаться, ожидает и ИГИЛ, когда и если это пока ещё квазигосударство выживет, завершив ожидающие его трансформации вширь и вглубь — вширь в своих территориальных амбициях, вглубь — по вектору религиозно-светской философии бытия. Отсюда вывод: ИГИЛ надо знать не только для того, чтобы эффективно громить её штабы и инфраструктуры на дальних подступах к «южному подбрюшью» России (остальной мир пусть разбирается с этим вызовом как знает), но и с прицелом на возможное изменение характера и статуса наших взаимоотношений с этой антисистемой в будущем — не исключено, что недалёком. Нам ни в коем случае нельзя запутываться в западных подходах, двойных стандартах и лукавых интригах, становясь их жертвой. Лучше крепко помнить, что у России свой путь, а на мусульманском Востоке у неё куда более глубокие, прочные и исторически доверительные позиции взимоуваже-

ния и добрососедства, чем у того же алчного Запада. Этот стратегический багаж никуда не делся и не денется, ему ещё предстоит сыграть свою весомую роль в судьбах России и Востока. Тем паче следует зорко хранить его от недругов, стремящихся любой ценой лишить нас этого преимущества, разрушить то, что созидалось веками.

УНИКАЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ АНТИСИСТЕМЫ ИГИЛ

Одну из таких черт мы уже подметили — это её новизна. ИГИЛ — самая молодая и потому самая современная антисистема из когда-либо возникавших в истории человечества. Нетрудно заметить, что помимо этно-региональной, религиозной и временной (период существования) каждая последующая антисистема приобретает ещё некоторую дополнительную специфику, сообщаемую научно-техническим прогрессом и достигнутым на данный момент уровнем культурного развития (духовного убывания) цивилизации. Проще говоря, чем современнее антисистема, тем больше в ней элементов модернизации и новшеств, которых не было у её предшественниц. То ли

должно признать, что антисистемы «учатся» друг у друга, пусть и неосознанно, то ли само историческое время налагает на них свой особый отпечаток.

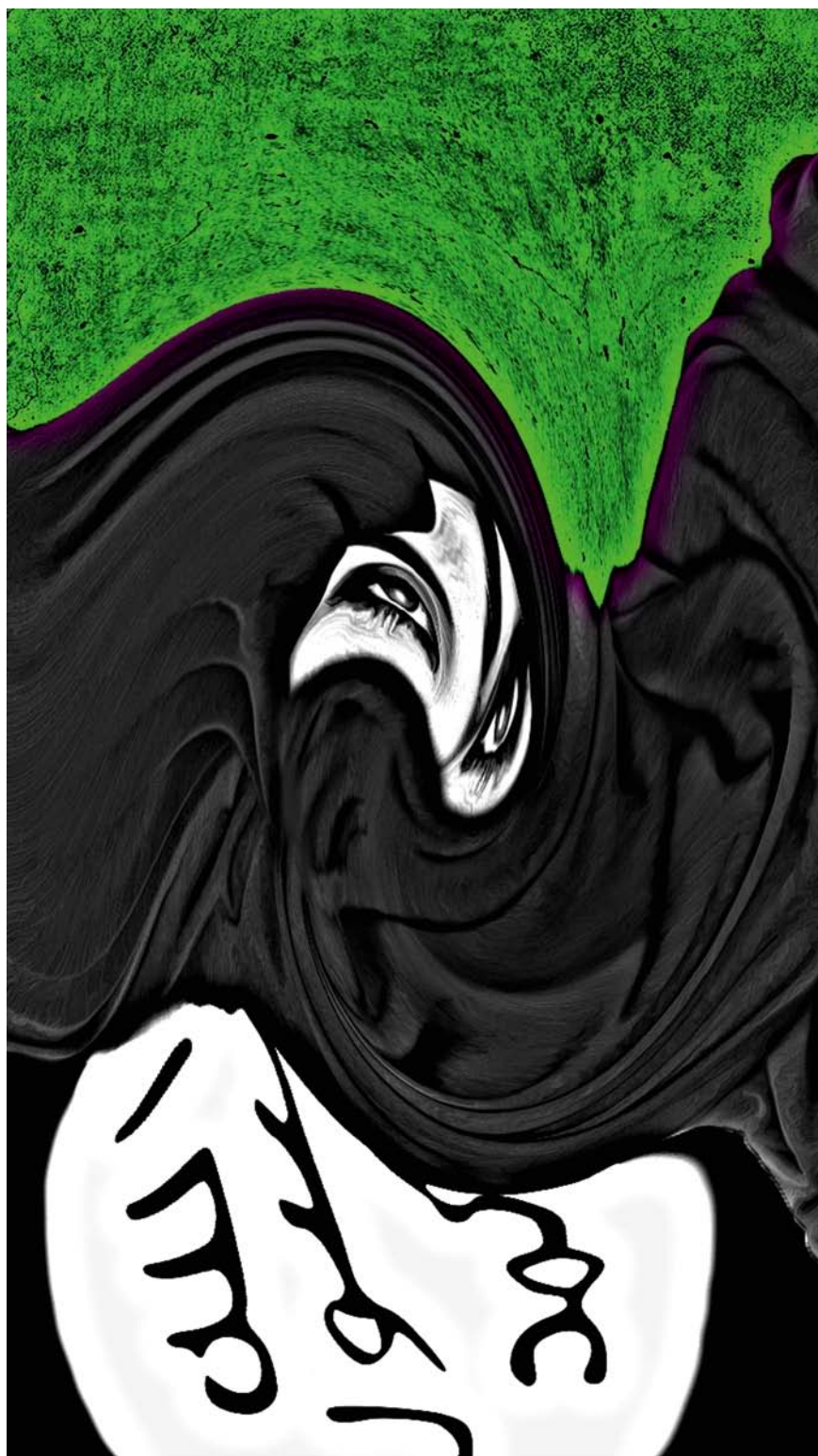
В случае с ИГИЛ поражает, как молниеносно этот слабый иракский отрок «Аль-Каиды» буквально за считанные годы не только вымахал в прекрасно организованную, широко разветвлённую и многосложную военно-политическую структуру, но и сумел обоснованно заявить о своих государственных амбициях и почти глобальных претензиях. ЦРУ, как прародитель «Аль-Каиды», к этой метаморфозе никакого отношения не имеет и иметь не может, ибо сразу после своего освобождения из иракской тюрьмы Абу-Грейб военные баасисты, будущие лидеры ИГИЛ (по некоторым сведениям, на их долю приходится 12 из 14 высших постов в ИГИЛ), не двусмысленно обозначили свою враждебность к «империализму США».

В чём же тогда причины фантастического взлёта неохалифата? Таковых как минимум пять.

Первая и главная состоит в том, что ИГИЛ возникла не на пустом месте, а стало как бы новым выражением, новой внешней формой разгромленного США в начале нулевых годов баасист-

ского режима Саддама Хусейна в Ираке. «Буря в пустыне» и внутренняя измена лишили этот режим власти, Саддам был повешен, однако сам костяк, сама разветвлённая, эшелонированная и прекрасно отлаженная инфраструктура госуправления партии «Баас» (полное название — Партия арабского социального возрождения, сокращённо ПАСВ или «Баас» Ирака) в целом пережила этот катаклизм.

Этой жизнеспособности режима ПАСВ в решающей мере помогло — здесь видится вторая причина взлёта ИГИЛ — то обстоятельство, что все без малого сорок лет своего правления в Ираке баасисты сознательно отстраивали свой режим на принципах строжайшей конспирации и дисциплины. Да, именно так: будучи правящей партией, полумиллионная «Баас» предпочитала держать на виду лишь от силы десятую часть своего кадрового состава. Важнейшие же её звенья и структуры: спецслужбы, партийная милиция, партийные суды и тюрьмы, пресловутое народное ополчение, партячейки в армии, госаппарате и общественных организациях, — вся эта грибница, пронизывавшая Ирак вширь и вглубь, оставалась в глубокой тени. Наглядный пример:

о съездах ПАСВ иракский обыватель зачастую узнавал через два, а то и три месяца после их фактического созыва. Стоит ли удивляться тому, что, захватив к 2014 году командные позиции в ИГИЛ и без особого труда оттеснив от руля радикальных исламистов — сокамерни-

ков по Абу-Грейб, верхушка партийной разведки «Баас», то есть фактически тайное политбюро ПАСВ ещё при Саддаме, смогла в кратчайшие сроки отмотбировать и поставить под ружьё не просто уцелевших партийных ополченцев, а весь, пусть и изрядно потрёпанный,

госаппарат саддамовского Ирака. Речь идёт о тысячах специалистов разного профиля, сумевших с ходу, без раскачки наладить систему управления на захваченных ИГИЛ территориях — от школ и больниц до нефтедобычи, внешней торговли и пропаганды. Эти люди были спаяны воедино, а потому эффективны не столько из-за верности баасистской идеологии или мечте о Халифате, сколько из-за страха мучительной смертной казни — единственной в Ираке меры партийного наказания как для внутренних предателей и ослушников, так и для тех, кто осмеливался извне посягнуть на безраздельную власть и контроль «Баас». Подобного многолетнего опыта государственного строительства не имели в своём арсенале, например, египетские «Братья-мусульмане», потому они и не смогли надолго удержаться у власти, уступив её военному режиму Ас-Сиси.

Третья по счёту, но едва ли не первая по значению причина «феномена» ИГИЛ заключается в её опоре на современную, во многом новаторскую, хорошо сбалансированную и чрезвычайно привлекательную для широких слоёв арабских (и не только) обществ социально-политическую доктрину. И вновь мы видим результат некоего симбиоза исходной, вполне светской баасистской доктринальной модели, опиравшейся на идеи панарабизма и мелкобуржуазного социализма с радикальным исламизмом самого крайнего, экстремистского толка, а именно ваххабизмом, салафизмом и джихадизмом. Здесь важно понимать, что этот «марьяж» для военных баасистов был мерой скорее вынужденной, чем идейно-востребованной: тонкие интуитивисты и решительные экспериментаторы, они, конечно, не могли не заметить, с одной стороны, общего подъёма фундаментализма на Востоке, а с другой — известной слабости своего режима в Ираке как раз в силу его демонстративной светскости и некоторой отстранённости от исламских корней. После разгрома в середине нулевых годов режима ПАСВ высоко интеллектуальные и образованные (многие в СССР) военные и гражданские лидеры «Баас» кардинально переосмыслили весь свой

прежний опыт, без малейшего сожаления отбросив такие «не работающие» элементы, как поиски союза с местными коммунистами или курдами, зависимость от сверхдержав, заигрывание с другими арабскими режимами в поисках искомой «Уммы» (единой нации) и многое другое. Плоды этой селекции они и «инвестировали» в ИГИЛ, которая сразу приобрела черты антисистемы своей враждебностью ко всему и вся, обособленностью, скрытостью, негативизмом идеологии и полным отсутствием брезгливости в применении таких приёмов, как демонстративное варварское насилие и ложь.

Четвёртая причина продвижения ИГИЛ, тесно связанная с тремя предыдущими и вытекающая из них, — это чрезвычайно высокая адаптивность неохалифата к новейшим информационным и коммуникационным технологиям. Остаётся только удивляться, как быстро и эффективно соответствующие службы ИГИЛ осваивают любые новшества Интернета, всевозможных мессенджеров и соцсетей для своей агитационно-пропагандистской и вербовочной работы. Это проникновение по скорости, размаху и изобретательности явно и намного опережает любые попытки противодействия ей со стороны ведущих мировых держав и их спецслужб. Откровенно говоря, пока не видно сколько-нибудь серьёзных аргументов в пользу того, что нам или Западу в обозримой перспективе удастся перехватить сетевую инициативу у ИГИЛ или хотя бы пресечь её распространение в «глобальной паутине». Перед нами частный случай того, как система, обрастая лжеценностями и симулякрами, по мере утраты своей исходной духовной идентичности сама производит себе могильщика, вскармливает его и облегчает его развитие. Вообще, имеет смысл задуматься: а так ли уж безопасен и перспективен заявленный мировыми элитами тренд на цифровое будущее человечества. Хакеры же в падшем мире никогда не переведутся, а нынешние и будущие антисистемы, конечно, не упустят шанса взять своего системного противника за горло в столь уязвимой для него сфере.

Наконец, пятая причина почти мгновенного «огосударствления» антисистемы в форме ИГИЛ. Она же, эта причина, косвенно объясняет, почему аналоги ИГИЛ в послевоенном арабском мире — те же уже упомянутые «Братья-мусульмане», «Хезболла», НФОП, «Джабхат ан-Нусра» и др. — либо вообще не доросли до статуса антисистемы, либо не сумели надолго удержаться у кормила государственной власти. Объяснение же, как ни странно, лежит в плоскости изначальных амбиций антисистемы, её безоглядной пассионарности и готовности многих её адептов идти до конца, вплоть до самопожертвования, во имя неких, ими же объявленных высших идеалов. Антисистема не сможет уцелеть, тем паче когда она меняет знак с антигосударственности на государственность, если не поднимет, с одной стороны, знамени высшей справедливости, превосходящей — и на много! — всё, что может предложить свергаемая ею система, а с другой — ничем не ограниченной, почти глобальной экспансии, которая надолго снабдит её сторонников и союзников сияющими горизонтами грядущего величия. В этом смысле характерно и показательно, что ИГИЛ не ограничивает свою пропаганду только мусульманской аудиторией, но активно апеллирует к недовольным слоям других этносов, благо таковых в духовно загнивающем человечестве уже сейчас немало, а будет ещё больше.

НЕОБОЛЬШЕВИЗМ ИГИЛ

Новизна ИГИЛ не только в её конспиративном генезисе, технологической продвинутости и претензиях на глобальную экспансию. Главная и важнейшая для нас новизна (она же и опасность) ИГИЛ — в её уникальной доктрине. Последняя органично соединяет и синтезирует в себе те элементы философско-нравственных систем, которые прежде никому не удавалось собрать воедино. Всего их три.

Первый — воинствующий панарабизм. С момента своего возникновения в середине XX века ПАСВ поставило перед собой задачу пересмотра искус-

ственных, на скорую руку начертанных границ, расчленивших постоттоманский колониальный Арабский мир на россыпь государств — вассалов Запада. Баасистов-патриотов раздражало и оскорбляло в этом расчленении всё, вплоть до унижительных, проведённых по линейке границ между государствами. Тяга к этнорелигиозному единству, а лучше сказать, к воссоединению, всегда была, есть и будет в арабских народах. Баасисты исправно находили сочувствие своему основному лозунгу «Арабская нация едина, её миссия бессмертна!» во всех уголках региона, причём не только среди простых людей, но и внутри правящих элит. Впрочем, сам процесс объединения в их исполнении неизменно пробуксовывал, и лидеры «Баас», похоже, нашли ключ к разгадке этих неудач. В частности, они, похоже, кардинально пересмотрели идею партийности, признав её нежизнеспособной и неорганичной, ибо даже слово партия означает часть от целого (от англ. — part). Создавая ИГИЛ, «Баас» решительно сбросила с себя эту мёртвую партийную кожу, чтобы, уже в качестве антисистемы, предстать Арабской Умме не отдельной партией, одной из многих, а надпартийным Халифатом под чёрным флагом «ваххабитского ислама». Кроме этого, подстёгиваемые горечью былых поражений, баасисты без всяких сожалений расстались с тактикой политических манёвров и уговоров потенциальных партнёров и попутчиков — «Золотой век» арабской нации, в новом антисистемном прочтении, должен, по их мнению, быть достигнут только силой и беспощадным принуждением несогласных.

Следующий элемент комплексной доктрины ИГИЛ — социализм. Впрочем, и социализм, в глазах перерождённой «Баас», должен отныне быть не половинчатый, не соглашательски-копромиссным, который в последних европейских редакциях, позднесоветской практике и даже собственно баасистском исполнении почти сросся с капитализмом, утрачивая свой изначальный пыл и камуфлируя нарастающее в его недрах социальные неравенство и несправедливость. Социализм неохалифата ИГИЛ

***Комплексной религиозно-светской доктрине
может быть противопоставлено только одно —
столь же комплексная, но желательна духовно
ещё более зрелая доктрина. Постхристианский
Запад на это уже не способен.***

другой — молодой, яростный и бескомпромиссный, предлагающий не теорию, а практику экспроприации экспроприаторов, бесплатных медицины и образования, истребление бюрократии и других системных недугов — одним словом, буквально «Весь мир насилия мы разрушим!» и «Кто был ничем, тот станет всем!». Эти манящие горизонты, а ещё сильнее ультрасоциалистическая, необольшевистская практика на «освобождённых территориях», подобно яркой лампе в ночи, привлекает к себе мотыльков-строителей очередного «города Солнца» со всех концов планеты.

Третий элемент доктрины ИГИЛ — исламская религиозность, причём религиозность в самых крайних и неприемлемых её формах. Традиционный ислам, как явление в современном мире вполне уже устоявшееся и системное, изначально миролюбив. Со времён пророка Мухаммеда он духовно и юридически терпим к приверженцам двух других монотеистических авраамических религий — христианству и иудаизму. В фетвах и фирманах пророка Мухаммеда правоверным предписывалось жить в добрососедстве с христианами и иудеями, не посягать на их собственность и торговлю, защищать от врагов, не препятствовать свободе вероисповедания. Впрочем, эта терпимость не распространялась на внутриисламские секты. Став антисистемой, ИГИЛ, чтобы выжить, обязана была «преодолеть», опротестовать фундаментальные каноны «системного» ислама. Отсюда её параноидальная кровожадность не только к христианам и иудеям, но и к представителям практически всех неэкстремистских течений мусульманского мейнстрима. Впрочем, для иракских баасистов, архитекторов антисистемы, как мне представляется после многих лет изучения их психологии и политики, исламский фактор

всегда был и, похоже, ещё долго останется скорее вспомогательным, нежели определяющим. Потому они и сделали ставку на радикалов в исламе, что это наилучшим образом обеспечивает и обслуживает их новый, предельно жёсткий подход к арабскому единству, государственному и хозяйственному строительству.

Мы не знаем и не можем знать, когда и как нынешний экстремизм «Баас», облечённый в тогу радикального исламизма, смягчится настолько, чтобы восстановить мосты с традиционным исламом. Мы можем лишь догадываться, что это однажды произойдёт, буде новый Халифат всё-таки состоится как объединённое арабское государство и фактор геополитики. (Во всяком случае, исключить этот вариант было бы для России верхом наивности и безрассудства.) Зёрна развала любого треста, не без иронии замечал американский писатель О'Генри, заложены в нём самом. Так и «трест» антисистемы ИГИЛ, яростно набрасываясь на разлагающуюся плоть породившей его системы, уже незримо несёт в себе её наследственные пороки и болезни.

ИГИЛ И РОССИЯ

Хотя тысячелетняя державная Россия не вызывает у народов Востока того реваншистского зуда, который они справедливо питают к Западу, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов потенциальную угрозу для нас со стороны ИГИЛ. Причина проста: за последние четверть века мы вольно или невольно отчасти приросли к той системе, против которой восстаёт ИГИЛ. Запад тоже чует этот расклад, потому и ставится всеми правдами и неправдами втянуть нас в безликое русло «борьбы с международным терроризмом». Он не хуже нас сознаёт, что ИГИЛ — это

не только деятельность, но и мировоззрение, даже прежде всего мировоззрение, а значит, грубой силой его не одолеть. Удары по базам и штабам антисистемы в Сирии и Ираке приведут не к исчезновению её с лица земли как таковой, а к очередной её мутации. Видимая часть ИГИЛ до предела съёжится, а подпольная, напротив, начнёт пропорционально усиливаться и разрастаться, благо число униженных и оскорблённых гибнущей глобальной системой как на Востоке, так и на Западе исчисляется сотнями миллионов, если не миллиардами. Благоприятное поле деятельности для ИГИЛ!

В России эта антисистема уже работает, уже укореняется. Вспомогая, как на одном из круглых столов в стенах Общественной палаты РФ в связи с ИГИЛ звучали странные, местами прямо противоположные суждения. С одной стороны, утверждалось, что по нашим городам и весям гуляет около 500 различных агитационно-вербовочных брошюр, буклетов и листовок неохалифата. И это не считая Интернета. С другой — высказывалось мнение, что ИГИЛ-де это всего лишь рядовая террористическая организация, что-то вроде шайки разбойников, и спецслужбы с ней без труда справятся. Но простите, господа, способна ли шайка головорезов одновременно издавать и распространять миллионными тиражами такое количество печатной «продукции»? Нет и нет! Оказавшись под прямым вооружённым давлением, ИГИЛ начнёт и начала уже «десантироваться» сразу по нескольким региональным направлениям: Западная Европа (самый лакомый кусок), Африка, Средний Восток, Южная и Юго-восточная Азия и, наконец, республики бывшего СССР, включая Россию. Свою конспиративную «грибницу» антисистема уже пытается укоренить, прежде всего, в таких наших традиционно мусульманских регионах, как Северный Кавказ, Татарстан, Башкирия и др. Высокий удельный вес суннитов среди российских мусульман (до 95%) в известной мере облегчает эту задачу, а длительная изолированность советских мусульман от традиционных исламских центров

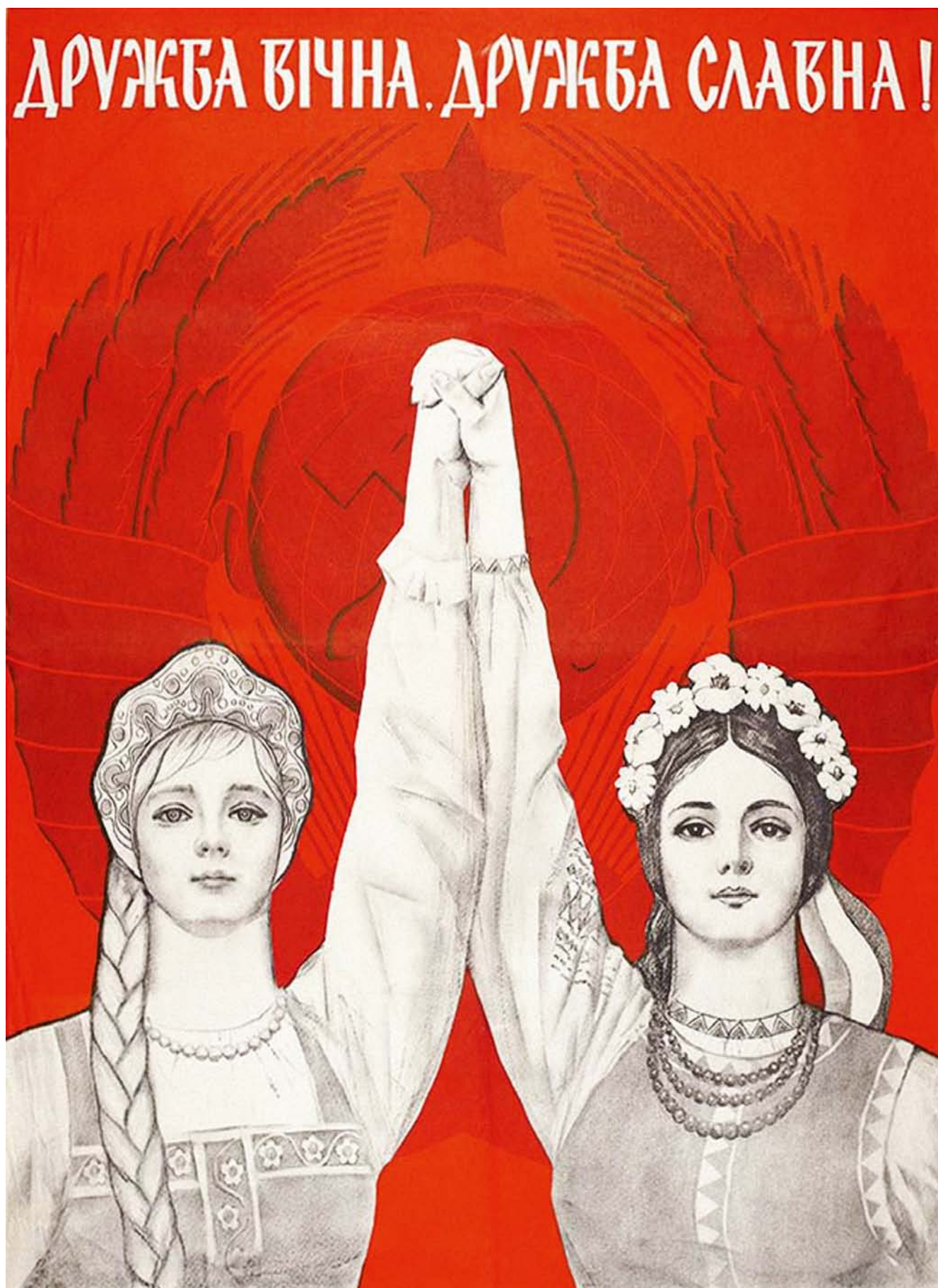
вкупе с общим недоверием к ваххабизму — усложняет её. Здесь государству важно не пускать дело на самотёк, а всячески способствовать, во-первых, просвещению наших мусульман в традиционном духе и, во-вторых, укреплению связки православие — ислам, на которой, как на могучей оси, исторически держится нерушимое единство нашей многонациональной Родины.

Вместе с тем не может не вызывать озабоченности, с одной стороны, усиление миграционных потоков из Средней Азии в крупные города России, и без того перенаселённые, а с другой — нарастающий поток русского населения из сельской местности в города и мегаполисы. История точно знает, что людей, не желающих жить на земле, всегда замещают люди без земли.

Что делать в этих условиях? С социально-политической доктриной невозможно вести борьбу одними только силовыми средствами — это всё равно, что хлестать воздух плёткой или воевать с ветряными мельницами. Идеи справедливости, нравственной чистоты и всеобщего благоденствия, отлитые

в формы игиловской пропаганды, просочатся через любые кордоны и запреты. Комплексной религиозно-светской доктрине может быть противопоставлено только одно — столь же комплексная, но желательнее духовно ещё более зрелая доктрина. Постхристианский Запад на это уже не способен: он, по свидетельству иеромонаха Серафима (Роуза), материалы к канонизации которого в чине преподобных изучаются церковью, «утратил дар различения духов», разбазарил своё христианское наследие, с головой погрузившись в трясину растления и порока. В России ещё возможен синтез духовно-светской, в основе своей православной доктрины, воплощающей в себе, с одной стороны, лучшие образцы государственного и хозяйственного строительства, выработанные за тысячу лет наших побед и поражений, а с другой — православную веру как первооснову мощи и славы России; истинные мусульмане прекрасно понимают, что их будущее всецело зависит от прочности русского православия и освящённого его духом государства. Такая доктрина может

зародиться и уже зарождается даже в рамках неolibеральной системности, по отношению к которой она служит, по сути, альтернативной системой нового типа. Новизна её в том, что, отрицая противостоящую ей систему, она не только внешне, но и внутренне, духовно стремится превзойти её, в то время как антисистемы, включая ИГИЛ, — только внешне. Такая новая духовно-светская модель бесполезна и беспомощна, если останется только на бумаге и в умах тех немногих, кто способен сквозь шум и мишуру цивилизации видеть её обречённость и близкий крах. Выполнить свою миссию, сдержать глобальную катастрофу она сможет, только когда и если будет реализована на практике. Тогда идеи внутреннего очищения и обновления в Духе Святом человека и общества, подобно закваске, изнутри и незаметно преобразят все ныне больные и уязвимые члены нашего государства и общества, воодушевят народы, сблизят конфессии и воссоединят «верхи» и «низы», делая Россию неуязвимой для любых врагов.

/ Сергей БАРАНОВ /

Мы или они?

Украинский «Карфаген» для «Третьего Рима»

Авторский экспертный доклад

1. КОРНИ РУССКО-УКРАИНСКОГО РАЗДЕЛЕНИЯ

Как так получилось, что миллионы славян, носивших ещё к началу XX века гордое имя малороссов, русских, руських, русинов, руснаков, с общим корнем «рус», вдруг стали «украинцами», готовыми воевать против нас, русских, и Русского мира на восточном фронте?

О корнях этого явления написано немало. Например, знаменитая книга Николая Ульянова, на которую обычно ссылаются — «Истоки и смысл украинского сепаратизма», или менее известная, но не менее полезная работа Надежды Борисёнок «Феномен советской украинизации». Основной смысл расхожих антиукраинских взглядов русского патриотического толка состоит примерно в следующем: «враждебная Украина — это непрерывные происки врагов, зомбировавших наших братьев-малороссов, ошибки и недоработки наших друзей, а так — всё хорошо». Вот именно от этой точки зрения нам необходимо сегодня дистанцироваться, чтобы сформулировать правильную волю русского народа и его здорового политического слоя по украинскому вопросу.

Говоря о предпосылках, нужно понимать несколько простых фактов, которые тем не менее действуют очень серьёзно.

1. На Украине по украинскому вопросу «истина» предзадана, сформирована, построена на основе нетерпимости к другим мнениям. Это симптом глубокой закрытости, глубокой психической болезни, исходящей из ситуации предопределённости. За десятилетия людей убедили, что другого решения быть не может: «или мы, украинцы, или они, русские».

2. Украинский язык непонятен без подготовки. Это национальное отличие? Да, это отличие, даже если на нём говорит меньше половины страны. Наши русофилы приводят пример: то же самое, ещё непонятнее, было на юге Франции или в другой части Германии. Ну и что: центральные правительства этих государств смогли создать правильный информационный фон и справились. А мы — нет.

3. Двадцать к одному — так можно оценить суммарный перевес украинского национализма по отношению к проявлениям русского самосознания в публичной сфере Украины. И это при всей культурной пустоте украинства и богатстве русской культуры. Российские власти за 26 лет независимости Украины ничего не сделали для хоть какой-то представленности России и русских в украинском медиапространстве. И ничего не делают сейчас! Украинская антисистема вырабатывалась при поощрении части российских элит.

4. Украина сегодня — это государство двух наций: большой русской нации и вновь сформированной украинской нации. (С севера на юг Украина делится примерно по автодорожке Москва—Крым через Харьков—Днепропетровск—Запорожье, и с востока на запад — по линии Запорожье—Приднестровье). Деление по территориям приблизительное, но существование двух наций — совершенно отчётливый социологический феномен.

5. Являются ли украинцы сепаратистами общерусского дела? Скорее они оказались на периферии русского проекта. Позволю небольшой исторический экскурс. Говорят, что никаких украинцев нет, их придумали поляки, австрияки, большевики, ещё кто-то. Но это, мягко говоря, не совсем так. Когда говорят «придумали» и «внедрили», речь идёт о нации в современном смысле слова, а до нации существовали народности — стабильные группы населения, сложившиеся по территориальному и языковому признакам. Знаменитый историк и археолог В.В. Седов, автор научной, приближённой к фактам концепции древнерусской народности, считал, что предки юго-западной группы восточных славян относились к «дулебской группе» народностей: дулебов, волынян, бужан, древлян, дреговичей, уличей, тиверцев. На востоке их ареал заканчивался на Среднем Днепре,

У «малых народов» как Украины, так и большой исторической России интересы и цели похожим образом отличаются от интересов их населения и сторонников любых национальных проектов. Они просто лежат в другой плоскости. Проект мононациональной русофобской Украины используется лишь как один из инструментов достижения целей глобального «малого народа» — разрушения Русского мира изнутри и по частям.

примерно в районе Киева. Восточнее же, на левом берегу, на котором, в основном, располагалась «Русская земля» в узком значении слова, жили как раз те группы восточных славян, которых стали называть русскими: северяне, радимичи, горюны. Археологическая культура предков украинцев Правого берега — Лука-Райковецкая, а первых русских Левого берега — Волынцевская и Роменская культуры. Уже в VIII–IX вв. это были разные массивы населения. Потом, правда, они объединились под властью Рюриковичей в одну Древнюю Русь, с одной общей древнерусской культурой. Но вот население осталось разным, и различия между ним увеличивались, в том числе и в языке. Если вы посмотрите карту, то увидите, что Русская земля и правобережная Западная Русь — это разные регионы Восточной Европы, расстояние между некоторыми точками которых может превышать тысячу километров. При этом они сходятся и накладываются друг на друга в районе Киева.

Впоследствии и государственные образования тоже были разные: земли или великие княжества, например Черниговское и Переславское, — на востоке и Галицко-Волынское — на западе. Киевское княжество между ними было маленьким и переходило из рук в руки. Эти земли, как и другие, сохранялись, когда империя Рюриковичей в конце XI века уже распалась, когда Любечский съезд

князей на Днепре решил, что «каждый (князь) да держит вотчину свою». Единое древнерусское государство существовало всего два века (конец IX — конец XI). Остальное — история разных государств, хотя и одного русского народа как суперэтноса, и народностей внутри этого суперэтноса. В великих княжествах правили династии — ветви Рюриковичей. Это были устойчивые образования. А почему? Потому что они помимо княжеских династий опирались на устойчивые этнические массивы славян, которые жили на своих территориях ещё до Рюриковичей, и на их местную знать, местные общины и сети. Такой массив сохранялся и в юго-западной Руси, который мы сегодня условно называем «украинцами». Дулебам и древлянам антиисторично присваивать искусственное имя «украинцев», но смысл один — украинцы их прямые потомки, с которыми у них прослеживается прямая преемственность.

Так называемые «украиноязычные украинцы» запада и западного центра по своему этническому менталитету — люди, отчасти застрявшие в праславянской эпохе и дожившие с тех пор на одной и той же территории до наших дней. Люди, которых называют «этническими украинцами», безотносительно к степени их русскости и места происхождения, имеют предков на территориях Большой Волыни, Галичины и Подолии, то есть нынешних Во-

лынской, Ровенской, Житомирской, Львовской, Тернопольской, Хмельницкой, Винницкой, Черновицкой, Ивано-Франковской областей. Славяне и их непосредственные предки жили там не менее 4,5 тысячелетия. Сравните, на территории Москвы, Киева, Харькова славяне живут не более 1300 лет.

Связь этого факта с нынешним украинским вопросом на первый взгляд кажется отдалённой, однако он в немалой степени определяет поведение жителей этих регионов, независимо от политической конъюнктуры и перипетий последних столетий. Эти люди в своей коллективной массе весьма тяжёлые с точки зрения включения их в новую нацию, склонные упорствовать в своём менталитете и в своих приземлённых, узких интересах. Украинство в его западном варианте — это весьма специфический, периферийный и смешанный вариант славянства, на границе с карпатским регионом, который сохранил и многие дославянские черты, что сделало его более податливым на уловки антисистемы, развило зависть к русским собратьям. Русская идентичность для большинства из них вторична, поэтому её можно легко предать, скинуть как неудобную маску с лица¹.

2. УКРАИНСТВО КАК ПРОЕКТ

Украинство стало важным подспорьем в эгоистическом самоутверждении значительной социально-политической и этнической доминирующей части граждан бывшей УССР. Украинцы не принимали решения о независимости Украины, об учреждении совершенно нового государства на руинах СССР и на месте бывшей УССР. Это сделало ничтожное меньшинство народа — партноменклатура и «политические украинцы». Украинское население было поставлено перед фактом, вынуждено, обмануто. Им

¹ Справедливости ради необходимо добавить, что и другие идентичности — такие как западославянская, тем более германская, австрийская или турецкая, — для них ещё менее родственны, чем русская.

внушалось: называя себя в этих условиях украинцем, ты убиваешь в себе русского; но за это ты получаешь преимущество в социобиологической конкуренции! Ты человек первого, высшего сорта в этом государстве. Ты украинец, ты против русификации, против Голодомора, против имперских замашек России. И тебе уже все должны, и НАТО, и США, и Россия. А ещё у тебя, украинца, потомка дулебской группы (а на самом деле — великих укров!), есть индустриальные и аграрные богатства юго-востока и Новороссии, созданные в рамках объединения в большую русскую нацию, в единую экономику, в единой империи. Но теперь-то великой русской нации, империи нет, её единой экономики нет, а есть мы — и есть какие-то москаля, про которых говорят, что они вовсе не славяне. Разве от такого откажешься?!

Идея социобиологического превосходства над русскими — опиум для народа Украины, на который его подсадила антисистемная элита и её западные информационные спонсоры. Но с наркотика не так легко слезть, если «Я» привыкло оперировать этими конструкциями и находить себе в них облегчение. Таким

образом, за счёт пассивной позиции значительной части населения антисистема Украины получила мощную энергетическую подпитку.

Гражданская война на Украине по линии контроля ДНР/ЛНР — это часть межнационального конфликта украинской и русской нации, который давно назревал и готовился как минимум 25 лет. Но его межнациональная природа сглажена непрерывностью населения Украины и русским характером соседних регионов. На Украине он осознаётся как война с русскими за территорию, в официальной пропаганде — как война с Россией и Путиным, поскольку в украинской пропаганде русский народ запрещено считать субъектом, он только жертва или фикция.

Можно только воображать, что творится в душе у среднестатистического малоросса в последние десятилетия. Конечно, каждый малоросс сделал свой выбор сам, кто-то вовсе не клюнул на эту наживку. «Придумали тоже нацию “украинцы”», — говорил автору этих строк бывший начальник миграционной службы МВД Украины. Ну да, придумали. Однако это не такая уж фикция, ведь в нынешних условиях «новая нация» стремительно превращается в коллективную психологическую реальность.

Отличие украинской ситуации от российской и белорусской состоит главным образом в том, что русские в России в 90-е годы отказали антисистеме и не стали жить по её правилам, выйдя в «параллельное существование» с либерально-криминальным государством, в Белоруссии народ в целом с антисистемой не столкнулся, так как та была подавлена режимом Лукашенко. На Украине же получилось иначе: возникла тесная связь украинского национального проекта и антирусской антисистемы.

Тем не менее проект украинской нации как антирусской нации нельзя непосредственно отождествлять с антисистемой Украины — «малым народом», который управляет всем украинским проектом нации и государства под контролем западной мировой олигархии. У «малых народов» как Украины, так и большой исторической России, интересы и цели похожим образом отличаются от интересов их населения и сторонников любых национальных проектов. Они просто лежат в другой плоскости. Проект мононациональной русофобской Украины используется лишь как один из инструментов достижения целей глобального «малого народа» — разрушения Русского мира изнутри и по частям.

3. АНТИСИСТЕМНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА УКРАИНЫ

Как украинцам, так и русским на Украине отведена роль жертвы, которая приносится как ради внутренних целей, так и ради воздействия на Россию, Восточную Европу и Европу в целом. Сама жертва — народ Украины — может этого не понимать на идеологическом уровне, но ощущает это и рефлексирует на бытовом уровне, подозревая, что они столкнулись с очередной ловушкой. Но вся история Украины описывается в её национальной мифологии как цепь ловушек, расставленных врагами, так что эта, может быть, самая опасная, не выделяется как главная. Сознание украинца заменено национальной «свидомостью», то есть набором при-

обретённых стереотипов. Носитель «свидомости» — «свидомит» — не способен к сознательному свободному выбору и является идеальным кандидатом на роль жертвы.

Идеология антисистемы пуста, она не имеет за душой буквально ничего, представляя собой бесконечную игру симулякров и подтасовок с одной целью — отождествить как можно больше русского, получить прибавочный продукт. Однако добыча достаётся немногим — верхушке антисистемы и её западным партнёрам, а все остальные получают лишь приманку, псевдоидентичность и псевдогосударство-колонию в обмен на жертву своей русской, православной души.

Семантика украинской национальной символики, навязываемая как образ и операциональный код (образ действия) создаваемой нации,

построена на жертве. Таков и гимн («еще не вмерла Украина...»), таков и основной исторический символ — Голодомор, встраиваемый в один ряд с Холокостом, такова и отстреленная в окрестностях Майдана в феврале 2014 года «Небесная сотня» самых активных экстремистов, таковы и жертвы Иловайского котла в августе того же года. Украину готовят на роль добровольно-принудительной жертвы, придавая этому какое-то запрещённое, вытесненное тёмное языческое значение. Смысл жертвы закамуфлирован современным обществом потребления, подключением к европейской глобализации в виде безвизового режима с ЕС, и с другой стороны — традиционными системами выживания простого человека, позволяющими переносить деструкцию наследия общерусской экономики, что затемняет смысл и образ всей Украины как страны-жертвы. Экономически и социально Украина уже стала жертвой мирового капитала, её население неуклонно сокращается.

Начиная с Тараса Шевченко, предавшего своих благодетелей ради психической инфляции (раздувания «Я», в первую очередь этнических компонентов «Я»-образа), украинство построено на мифологии, оправдывающей и героизирующей предательство русского в себе и вне себя. Предательство осуществляется ради какой-то выгоды или иллюзии выгоды. Это подаётся как хваленый украинский прагматизм, но на самом деле является опасной чертой для всех русских. Поддержка культа Шевченко как советского наследия — серьёзная ошибка сторонников русского проекта. Частью культа предательства является героизация галицких украинофилов начала XX века, предавших общерусские интересы и своих земляков-русофилов, обрекая их на смерть в Талергофе и Терезине.

Предательство русского в себе и в других и безбедная жизнь (чаще иллюзия безбедной жизни) за счёт смерти и страдания других людей становится символом украинства. Во время Великой Отечественной

войны предательство «повязало кровью» большую часть галицкой народности, поскольку её жители были втянуты в деятельность ОУН-УПА, дивизии СС «Галичина». Многие из них репрессировали советские органы, и это закрепило факт предательства. В 1990-е гг. **предательство во имя преуспевания** охватило всю Украину, а на западе страны вновь победила фигура оборотня-бандеровца, ставшего судьей над своими жертвами в прошлом и над своими современниками.

Однако главное предательство совершили представители номенклатуры, днепропетровского и донецкого кланов, превратившиеся в носителей антисистемы в обмен на статус олигархов, с лёгкостью предающих друг друга. **Предательство как синоним ума, хитрости, хозяйственной хватки, как условие успеха стало национальной идеей Украины. Великим примером прошлого стал предатель и клятвопреступник гетман Мазепа, который видится в оптике современной украинской олигархии как сторонник многовекторности и «европейского выбора». Во время первого и второго Майдана Кучма и Янукович предали себя и своих сторонников, тем самым обеспечив передачу власти в стране как акт предательства.** Но в предательстве им помогали многочисленные доверенные лица — руководители ключевых ведомств и связанные с ними олигархи, образуя целые сети и корпорации предателей. Тотальное болото предательства — среда, в которой анти-система становится всесильной.

Если в украинстве Грушевского и Шевченко героизировались предатели Руси, то в посламайданной Украине наступил черёд героизации

галицких нацистов, выступавших палачами неугодных украинцев, русских, а также поляков и евреев. Культ палачей включает в себя и героизацию участников АТО — карателей Донбасса, в том числе и понесших заслуженную кару. Московский проспект в киевском районе Троєщина демонстративно назван именем палача и гитлеровского агента Степана Бандеры. Проспект освободителя города генерала Ватутина в Киеве переименован в проспект капитана батальона «Нахтигаль» Романа Шухевича.

Любопытной частью украинской игры, оголяющей её антисистемную сущность, являются языковые и псевдоисторические трюки с этнонимом «русский» и названием Руси-России. Эти трюки выполняют несколько задач: 1) Оторвать украинцев от большого русского народа — точнее, уже большой русской нации и общей истории; 2) Отобрать у России и русских всю историю южной и западной Руси и даже этих частей Российской империи и СССР; 3) Лишить русских представления о своём цивилизационном ядре как славянском и древнерусском, сломать русскую идентичность, изуродовать, «обстрогать» её и в таком виде заставить принять её всех русских, в том числе и в РФ.

Первая задача — отрыв имени украинского народа от русского, точнее, отречения от своего русского имени под предлогом обретения малого, более точного, — была поставлена в конце XIX — начале XX веков и успешно решена в ходе советской украинизации 1920–1930-х гг. Когда историк-фальсификатор Михаил Грушевский назвал свою книгу «Историей Украины — Руси», это был первый этап подмены, на котором нужно было уравнивать эти ранее

несопоставимые понятия. Сегодня в сознание и подсознание всех русских, не только украинских русских, забит жёсткий якорь, отделяющий Украину от русского народа. В современной украинской семантике «Русь» осталась в прошлом, это узкий исторический термин, а Украина — это сегодня и завтра. Но проблема ещё и в том, что этноним был изуродован до неузнаваемости — его семантическая структура превращена в противоположную. Имя Руси, или Малой, то есть изначальной, Руси, заменено на буквально маргинальное имя Украины — Окраины, являющейся придатком какого-то другого центра, метрополии. Это синоним колонии и маргинальности. Чьей колонии, уже не важно, важны сам статус, сущность человека, который способен быть только колонизируемым и маргиналом, не способным к самостоятельному национальному и просто личному «Я». При этом украинская пропаганда утверждает прямо противоположное, что украинцы самостоятельны и свободны, а русские — рабы. Но в украинском понимании рабское предательское и узкопрагматичное поведение считается свободным, а свободный выбор своего цивилизационного «Я» — русским и советским рабством².

Следующий конструктивистский трюк — похищение у русских истории южной Руси. Суть его не так просто понять, как может показаться читателям, не искушённым в средневековой истории восточных славян. По мнению фальсификатора и австрийского грантоёда М. Грушевского, поскольку Киев — столица Древней Руси и, в более узком значении, Русской земли («Киевской Руси» — специально изобретённый им термин — синоним

² Изначально, кстати, в массовом употреблении слова «Украина» в XVII–XVIII веках, метрополией Окраины выступала Польша, бывшая, в свою очередь, периферией Запада. Третьесортность Украины закодирована в самом названии, присвоенном польскими панями, использовавшими данное название в технических целях, как место их службы, а украинцами называли себя как несущие службу на окраинных по отношению к этнической Польше землях. При этом официально территория Украины поляками называлась по-прежнему Русью, но вот составлявшие часть правящего класса подчинённой территории поляки — «украинцами». Потом и другие представители шляхетского сословия, уже не польского, а местного происхождения стали называться украинцами как разновидность шляхты с Украины. Таким образом, украинец — производное от поляка как престижного названия. Такой вот «выверт», напоминающий что-то подобное, что хотел бы «провернуть» наш «малый народ» с современными «россиянами» — жителями России, которые должны появиться вместо русских.

Украины), и на этой территории в современную Грушевскому эпоху проживают этнические малороссы, якобы «украинцы», то и южная Древняя Русь («Киевская») — продукт украинцев. Остальные восточные славяне к этому отношения не имели. Да и не славяне они вовсе, а москали — финны, как утверждал на всю Европу Франтишек Духиньский, идеи которого стали частью украинской русофобии. Кстати, такой глубоко ошибочный взгляд на связь южной и северной Руси и происхождение великороссов отчасти разделяли и маститые русские историки, например, Ключевский. Так что версия Грушевского некоторым его современникам могла показаться вполне правдоподобной, да и сегодня его поклонники ссылаются на Ключевского (на его лекцию о расселении великороссов).

Получается, что русские — это вторичный и побочный продукт украинцев. Такая картина либо следствие незнания, либо умышленных фальсификаций и изъятий истории южной Русской земли и Древнерусского государства, которая сложилась прямо противоположным — концепции Грушевского — образом. При зарождении Древнерусского государства наиболее влиятельным в политическом и культурном плане был юго-восточный массив, который подчинил себе Киев и киевскую округу. Государство, которое затем возглавили Рюриковичи, опиралось на юго-восточный массив и воевало с юго-западным массивом — древлянами, предками украинцев. Киев стал родиной современного литературного русского языка, а не украинского, потому что язык левобережных славян, часть из которых называлась русскими, ближе к современному русскому. Все эти славяне сегодня объявлены «украинцами», как, впрочем, и все граждане Украины. (Хотя предки украинцев — носители украинских

диалектов — появились там в XVI–XVII вв.) Итак, **история Руси украдена политическими украинцами.**

Но что же далее?.. Сказав «а», надо говорить «б». За кражей истории следует и кража страны, народа, их ментального, смыслового места.

В искусственно созданном интеллигентами-националистами в начале XX века украинском литературном языке, его современном, принятом на Украине варианте, русских принято называть «россиянами», по имени их местожительства — России. (Вспомним заглавие книги Кучмы «Украина — не Россия»!) Под ней, Россией, в свою очередь, понимается не историческая Россия, даже не усечённая Российская Федерация, а Великороссия, в идеале — Московия, территория Московского княжества, где живут так называемые москали. Москали же — потомки финнов и прочие многонациональные жители. На Украине русских (то есть «россиян») вообще нет, разве что приезжие мигранты, поскольку Украина — не Россия. Но и в России их нет, поскольку в России живут россияне. Россияне — это не настоящие русские, поскольку исторически русские — это украинцы, живущие на Украине³. В общем, схема украинских смыслов не оставляет места русским на земле, поскольку построена на зоологической ненависти ко всему русскому. Основное послание украинства — именно в схеме ликвидации русскости. Украинство ведёт к тотальной войне с русскими на выживание, чего и добиваются наши общие враги из глобальной антисистемы.

Как мы видим, логика ключевых понятий украинства, прямо, сознательно и подсознательно, нацелена на ликвидацию России, и её обязан повторять всякий человек на Украине, кто использует эти слова, осознанно или неосознанно наполняя пустой смысл «Украины» и украинской нации уворованным смыслом.

4. ИСКУССТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО

Борьба за прибавочный продукт — вот в чём смысл для украинца руссофобского национального проекта. Строительство независимой Украины ведётся за счёт утилизации энергии распада большого русского проекта как его объектов внутри Украины, главным образом на юго-востоке, так и в Евразии в целом. В этом смысл российско-украинских газовых споров. Будет ли российский нефтегазовый комплекс как общерусский проект кладовых Евразии кормить антирусский украинский проект? Вот в чём вопрос. Конечно, экономические ресурсы общерусского проекта в отношении Украины далеко не сводятся только к нефти и газу. Это сельское хозяйство на основе чернозёмов, расположенных, в основном, опять-таки на русском юго-востоке. Это атомная энергетика, это остатки оборонной отрасли, это старое машиностроение, это причерноморский коридор как древняя транспортная артерия Евразии, ведущая напрямик в центр Европы через устье Дуная.

Переучреждение Украины в 1991 году как мононационального антирусского государства — важнейший антисистемный акт постсоветской истории. В августе 1991 года, после провала путча в Москве и выхода РСФСР из СССР, на Украине произошёл переворот, который сопоставим по масштабу с московскими событиями и составляет с ними одно целое. Верховный совет Украины принял акт о независимости и соответствующие законы, например, о правопреемстве. Многомиллионная УССР как часть исторической России — СССР была переучреждена кучкой людей с депутатскими мандатами, которые не имели на это полномочий от населения, голосовавшего за этих лиц на выборах 1990 года отнюдь не для того, чтобы

³ Не здесь ли исток жаргона «ельчиноидов» — архитекторов «российской нации»? Кстати, «россиянами» русских на Украине называют не только на украинском, но и даже на русском языке, его смешанных и неграмотных вариантах, вроде суржика. Более того, «россиянами» русских, то есть себя, на Украине называют и сами русские. Эта схема работает. Просто в России это веяние (с Украины) еще не ощутили в полной мере.

они отделились от России и создали антирусское государство. Это, в частности, показали данные всесоюзного референдума о сохранении СССР на территории УССР: абсолютное большинство граждан республики были против отделения.

То, что произошло, было созданием совершенно нового, искусственного государства меньшинства, управляемого малым народом и антисистемой по новым правилам, исключающим возврат к прошлому. Не обретением Украиной независимости, а потерей суверенитета украинским народом, который был лишён его группой заговорщиков и их сознательных и бес-сознательных пособников.

Суверенитет на Украине перешёл от советской власти к группе политических структур, возглавляемых антисистемными элементами. С юридической точки зрения акты «независимости» легко признать ничтожными в рамках прежней государственной реальности. Независимая Украина с 1991 года, в отличие от России, отказалась быть в полной и определённой мере правопреемницей СССР. Она представляет собой новую реальность, возникшую как бы «из воздуха». Исторически Украина является набором территорий разной государственной принадлежности и разного этнического состава, объединение которых весьма спорно. С таким же правом в качестве новой реальности на ме-

сте нынешней Украины может быть учреждена Украинская конфедерация самостоятельных республик на основе каких-то иных соображений её участников, в том числе и в одностороннем порядке, частью из них, например, являются ДНР и ЛНР. Что, как полагает автор этих строк, и произойдёт в обозримом будущем.

В 1919 году без поддержки мирового глобализма политическая мишура УНР и ЗУНР осыпалась как пыль. Однако власти большевиков пришлось иметь дело уже с массой «политических украинцев», на которую они и решили опереться, создав для них УССР. Немыслимое стало возможным в 1991 году благодаря тому, что украинская партноменклатура была насыщена скрытыми антисистемными элементами, а открытые националисты успели провести подготовку части общественного мнения республики. Однако главным стало то, что антисистема поставила украинских депутатов перед фактом совершившегося отделения — сверху, из Москвы. **Несмотря на приход к власти в Москве «ельциноидов», в случае если бы УССР отказалась отделяться от СССР (а Украина, за исключением западной части, считалась одной самых твёрдых опор советского режима), СССР бы сохранился. При таком сценарии опорой Союза могла бы послужить мощная группировка советских**

войск Киевского военного округа, местные партийные органы, тяжёлая промышленность. Однако все они были загнаны в независимую Украину московским путчем, представлявшим собой предательскую комбинацию в чисто украинском предательском стиле.

Украина может существовать как государство и как национальный проект только на внешнем управлении, поскольку отсутствует её внутренняя логика, способная осуществлять сборку в таком обширном составе земель. Идеи украинства в XIX веке складывались под внешним воздействием: поляков и австрийцев. Сама Украина всегда формировалась как государство благодаря внешней силе: УНР и Директория в 1918 году — под контролем Германии; УССР — как детище большевиков, первая массовая фашистская структура ОУН-УПА — создана под контролем гитлеровцев. Развитие экономики УССР, строительство городов, включение новых регионов, обустройство сельхозземель планировалось и проводилось в жизнь руководством СССР напрямую из Москвы. Даже судьбоносное решение о создании большой Советской Украины на месте УНР, Донецко-Криворожской Республики и других буферных образований в 1919 году принималось руководством РКП (б) в Москве. Поэтому главной «позитивной» идеей украинства

является евроинтеграция, присоединение к Западу, смена ведущей силы, хозяина; смена цивилизационного кода на чужой, западный, но якобы лучший, чем русский. Без фактора внешнего хозяина с Запада украинцы остаются наедине со своей русской идентичностью и Москвой и резко «потухают» как сторонники независимости.

Независимость Украины — в действительности не более чем утончённое издевательство и имеет место только в отношении России, и то формально. Украина — продукт

конструирования внешней силы. Антисистемная идея Украины-Антироссии имеет свои энергетические и смысловые пределы, за которыми может наступить быстрый распад страны, в том числе и за счёт привычки к антисистемному вампиризму, эгоизму и анархии руководящих эшелонов украинской олигархии и бюрократии. Только с этим можно связать отчаянные попытки возложить на Россию издержки энергетики и газотранспортной системы Украины, уже объявив состояние войны с ней в 2015–2016 гг.

Эту особенность хорошо понимают нынешние западные хозяева Украины, не ослабляя свой контроль над этим государством. В центральном офисе СБУ на Владимирской, 33, в Киеве целый этаж занимают ЦРУ и другие спецслужбы США, наблюдая за ситуацией буквально за спинами местных «незалежных» коллег. Незадолго до Майдана-2014 США открыли новое обширное посольство, позволяющее увеличить персонал. Растёт число различных военных контингентов Запада, выполняющих управленческие работы в разных частях Украины.

С 2014 года постмайданная Украина переведена на ручное управление Запада, утратив видимость суверенитета. Это вызвано рядом кризисных финансовых и политических причин, поскольку хозяйственное положение резко ухудшилось, деньги были изъяты командой Януковича, а часть этой прежней команды нужно было удалить. Доверие к Порошенко, Гройсману, Парубию, Авакову и другим лицам хунты у западных кураторов очень низкое, прежде всего к их дееспособности. Осуществляется прямое управление экономикой и госсистемой через советников и министров-иностранцев. После смены демократической администрации США и прихода в Белый дом Трампа схема ручного управления Украиной несколько ослабла, но не изменилась. Финансовая система государства держится на иностранных кредитах, хотя в целом государственные долги Украины не очень большие.

Значительную роль в становлении и поддержке украинской антисистемы сыграли координируемые западными государствами НКО, а также канадская и американская украинская диаспора. Они цепко держали в своих лапах украинский политический класс и национальную интеллигенцию.

Большая часть украинской элиты стала антисистемной, заражена антисистемным и предательским духом, что сделало её ненадёжным партнёром даже для Запада. Запад,

учитывая стремления украинской элиты к обогащению и самовозвеличению, не стал пытаться завладеть её собственностью, оставив основные отрасли, в основном советского происхождения, в её руках, контролируя её финансовые потоки. Однако после 2014 года ситуация меняется. Основная отрасль — сельское хозяйство и чернозёмы — переходит под контроль Запада. На Украину устремилась такая корпорация, как глобальный ГМО-отравитель Монсанта.

5. КАК УСТРОЕНА АНТИСИСТЕМА УКРАИНЫ: ТРИ ГОЛОВЫ И ТУЛОВИЩЕ

Три головы украинской антисистемы это: 1) Её олигархия; 2) Националистическая интеллигенция и медиакратия; 3) Нацистские и националистические антирусские организации и движения. Туловищем антисистемы Украины является часть народа, поддававшаяся на соблазн антирусского сепаратизма, его коллективное бессознательное. Без ликвидации всех трёх компонентов, ведущих антисистему, освободить тело не удастся. Если нацистов можно запретить, а олигархию — расформировать, то интеллигенцию и медиасферу можно победить, создав свой медиапоток с иным содержанием.

Лицо антисистемы — не идейные националисты, а русскоязычные и даже русские олигархи, рассматривающие украинское мононациональное государство, русофобию и национализм как инструмент и условие собственной власти над людьми. Олигархия Украины антисистемна вся. В этом плане они кардинально не отличаются от представителей либеральной части олигархата и «малого народа» Российской Федерации, и лишь досадные исторические обстоятельства разводят по разные стороны полосы отчуждения. Один становится президентом и главой хунты, а другой — послом России.

Главной «позитивной» идеей украинства является евроинтеграция, присоединение к Западу, смена ведущей силы, хозяина; смена цивилизационного кода на чужой, западный, но якобы лучший, чем русский. Без фактора внешнего хозяина с Запада украинцы остаются наедине со своей русской идентичностью и Москвой и резко «потухают» как сторонники независимости.

Днепропетровский клан. Историческим центром украинской олигархии считается самый могущественный днепровский клан. Сегодня он не представляет собой единого целого. Влиятельнейшей группой клана является семейная группа Пинчука—Кучмы, прежде всего, сам Виктор Пинчук, зять Кучмы, — богатейший олигарх и адепт иудейского течения Хабад-Любавич. Пинчук связан с мировой закулисой и рассматривает себя как негласный представитель глобалистского либерального истеблишмента на Украине, стоящий за многими поворотными политическими процессами в стране, как стратег и мыслитель, борец с антисемитизмом и деятель мирового еврейства. В 2016 году Пинчук сделал самый большой частный взнос в фонд избирательной кампании Клинтон. Форумом Пинчука является ежегодная конференция «Ялтинская европейская стратегия». Она проходит с 2004 года, сначала в историческом зале Ливадийского дворца, где в 1945 году состоялась Ялтинская мирная конференция, а с 2014 года — уже в Киеве.

Выходцем из Днепропетровского клана является такой влиятельный антирусский политик и олигарх, как Юлия Тимошенко. Важнейшей фигурой днепровского клана, чьим протезом была Юлия Тимошенко, являлся экс-премьер Павел Лазаренко (ныне, после осуждения, живёт в США). С Днепропетровском связан экс-владелец Приват-Банка Игорь

Коломойский, политики Александр Турчинов и Сергей Тигипко.

При содействии олигархов Пинчука, Коломойского и Боголюбова в Днепропетровске (ныне г. Днепр) построен 22-этажный грандиозный еврейский культурно-деловой центр «Менора», выполненный в форме ритуального подсвечника. Он символизирует власть наиболее богатых представителей днепровского клана над Украиной. Во главе центра — выходец из Бруклина раввин Шмуэль Каминецкий, который играет важную роль в элитарных связях членов днепровской группы, превратившись в своего рода внутреннего бизнес-арбитра еврейского сообщества.

Формальное утверждение этого клана у власти на постсоветской Украине совпало с победой выходца из Днепропетровска, бывшего директора «Южмаша» Леонида Кучмы, на президентских выборах 1994 года в качестве представителя русского юго-востока. «К осени 1996 г. число представителей днепровской группы во всех трёх ветвях украинской власти, а также в армии, банках, церкви, средствах массовой информации, профсоюзах, молодёжных и женских организациях превысило 200 человек»⁴. В 1995 году днепровский клан раскололся на несколько ФПГ. Вопреки распространённым в русофильской печати представлениям о сельском и украиноязычном образе украинской антисистемы его ядро сложилось в передовом

⁴ «Днепропетровский клан и газовая принцесса Украины». <http://h.ua/story/99161/#ixzz4rWnRUKJx>.

индустриальном и русском городе Новороссии. Сельский украинский национализм — это внешняя, подчинённая часть антисистемы. Основой могущества днепропетровских стало не машиностроение, а ТЭК и газовый транзит из России в ЕС. Члены днепропетровского сообщества кланов специализируются на транзитократии — своеобразной схеме организации постсоветского пространства, которую можно было бы назвать **Новой Хазарией**. Это сделал клан, в частности Ю. Тимошенко и В. Пинчука, неизбежным партнёром российской власти на Украине. На деловых интересах в сфере транзита строились ошибочные мнения в российских кругах, имеющих отношение к украинской политике, о якобы предпочтительности Ю. Тимошенко для России по сравнению с В. Януковичем. Наиболее яркое воплощение украинская транзитократия получила в деятельности клана Дмитрия Фирташа — Юрия Бойко и его предприятия «РосУкрЭнерго». На Украине транзитократия с 2011 года переживает постепенный закат, вызванный сменой российско-европейской транзитной политики, нацеленной на исключение стран-посредников, что предопределяет ограничение общего влияния днепропетровских ФПГ.

За десятилетие президентства (1994–2005) клан Кучмы во главе с его зятем Пинчуком стал богатым на Украине. Помимо выходцев из Днепропетровской области к ветвям днепропетровского клана присоединялось большое количество соискателей денег и власти из других регионов. Некоторые важные деятели клана Кучмы выбыли из него сразу после завершения его президентства в ходе первой «оранжевой» революции, хотя сама финансовая сердцевина клана осталась. Так, министр транспорта и гендиректор «Укрзалізниця» Георгий Кирпа, много сделавший для этой отрасли, застрелился (или был застрелен) сразу после первой «оранжевой» революции. Создатель и первый руководитель НАК «Нафтогаз Украины», глава управ-

ления делами Кучмы Игорь Бакай эмигрировал в Россию.

Русофобскую идеологию Кучмы хорошо выражает книга «Украина — не Россия», призванная провести непреодолимую границу между вновь возникшими постсоветскими государствами и, что самое важное, — между народами. Кучме удалось добиться окончательного международно-правового размежевания Украины и Российской Федерации в виде так называемого Большого договора (1997), на неопределённый срок закрепившего право украинской олигархии на все территории, оказавшиеся в составе Украины, а также заложить евроатлантический вектор Украины. Его проявлениями стали подписание «Хартии об особом партнёрстве Украины и НАТО» в том же 1997 году, создание антироссийского и антиевразийского блока ГУАМ (1997), экспансия католицизма на православную каноническую территорию — самовольный визит папы Иоанна Павла II в 2001 году без согласования с Русской православной церковью. Всё это стало возможным благодаря предательству утвердившейся в Москве в 1996 году после переизбрания Бориса Ельцина «семибанкирщины», которая и дала «зелёный свет» днепропетровскому клану на окончательный разрыв с Россией и добровольную утрату Россией юридических прав на украинские территории. **Заключение Большого договора — акт предательства российской антисистемы в пользу украинской. Таким образом, днепропетровский клан является историческим партнёром антисистемной части российской олигархии, как ранее — разлагающейся советской партномеклатуры. В дальнейшем, в ходе воссоединения Республики Крым и Севастополя с РФ, была доказана неправомочность Большого договора в части, касающейся крымского вопроса, и он, по сути, дезавуирован со стороны РФ, хотя и продолжает действовать в некоторых аспектах, поскольку Украина сохраняется как новая реальность.**

Донецкий клан. В постсоветской Украине конкурентом днепропетровского клана за индустриальное наследство и важнейшей антисистемной силой на Украине стал донецкий клан. Крупнейшие представители донецкого клана — Ринат Ахметов, Виктор Янукович, Юрий Иванющенко. Основатели донецкого клана Ахать Брагин и Евгений Щербань были убиты в войне с днепропетровским кланом в середине 1990-х гг., позиции которого на тот момент были сильнее.

Донецкие нередко рассматривались российскими политиками как выразители русской Восточной Украины, как здоровая, промышленная часть элиты. Но в действительности это не так, просто внешне она выглядела как вышедшая из народной толщи русского Донбасса. Олесь Бузина назвал «донецких» буржуазными украинскими националистами. Это было несколько ближе к истине. С самого начала они представляли собой специфическую антисистему, выросшую из криминальной группировки, антисистемной по своей сути и по своим криминальным понятиям — смыслом. Криминальный жаргон — это антисистемный, противостоящий обществу язык. Криминальный бизнес, действующий по понятиям этого жаргона, является антисистемным. На Украине, кстати, весь, по крайней мере крупный и средний, бизнес имеет криминальную окраску или криминальное происхождение, что ставит его вне системной государственности, даже если он временно овладевает государством (есть даже популярный мем «Уркаина»). На президентских выборах 2004 года донецкий клан и Кучма объединили свои усилия с целью продвижения Виктора Януковича на пост президента. Фактически донецкие, утвердив своего президента, претендовали на роль ядра антисистемы Украины. Части днепропетровского клана это не нравилось. Кураторы из США решили, что правильнее разыграть сценарий националистической «оранжевой» революции, поскольку не доверяли

донецким, и продвинуть Украину по пути массовой русофобии.

Поэтому и «донецкие», и «днепропетровские», столкнувшись с первым Майданом, не пошли на раскол Украины по национальному признаку в борьбе за полагавшуюся им власть и отдали её конкурентным силам во главе с Тимошенко и Ющенко. В чём логика их поведения? «Донецкие» были и хотели быть антисистемой, а не её ликвидаторами, поэтому уже спустя год Янукович и донецкие пошли на сговор с агентами США, допустив их в своё окружение через Анну Герман. Смысл сговора, который заключили донецкие с глобалистами и их агентами на Украине в лице Ющенко в 2006 году, состоял в следующем: Янукович обязуется проводить украинизацию и интеграцию с Западом в обмен на президентское кресло в 2010 году. Что и произошло в 2010–2013 гг. Янукович сел в президентское кресло и продол-

жил антирусскую политику. Тщетно Россия пыталась втянуть Януковича в евразийскую интеграцию, убедить легализовать русский язык в качестве государственного.

Русскому языку был присвоен статус регионального, или языка меньшинства. Языковая политика Партии регионов показывает направленность действий донецкой антисистемы по приданию большому русскому народу статуса меньшинства, подчиняющегося «малому народу» антисистемной псевдоэлиты. В Донецкой области, где вся власть всегда была подконтрольна Партии регионов — и при Ющенко, и при Януковиче, — русские школы были больше чем на 50% заменены на украинские. Украинизацию образования и культуры Донбасса, который всегда говорил только на русском языке, проводили донецкие, целенаправленно выполняя свои обязательства перед представителями глобальной

антисистемы, выкорчёвывая литературный русский язык. Донецкая («макеевская», по городу происхождения ключевого подразделения донецкого клана — Макеевке) администрация в Крыму в 2010–2013 гг. проводила жёсткую политическую украинизацию, борясь с местными элитами и подчиняя Крым Киеву.

Однако глобальная антисистема в лице администрации Обамы сыграла с «донецкими» не по правилам (это вообще отличительный признак антисистем): неожиданно быстро, не дожидаясь очередных президентских выборов 2015 года, она провела в Киеве второй Майдан и, опираясь на предательство главы администрации Януковича Лёвочкина и предательство вступивших с ним в сговор должностных лиц, блокировавших силовые структуры, свергла «донецких» с позиции ядра антисистемы.

Видимо, донецких решили убрать как плохо справляющихся со своей

миссией. В результате Майдана-2 в 2014 году **Украина продвинулась по пути превращения в массовую антисистему, ввела репрессивный антирусский режим — хунту Порошенко и перешла под прямое управление США.** Очевидно, что на ускоренное свержение Януковича и проведение очередного массового эксперимента с коллективным бессознательным украинцев на Майдане 2013–2014-х гг. повлияли события вне Украины, связанные с укреплением позиций России: поражение Болотной площади в Москве в первой половине 2012 года, поддержка режима Асада в Сирии со стороны России и Ирана; ускорение создания Евразийского союза. Донецкий клан оказался жертвой большой геополитической игры американских неоконсерваторов и либералов. Потерпев поражение, он частично вошел в состав киевской хунты в виде Оппозиционного блока, частично пошел на раздел Украины с созда-

нием буферных квазигосударств ДНР и ЛНР. Захват власти слабыми на тот момент прорусскими силами в Донецке и Луганске и проведение областных референдумов в апреле-мае 2014 года реализовались по команде руководителя донецкого клана Р. Ахметова, а также аналогичного ему вожака олигархии Луганской области А. Ефремова. В обмен на это они получили гарантии собственности на территории ЛДНР (которые, впрочем, частично «истекли» в 2016 году с введением внешнего управления республиками), а также вывоза продукции через железные дороги и порт Мариуполь (который остался в составе Украины) и финансовых транзакций в рамках украинской системы. Донецкая антисистема утратила политическую власть на Украине, контроль над большей частью Донбасса и крупными активами, многие из её деятелей оказались в эмиграции с сократившимися капиталом в неблагоприятном состо-

янии, в результате она переросла в ключевым игроком украинской антисистемы. После всего произошедшего антисистема донецкого клана заслуживает того, чтобы уйти в небытие и перестать подтачивать Русский мир изнутри.

Днепропетровская же антисистема сохранила свои позиции, отойдя в тень лидеров хунты Порошенко—Гройсмана, что говорит о том, что в перспективе реальным противником является именно она, а не хунта, взявшая на себя ответственность за всё произошедшее с 2014 года и набравшая штрафные очки перед администрацией Трампа, выступив против него во время выборов. Именно она, днепровская группа, имеет статус центральной, интегрирующей антисистему, — на фоне остальных региональных групп, представляющих собой мини-антисистемы: мэра Харькова Геннадия Кернеса и экс-главы облминистрации Михаила Добкина и министра внутренних дел

Арсена Авакова; одесские группы, закарпатскую (клан Виктора Балоги) и другие. **Устранение днепропетровского клана, наряду с донецким, будет означать устранение твёрдого стержня украинской антисистемы, прокладывающее путь к её краху. Прежде всего, её позиций в двух столицах Украины: Днепропетровске и Киеве. Украинско-днепропетровская страница русской истории должна быть окончательно перевернута.**

У антисистемы Украины есть особенности по сравнению с её российским аналогом. Первое и самое главное отличие — в независимой Украине нет и не было сколько-нибудь здоровой государственной олигархии, противостоящей антисистеме. Вся украинская олигархия, за редкими исключениями (Николай Азаров), относится к «малому народу»: и еврейские банкиры, и донецкие бандиты — всё это части антисистемы.

На Украине нет государства как самостоятельной системы со своей логикой, подобно тому, как это имеет место в России. В отличие от российских собратьев ядро украинской власти и не пытается рядиться в тогу государственников, радеющих о сохранении и укреплении страны. Украинская державность, которой присягают олигархи, это совсем не то, что российская государственность, за которой стоит вековой опыт бюрократии, самодержавного суверенитета и социалистической цивилизации. Державность Украины — это всего лишь антироссийская русофобия, хорошо или плохо закамуфлированная, а то и неприкрытая вовсе. Поэтому украинские олигархи могут делать с государством всё, что смогут, кроме одного — сдачи России. Они не привыкли к государственной нагрузке. Ещё одна особенность — патологическая продажность, привычка покупать и продавать всё. Не будь угрозы со стороны России, они бы продали на Украине всё. Третья особенность — извращённый глобализм и сервильная зависимость от Запада на правах

вольноотпущенника, управляющего хозяйством патриция. Газовый транзитный король Фирташ годами сидит в Австрии в ожидании суда и экстрадиции, Турчинов — пастор американской секты, Яценюк — агент США, Ющенко — муж американского агента и нацистки-неозычницы Екатерины Чумаченко. Антисистема Украины сильно децентрализована, но удивительно единодушна в одном — негативном отношении к России и русским.

Украина в нынешнем виде, как и 30 лет назад, вредна и опасна для России. Сосуществование с Украиной, порознь или вместе с ней, смертельно опасно в исторической перспективе. Украинское государство и нация — это механизм по перемалыванию России, функционирующий за счёт утилизации самих русских и ресурсов Русского мира.

Нынешняя Украина должна быть ликвидирована как страна, государство и экономика. Налаживание связей России с Украиной, которое осуществлялось в 1991–2014-е годы, не что иное, как укрепление украинской антисистемы. Между тем эта антисистема должна быть «снесена» полностью, включая всю её современную «элиту». Но это должно быть сделано аккуратно, в духе современности. Все стороны должны быть поставлены перед фактом исторического конца Украины. Они должны проснуться в новой реальности. Для этого необходим революционный подход.

Механизмом такого «сноса» может стать ликвидация финансовой, экономической, государственной и культурной базы украинского проекта путём превращения его в невыгодный, крайне обременительный и опасный для его участников, прежде всего для верхушки в лице антисистемы.

Украинская этничность, склонная к преобразованию в нацию за счёт русских, должна быть демобилизована, обезврежена, загнана на свою древнюю территорию, лишена своего жала в виде военизированного государственного фашизма. Пока мы не сломаем машину конфликта,

пытаясь замаскировать её, она будет работать. Попытка вылечить, реинкарнировать дух Украины, гололевского «Вия», ради дружбы народов, ради несуществующего единства будет означать открывание век, заигрывание с Молохом как приглашение его к столу. Русские не смогут запретить украинцам строить нацию, но они могут локализовать её, значительно сократив ущерб и перестроив правила игры.

Раздел Украины и очистка по частям — единственный разумный волевой выбор. Русские регионы юго-востока и часть левого бережного центра должны образовать федерацию республик в союзе с Россией под названием «Новороссия — Малороссия», которая объявит себя правопреемницей УССР и Украины. Данные территории должны быть полностью очищены от современного украинского проекта, олигархические состояния частично национализированы. Украина рассеется там как страшный сон. В целом Украина сохранится как гуманитарное пространство в форме конфедерации. Центр украинской конфедерации останется в Киеве, но Киев утратит роль привлекательной столицы, финансового центра и национального проекта, начнётся отток населения в регионы. В итоге Киев вернётся к раннему советскому состоянию. Желательный режим управления Киевом — особая открытая зона под совместным контролем Новороссии и центра-запада с назначением администрации. Без юго-востока центр и запад Украины утратят возможность к поддержанию экономики и государства, потеряют инициативность, погрузятся в депрессию. Но Россия должна продолжить борьбу за центр и запад путём создания и поддержки различных партий и сил, отождествляющих себя с Русским миром и его ценностями. Потеряв критическую массу, украинский реактор антисистемы будет обезврежен. Данный сценарий вероятен уже в ближайшие 10 лет во время следующего обострения украинского кризиса.

/ Виталий ДАРЕНСКИЙ /

Иллюстрации: Сальвадор Дали

Как «утилизировать» русофобскую антисистему?

Особенностью России и других стран Русского мира является то, что в них проживает огромная масса людей, настроенных враждебно по отношению к своей большой Родине, поскольку их «идеалом» является западная цивилизация — точнее, в современную эпоху «идеалом» стало «потребительское общество» всех стран так называемого «золотого миллиарда». Эта враждебность проявляется в распространении сначала среди интеллигенции XIX в., а позднее уже и среди самых широких слоёв населения системы крайне негативных взглядов на историю, государственность и культуру России, основанных на невежестве и сознательной вражде. Эта идеология русофобии

является целой индустрией «промывки мозгов», частично финансируемой из-за рубежа, но затем уже являющейся и результатом собственной инициативы людей, работающих в российской системе образования и СМИ, т. к. русофобские взгляды укоренились среди части населения и даже считаются в определённой среде необходимым признаком «продвинутости».

В. Махнач в работе «Антисистемы в России» отмечал: «Антисистемное мировоззрение первым наилучшим образом описал Достоевский в строках о Герцене в Дневнике писателя за 1873 год. «К русскому народу они питали одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего»... мы видим в России

не только негативное отношение к правительству и правящей элите, к сложившейся системе власти. Мы видим устойчиво негативное восприятие национальной традиции, национального уклада... Видим презрение к нации... разрушению подвергается уже не элитарная среда, а средние слои общества, которые и являются несомненным фундаментом, опорой любого общества, следовательно, и любого этноса».

Причиной распространения русофобской идеологии является не только невежество людей относительно реальной русской истории и культуры, что позволяет легко внушать им какие угодно взгляды, но в первую очередь особое духовное состояние народа, при котором он и не хочет знать ничего позитивного о своей Родине, поскольку его «идеал» — «потребительское общество». (А оно, хотя частично уже развито и в России, но в силу объективных причин не может, к счастью, достичь здесь своего полного господства.) Но именно это обстоятельство, трактуемое такими людьми как якобы «вечная отсталость» России, и является главной причиной распространения русофобии и как особого психологического настроя, и как целой идеологической системы взглядов. Очевидно, что жизнеспособность России как государства фундаментально зависит от успеха борьбы с русофобией, с её распространением не только среди наёмных лжецов либо «честно заблуждающихся» из числа «интеллектуалов», но и на уровне массового, легко манипулируемого сознания. Но одни лишь просветительские усилия в этом направлении сами по себе малоэффективны не только в силу падения общего культурного уровня людей (это общемировая, а не только российская тенденция), но, прежде всего, в силу того нездорового духовного состояния, которое делает людей неспособными ни к пониманию своей Родины, ни, уже как следствие этого, к подлинному патриотизму. Побороть деструктивную идеологию, какой является русофобия, можно, только показав низость и примитивность лежащего в основе её базового смысла. В свою очередь, придать большую силу и убедительность патриотической системе взглядов можно не только просветительством, но и ещё более фундаментальным путём — сделать лежащий в её основе базовый смысл всё более ясным и отчётливым, глубоко охваченным жизненной рефлексией человека и отвечающим на его жизненные вопросы.

Эта низость и примитивность базового экзистенциального смысла русофобии как общего мировоззрения российской «антисистемы» состоит в гедонистически-эгоистическом от-

Жизнеспособность России как государства фундаментально зависит от успеха борьбы с русофобией, с её распространением не только среди наёмных лжецов либо «честно заблуждающихся» из числа «интеллектуалов», но и на уровне массового, легко манипулируемого сознания. Побороть деструктивную идеологию, какой является русофобия, можно, только показав низость и примитивность лежащего в основе её базового смысла.

ношении к жизни и соответствующем мировоззрении. Оно приводит к тому, что Россия становится предметом ненависти именно как страна, которая не может обеспечить такому гедонисту-эгоисту максимальный комфорт жизни. Но если чётко и настойчиво формулировать этот низменный и примитивный базовый смысл русофобии, то очень многие из тех, кто стал русофобом под чьим-то дурным влиянием, излечатся от этой болезни духа, так как такой смысл им тоже отвратителен. Ведь на массовом уровне русофобия, как правило, является результатом внушения и пропаганды, и такие люди просто не осознают её смысловых оснований. Их просто нужно чётко указать.

Соответственно, нужно столь же чётко и настойчиво формулировать базовый смысл русского патриотизма, который состоит в понимании жизни как усилия созидания, даже подвига, которые возможны ради Родины, но отнюдь не ради своего ничтожного эго. (Ради эго, то есть ради личной корысти и комфорта, подвиг невозможен в принципе; но именно ради эго совершаются все подлости, предательства и прочие злодеяния.) Русская история в целом всегда была не просто трудной, но даже страдальческой и трагической — но именно поэтому человек, воспринимающий жизнь как подвиг, а не развлечение и погоню за комфортом, всегда чувствует её кровно своей, и поэтому всей душой жаждет приобщиться к ней и к народу, который свершил подвиг такой величественной и тяжкой истории. Но для человека с гедонистически-эгоистическим отношением к жизни, требующим от неё только комфорта и корысти, русская история всегда будет казаться страшной и непонятной; естественно, никакого подвига он в ней не увидит, потому что просто духовно не способен увидеть его — и никакими фактами его не переубедишь. Но можно *остановить агрессию этого вируса слепоты.*

Русофобия, ныне маскирующаяся под так называемый «русский либерализм», является следствием обвальной личностной деградации — перехода от жертвенно-героического, творческого и соборного понимания свободы, имеющего христианские основы, к эгоцентрическому, потребительско-гедонистическому пониманию, основанному на разрушении нравственного сознания как такового. Это деградация души от этоса служения и органического «жизненного мира» к антиэтосу конкуренции (тщеславия) и распадения (маргинализации) «жизненного мира», и отсюда — к «всегдашней либеральной службе — унижению России» (В. Крупин).

Русофобия, рассчитанная на невежество обрабатываемых ею людей, всегда была и остаётся грязным инструментом духовной оккупации России западной цивилизацией с целью эксплуатации её ресурсов и устранения её как геополитического конкурента. При этом Запад всегда пользуется методом активной идеологической,

политической и финансовой поддержки носителей «антисистемной» идеологии с целью внутреннего ослабления, дезориентации и разрушения народа и страны. Стратегия Запада понятна и естественна — он всегда так относился и всегда будет так относиться ко всему остальному миру и за счёт этого «процветать». Цивилизация, в которой «высшими» (псевдо) ценностями стали корысть, нажива и эгоизм, — никакой другой быть и не может. **Исток извечной русофобии Запада состоит в том, что Россия стала первой в истории страной, которую Запад пытался сделать своей колонией, но это у него не получилось.**

Из всех стран мира Россия в XX веке трижды подвергалась агрессии и грабежу со стороны Запада: сначала путём организации революции и Гражданской войны, затем через агрессию объединённой Европы во главе с Гитлером, затем после 1991 года, — когда Россия была в очередной раз разграблена и выброшена в болото стран третьего мира, которые вообще не могут развиваться в принципе, поскольку их экономика полностью контролируется Западом, высасывающим из них всю реальную прибыль и ресурсы через глобальную банковскую систему. **Совершенно абсурдно сравнивать «благополучие» грабителя (Запад) и ограбленных им людей (весь остальной мир).** (А когда Россия стала возрождаться и выходить из третьего мира, Запад вновь, естественно, всячески старается этому помешать.) Однако это, казалось бы, элементарное знание миросистемного анализа оказывается совершенно недоступным уму русофобов, мнящих себя «интеллектуалами». В этом проявляется их «негативное мироощущение» — «отношение к материальному миру, выражающееся в стремлении к упрощению систем» (Л. Н. Гумилёв). В силу «упрощённого», примитивного восприятия мировых процессов, понять оные им не дано. Именно на этом уровне уже крайне необходимы просветительские усилия, без которых люди остаются просто дезориентированными собственным невежеством.

Русофобы, на поверхности апеллирующие к «свободе» мнений и всего остального (т.е. «реабилитируя» все виды греха и человеческой деградации, вплоть до содомии), в реальности являются носителями идеологии нового тоталитаризма и агентами его становления в тех странах, которые ещё не полностью подконтрольны Западу и пытаются развиваться самостоятельно¹. И самой неприятной и неудобной для них в этом

¹ Пугачёв В.П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию. // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 4.

отношении является именно Россия как страна, имеющая такой культурный «код», который способен очень эффективно сопротивляться духовной экспансии и обеспечивать быстрое возрождение страны после исторических катастроф.

Российский социум имеет своеобразный *бисистемный* характер — он не только интегрирован как целостность, но и постоянно находится под воздействием извне, пытающимся лишить его самостоятельности. И часть российского социума во все времена стремится не к внутренней системной интеграции со своим народом, а лишь к *внешней интеграции* в систему западного мира. Эта бисистемность впервые проявилась ещё во времена св. Александра Невского, подвиг которого состоял не только в победах над внешними агрессорами, но и в ликвидации внутренней оппозиции прозападного боярства, стремившихся интегрировать новгородские земли в европейское сообщество в статусе полуколониальной периферии (этот статус их вполне устраивал как *иносистемную* группу в русском социуме). Эта коллизия, впервые правильно разрешённая св. Александром, стала затем, к сожалению, «парадигмальной» для всей дальнейшей российской истории. В полной мере она разыгрывается и в настоящее время.

Эта имманентная бисистемность российского социума обусловлена тем, что наличие в нём антисистемы неизбежно и объективно задано «сращенностью» с суперэтнотом Запада. Здесь чётко проявляется закон, сформулированный Л.Н. Гумилёвым: *«При совмещении двух суперэтнотомов, когда в зоне контакта возникает этническая химера, антисистемы развиваются со страшной силой... Для появления устойчивой антисистемы необходимы два параметра: упадок, например момент перехода из фазы в фазу местного этногенеза, и внедрение чужого этноса... Совмещаясь, они порождают антисистему, явление побочное, возникающее помимо воли участников»*². При этом *«антисистема подобна популяции бактерий или инфузорий в организме: распространяясь по внутренним органам человека или животного, бактерии приводят его к смерти... Это значит, что соотношение между этносом и химерой такое же, как между организмом и раковой опухолью... Подобно опухоли, химерная антисистема (химеры бывают и безвредными, т.е. пассивными) высасывает из этноса или суперэтнотом средства для поддержания существования, используя принцип лжи»*³.

Главная основа самого бытия России в истории — способность к нравственному подвигу и, если нужно, самопожертвованию — оказывается одновременно и самой мощной побудительной силой к великим деяниям (отсюда мощь государства и самого народного «организма»), и самым хрупким и уязвимым для внешних воздействий основанием, поскольку предполагает постоянное *свободное воспроизведение* этой способности к нравственному усилию, ничем не поддерживаемой, кроме христианской совести и примера великих предков. И стоит кому-либо соблазнить русских идеей погони за одним лишь земным благополучием и комфортом, подменить подвиг и нравственное усилие — компромиссами эгоистических «интересов» и т.д., как вся эта внешняя мощь окажется бесполезной и бессильной, и Россия начинает разрушаться нравственно и физически.

В настоящий момент, пользуясь терминологией Л.Н. Гумилёва, можно констатировать, что, несмотря на явные признаки возрождения, российский суперэтнотом в целом продолжает находиться в «мемориальной фазе» — т.е. в состоянии «после фазы обскурации, когда отдельными его представителями сохраняется культурная традиция». При этом сохраняется опасность нового «сваливания» в «фазу обскурации» — *«снижение пассионарного напряжения ниже уровня гомеостаза, сопровождающееся либо исчезновением этноса как системы, либо превращением его в реликт»*. Я не разделяю мистическую гипотезу Л.Н. Гумилёва о том, что пассионарность возникает в результате воздействия некоего энергетического потока из космоса на определённый регион земной поверхности. Объективный исторический факт существования разных уровней пассионарности у разных этносов в разные периоды истории хорошо объясним по модели «вызова-и-ответа» Тойнби. Объективно данная антисистема в рамках российского социума вследствие его не просто глубокого контакта, но даже «сращенности» с суперэтнотом Запада является исторической константой существования России и тем перманентным внутренним Вызовом, который может как разрушить её изнутри, так и постоянно получать мощный Ответ — повышение внутренней пассионарности здоровой части народа. В качестве Ответа на хамство Антисистемы народ консолидируется в процессе «аттрактив-

² Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 472–473

³ Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 464, 471

Идея «вытолкнуть антисистемщиков в социальные низы» удивляет своей утопичностью и наивностью. Это «антисистемщики», всегда организованные в «мафию», — самые большие специалисты в том, чтобы «выталкивать в социальные низы» всех остальных. Иван Грозный в своё время нашёл радикальный Ответ на это — создал свою «мафию» против Антисистемы — опричнину. Но теперь «опричнина» может выглядеть иначе.

ности» — «влечение к абстрактным ценностям истины, красоты и справедливости», которое «всегда основано на искренности» (Л.Н. Гумилёв), в отличие от модели консолидации социальной антисистемы, которая всегда основана на русофобской лжи и ненависти.

Русская социальная модель, способная противостоять Антисистеме, объективно должна быть такой: **это «непотребительское общество», в целом основанное на доминировании духовно-нравственных ценностей над материальными, с особым отношением к государству как гаранту существования народа в условиях внешней и внутренней русофобии, с необходимостью постоянных усилий по возрождению жизнеспособности народа вопреки деструктивным воздействиям современной цивилизации и возрождению исторического самосознания народа вопреки деструктивному и целенаправленному воздействию русофобской пропаганды.**

Поэтому бесполезно искать «рецепты излечения от антисистемы». Так, В. Махнач писал: *«Рецептов излечения от антисистемы нет. Все известные исторические антисистемы были уничтожены путём поголовного истребления их представителей», но «современное общество... не согласится на поголовное истребление антисистемщиков... Тогда остаётся только одно: обществу необходимо осознать постоянную угрозу деструкторов и маргинализировать их. Вытолкнуть их в социальные низы. Причём это не может сделать государство, даже в лице выборных представителей, это не может сделать судебная система. Маргинализировать деструкторов... может только общество в целом... человек, опасный для культуры, для общества, не может*

рассчитывать на что-либо иное, чем самый непрестижный, тяжёлый и низкооплачиваемый труд»⁴. Эта идея «вытолкнуть их в социальные низы» удивляет своей утопичностью и наивностью. Это «антисистемщики», всегда организованные в «мафию», — самые большие специалисты в том, чтобы «выталкивать в социальные низы» всех остальных. Иван Грозный в своё время нашёл радикальный Ответ на это — создал свою «мафию» против Антисистемы — опричнину. Но теперь «опричнина» может выглядеть иначе.

Нужно воспользоваться теми реальными механизмами и структурами современного общества, которые реально существуют и работают, но использовать их для иных целей. Современное государство во всём мире — и на Западе, и на Востоке, и в России — является *скрытым неокастовым государством-корпорацией*. Внешние «демократические процедуры» созданы для профанов и на самом деле не имеют никакого отношения к реальному перераспределению власти и отбору государственных кадров. И на Западе, и в России этот факт тщательно маскируется мощной пропагандистской машиной и «системой образования», внушающими населению, что оно якобы живёт при «демократии» и «равенстве прав». Хорошо это или плохо, в данном случае уже не важно, а важно следующее: раз это так, то именно в рамках этого объективно существующего механизма и нужно действовать, а не тратить силы впустую, пытаясь его заменить на «подлинную демократию», которая в реальности существовала лишь в трактатах Аристотеля и в русской крестьянской общине. То есть **нужно перехватить механизм отбора и рекрутирования кадров у русофобской олигархии**. Собственно, это и так фактически уже происходит усилиями президентской «вертикали власти», но происходит далеко не в такой степени, которая необходима для устойчивого возрождения России.

Здесь крайне необходима встречная инициатива патриотической части общества — только она может предложить государству встречный проект отбора «государевых людей» — тех, кто станет эффективным противовесом русофобской нёруси, с 1990-х оккупировавшей госаппарат. Здесь не место вникать в детали того, как это делается, — просто следует изучить наш богатый исторический опыт. В конечном счёте всё решает различие двух принципов отбора и рекрутирования государственных кадров,

⁴ Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 464, 471

которые можно назвать «принципом Цицерона» и «принципом Цинцинната».

Люций Квинций Цинциннат — легендарный римский земледelec, назначенный в 458 г. диктатором; послы, явившиеся к нему с известием об этом назначении, застали его в поле за плугом; одержав блистательную победу над врагами, Цинциннат вернулся с богатой добычей в Рим, где ему был присуждён триумф, после чего он возвратился к своему плугу.

Принцип Цицерона (амбициозного оратора) — это отбор «общественных активистов», то есть, по сути, карьеристов, которые в любой момент перейдут на сторону врага, если получат от него более выгодное предложение.

С 1960-х в СССР в партноменклатуру стали брать комсомольских «активистов» — горбачёвское поколение, — которое и уничтожило страну. До этого в номенклатуру рекрутировали «производственников», которые никогда и немышляли ни о какой карьере, а тем более о партийных должностях, а просто честно вкалывали на своём рабочем месте. В результате получили самый лучший в мире управленческий аппарат, неподкупный и невероятно работоспособный, без которого бы мы не выиграли войну. И. Сталин говорил, что работа наркома — это «мужичья работа», и искал для неё классических работающих «мужиков». Это «принцип Цинцинната». Если его удастся реализовать снова, Россия будет непоколебима в любых испытаниях.

Для нужд публичной идеологии, служащей укреплению русской государственности, вполне могут быть адаптированы даже привычные западные понятия, в том числе и понятие «демократии», по известным причинам весьма дискредитировавшее себя в России. Например, может быть введена такая типология демократии и типов обществ, которая вообще разрушает все основы западной идеологической пропаганды:

Общества:

паразитарное («золотой миллиард») — подчинённое (третий мир) — суверенное (Россия)

«Демократия»:

имитационная («золотой миллиард») — манипулятивная (третий мир) — мобилизационная (Россия)

Но простых «адаптаций» здесь недостаточно, и для российской науки является крайне важным создание собственной, русской политической теории, объясняющей специфику российской государственности. Российская политическая наука должна выработать свой собственный понятийный аппарат, свой суверенный дискурс и свою систему интерпретации всех базовых

ых политико-философских категорий. В богатой истории русской классической политической философии — от Карамзина до Панарина — эта работа уже фактически сделана, и в настоящее время она только требует систематизации и популяризации. **Нам нужен хорошо организованный русский «интеллектуальный спецназ».** Крайне необходимо создание своего сегмента в рамках системы учебных заведений — Русского университета в Москве (с филиалами по стране) и русских гимназий, которые бы имели особый подбор кадров, способных воспитывать русское мировоззрение и давать соответствующую систему гуманитарных знаний. Ведь антисистема уже давным-давно имеет свой сегмент — Высшую школу экономики, РГГУ и массу других вузов, целенаправленно воспитывающих русофобов.

На нашей стороне тот факт, что представители «антисистемы» по их «антиценностям» — это явные субпассионарии, т.е. «особи, пассионарный импульс которых меньше импульса инстинкта самосохранения». И залог нашей победы состоит в том, что и русофобский «либерализм» разрушителен не только по отношению к России — но он ещё более разрушителен и по отношению к самим своим адептам, быстро доводя их до полной моральной и интеллектуальной деградации и полной исторической импотенции.

/ Алексей КОМОГОРЦЕВ /

Подъём России- в «длинных» стратегиях

В 2017 году в издательстве Студии Артемия Лебедева вышло четвёртое издание книги доцента кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, кандидата экономических наук А. П. Прохорова «Русская модель управления». Эту довольно необычную работу, переведённую в 2008 году на английский язык Московской школой управления «Сколково», некоторые рецен-

зенты уже успели окрестить программной книгой, раскрывающей специфику национальной модели управления. Используя множество исторических примеров, Прохоров показывает, что в России на протяжении многих веков функционирует одна и та же модель управления, на которой никак не сказываются внутренние социально-политические перемены. Автор называет такую модель управления «**маятниковой**», различая в ней стабильные

(застойные) и нестабильные (кризисно-мобилизационные) периоды развития.

Анализируя особенности системы управления, задействованной в процессе беспрецедентной по масштабам и темпам эвакуации промышленности в восточные районы СССР в 1941 году, Прохоров выделяет три главных фактора, обеспечивающих высокую результативность русской модели управления на протяжении всей российской истории:

- мобилизацию и перераспределение ресурсов на ключевые направления;
- создание централизованных контрольных (а при необходимости и контрольно-репрессивных) структур;
- автономность низовых подразделений.

Несомненным преимуществом русской модели управления Прохоров называет раннее распознавание преимуществ, способствующее оперативному перераспределению ресурсов между отраслями, что обеспечивает максимально эффективное развитие наиболее важных на тот момент организаций. Фактически автор подводит читателя к выводу, что механизм централизованного перераспределения является эффективной русской альтернативой западной конкуренции, оговаривая, что конкурентные отношения всё же присутствуют в русской модели управления, но активизируются лишь в нестабильной (кризисной) фазе управления. В первую очередь это касается отношений между отдельными кластерами (низовыми социальными, военными и производственными ячейками: общинами, артелями, бригадами, подразделениями и т.п.), которые в кризисные периоды приобретают ярко выраженный конкурентный характер, тогда как отношения между людьми внутри отдельного кластера продолжают носить преимущественно неконкурентный характер.

Следует подчеркнуть, что русская модель управления достигает впечатляющих результатов исключительно в мобилизационном режиме, требующем сосредоточения всех ресурсов системы для достижения единой цели и предотвращения катастрофических последствий невыполнения поставленной задачи. Наличие такой реальной и ощутимой угрозы (как внешней,

Стабильные периоды русского развития можно охарактеризовать не только как сугубо «застойные», но также как временные отрезки, необходимые для освоения и закрепления результатов предыдущего «длинного» проектного рывка, во время которых происходит постепенное (подспудное) вызревание очередного сегмента русского «длинного» проекта.

так и внутренней) является ещё одним обязательным условием полноценной мобилизации кластерных единиц и необходимым гарантом высокой эффективности их действий. Такого рода мобилизация возможна только при условии существования жёстко централизованной вертикали государственной власти, выступающей в качестве субъекта управления верхнего уровня и играющей главную организационную роль в рамках русской модели управления¹.

Окончательный вывод, который, к сожалению, так и не делает автор, состоит в том, что русская модель управления неразрывно связана с реализацией долгосрочных («длинных») проектно-мобилизационных стратегий, будь то освоение Сибири или покорение космического пространства, которое может восприниматься как часть единого «длинного» проекта русской цивилизации. В указанном контексте стабильные периоды можно охарактеризовать не только как сугубо «застойные», но также как временные отрезки, необходимые для освоения и закрепления результатов предыдущего «длинного» проектного рывка, во время которых происходит постепенное (подспудное) вызревание очередного сегмента русского «длинного» проекта, дополнительно стимулируемого вызовами кризис-

ного порядка (войны, социальные потрясения и т.п.). В такой оптике, как подчёркивает предприниматель и философ С.В. Кугушев, «тоталитарная» структура российской власти оказывается обратной стороной русского проектного мышления, поскольку осуществление любого «длинного» проекта требует жесточайшей дисциплины и чёткого согласования действий всех его исполнителей².

О механизмах практического воплощения подобной «длинной» проектности даёт представление история **Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС)**, созданной в 1915 году под руководством учёного, мыслителя и организатора науки академика В.И. Вернадского. В 1930 году на основе объединения КЕПС и Комиссии экспедиционных исследований АН СССР был создан **Совет по изучению производительных сил (СОПС)**, к которому перешла роль главного «мозгового центра» сталинского СССР. Именно СОПС подготовил планы индустриализации СССР, а также совместно с Генеральным штабом разрабатывал эвакуационные планы, успешно реализованные в начале Великой Отечественной войны, а также участвовал в реализации ключевых военно-промышленных программ послевоенного СССР³.

¹ Наибольшую эффективность и феноменальную результативность русская модель управления демонстрирует в кризисных условиях (войны, социальные потрясения). Прохоров констатирует, что, являясь неэффективной в кратко- и среднесрочном плане (отсутствие нацеленности на минимизацию затрат для достижения максимальных результатов, неоптимальное выполнение управленческих решений и т.п.), с долговременной точки зрения такая модель управления вполне эффективна, так как чудовищные затраты в конце концов компенсируются впечатляющими результатами.

² Кугушев С. Уолл-стрит на службе у российского хай-тека // «Эксперт», № 1–2, 2000, с. 78.

³ История Совета по изучению производительных сил // URL: <http://www.sops.ru/sops/istoriya/>

Возникновение КЕПС было связано с настоятельной необходимостью коренной реорганизации промышленности и обеспечением роста военного производства в условиях Первой мировой войны. Вся основная деятельность КЕПС была сосредоточена на решении неотложных оборонных задач российского государства. Наиболее плотные контакты Комиссия установила с Военным и Морским министерствами; это позволяло ей оперативно решать научно-технические проблемы, продиктованные потребностями обороны. Также в годы Первой мировой войны КЕПС выполнялись специальные поручения Управления и канцелярии верховного начальника санитарной и эвакуационной части⁴.

Отличительной особенностью работы Комиссии являлся комплексный подход к изучению естественных производительных сил. Фактически деятельность Комиссии привела к созданию нового междисциплинарного знания, что впоследствии дало новый импульс развитию страны. О масштабах её деятельности наглядно свидетельствует то, что уже в 1916 году в составе КЕПС были представлены десять научных и научно-технических обществ и пять министерств, а в её работе участвовали многие выдающиеся учёные, представлявшие все отрасли естественных и технических наук⁵.

Одно из центральных мест в деятельности КЕПС занимали проблемы организации науки. В конце декабря 1916 года Вернадский представил в КЕПС доклад «О государственной сети исследовательских институтов». По мнению Вернадского, опыт первых двух лет войны продемонстрировал, что существующая форма организации науки и её взаимодействия с производством не позволяет решить насущные задачи развития

промышленности. Для обеспечения технико-экономической независимости страны необходимо широкое развитие исследовательских институтов прикладного, теоретического или специального характера⁶.

Следует отметить, что большинство предложений членов КЕПС, касающихся координации исследований, повышения роли вузов в научном потенциале страны, обеспечения правильного взаимоотношения между наукой, техникой и промышленностью, рационального размещения институтов на территории России, были существенным образом реализованы только в годы советской власти⁷.

После Октябрьской революции 1917 года КЕПС существенно расширяет сферу деятельности, обеспечивая имеющую первостепенное значение стратегическую преемственность основных научных школ страны в непростой переходный период. Новая власть, со своей стороны, последовательно и твёрдо демонстрирует заинтересованность и политическую волю в деле модернизации страны. Технократы, в течение долгих лет не имевшие возможности воплотить свои идеи в жизнь из-за косности российской административной системы, наконец-то получили свой шанс. Уже весной 1918 года КЕПС разработала программу научного обеспечения первоочередных нужд нового государства, затем приняла участие в разработке плана и механизмов ГОЭЛРО, восстановлении разрушенного после Гражданской войны хозяйства и организации первого пятилетнего плана. Успешная реализация этих задач доказала высокую эффективность системы государственного планирования в условиях жёстко централизованной власти и предопределила развитие этой системы на долгие десятилетия.

21 августа 1923 года на базе КЕПС и Государственной комиссии по электрификации России создаётся Государственная комиссия СССР по планированию при Совете труда и обороны СССР при Совете народных комиссаров СССР (Госплан СССР), которая с 1925 года начала формировать годовые планы развития народного хозяйства СССР. По мере развёртывания советской индустрии от КЕПС «отпочковалось» шестнадцать исследовательских институтов. В 1930–1950-е годы Комиссией, преобразованной в Совет по изучению производительных сил, было организовано одновременно около 100 комплексных научных экспедиций по мобилизации ресурсов страны, совершенствованию размещения производительных сил и приведению энергетики регионов в соответствие с запросами оборонной промышленности.

Главным результатом работы КЕПС начиная с самого момента её создания стало понимание роли транспортно-инфраструктурной связности в индустриальной конкуренции мировых держав. Описание индустриальных ресурсов России, являвшееся одной из первоочередных задач КЕПС, вылилось в создание масштабной экономической стратегии, ключевую роль в которой играли не сами природные ресурсы, хотя им и уделялось большое внимание, а их связывание через опережающее развитие инфраструктурной компоненты. В процессе работы Комиссии выяснилось, что **размеры страны превратились из ресурса в потенциальную слабость**, так что и период индустриализации, и последующие десятилетия советской истории прошли под знаком борьбы с инфраструктурной недостаточностью⁸.

⁴ Кольцов А.В. Деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1999, № 2, с.128–139.

⁵ Отчёт о деятельности Императорской Академии наук по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1916 г. Пг., 1916.

⁶ Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Очерки и речи академика В.И. Вернадского. Пг., 1922, с. 140.

⁷ Кольцов А.В. Деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 гг.

⁸ Переслегин С. Ресурсы Будущего // Российское экспертное обозрение, № 1 (24), 2008 // URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1202250360>

К сожалению, необходимым условием осуществления комплексной программы индустриализации России, разрабатываемой КЕПС, оказались революционные потрясения. К 1916 году некоторым наиболее трезвомыслящим представителям российской элиты стало очевидно, что текущая административная система по тем или иным причинам не заинтересована в структурной перестройке экономики страны. Во многом окончательному и принципиальному пониманию этого обстоятельства способствовали выводы КЕПС. Публицист, историк и футуролог Сергей Переслегин предполагает, что в сложившихся условиях определёнными кругами русского Генерального штаба была сделана сознательная ставка на большевиков, которые фактически произвели массовое ограбление правящих кругов страны во имя ускоренной индустриализации. В пользу своей

версии Переслегин приводит необычайно высокий процент генштабистов, оказавшихся на стороне Красной армии во время Гражданской войны. К концу 1918 года высшая штабная элита занимает ведущие должности во всей структуре военного управления Красной армии⁹.

В этом смысле весьма показательно отношение председателя КЕПС академика Вернадского к советской власти, зафиксированное в его дневниковых записях периода Гражданской войны.

14. XII.1920: «Я всё-таки думаю, что важен масштаб совершающегося процесса, и в этом смысле идейная сила большевизма, по его влиянию и размаху, несравнима с идейным содержанием Д[обровольческой] А[рмии], в общем, тусклым и бледным, с её реставрационной идеологией среднего её сторонника».

31. XII.1919/13. I.1920: «Большевики всё-таки сейчас так или иначе восстанавливают Россию».

16. I.1920: «Я думаю, интересы и спасение России сейчас в победе большевизма на Западе и в Азии. Необходимо ослабление «союзников»»¹⁰.

Как следует из дневников последующего периода, Вернадский довольно критично относился к советской власти, и это свое скептическое отношение он сохранил на протяжении всей жизни. Наряду с тем он отдавал ей должное, понимая, что именно благодаря советской власти в стране была разбужена мощная социальная энергия, немалая часть которой направлена на развитие науки и промышленности.

Следующая весьма красноречивая запись из дневников Вернадского как нельзя лучше характеризует процессы, происходившие в стране в 1930-х годах.

05. III.1932: «И.И. Гинзбург — с ним долгий разговор о воде, условиях работы. ГПУ высшие <чины> лучше; они, когда узнают, жёстко расправляются со своими — железная дисциплина —

⁹ Переслегин С. Секретное оружие элит. Революция как элемент управления. — Опубликовано в журнале «Солдаты России», № 9–10 (сентябрь 2009) под псевдонимом Х. Селдон.

¹⁰ АРАН. Ф. 518. Оп. 2. Д. 11. Л. 51 об. — 91 об. (автограф; чернила, карандаш).

**Главной причиной крушения Советского проекта
явился отказ некоторой «решающей» части
политической элиты от долгосрочных стратегий,
призванных воплотить «в металле» идеалы
космического масштаба в пользу сиюминутных
«ценностей» общества потребления. Советская
партийная номенклатура и, что немаловажно,
руководство спецслужб СССР с поразительной
пунктуальностью воспроизвели закатный сценарий
Российской империи, «по-стахановски» уложившись
в куда более скромный отрезок времени.**

много <таких> арестованных всегда — от 1% всех. Сознают ненормальность. Проведение силой — культурная работа: обучение ремёслам, просвещение и т[ому] н[одобное]. Всё из противоречий. Нет возможности набрать людей для работы на севере в тяжёлых условиях, иначе как силой»¹¹.

Сделав непростой и одновременно провиденциальный выбор в пользу советской власти, здоровая часть русской элиты шла на колоссальный риск, прекрасно осознавая, что на кону стоит, с одной стороны, вопрос о её физическом существовании, а с другой — острейшая проблема форсированного развития инфраструктуры России, без которого страна очень быстро превратится в полуколонию турецкого типа. История показывает, что подобная фундаментальная перестройка экономики всегда сопровождается неизбежными человеческими жертвами, и нет никаких оснований считать, что в ходе революции и индустриализации Россия потеряла больший процент населения, чем, например, Англия в ходе растянувшегося на два столетия промышленного переворота. Как бы то ни было, инфраструктурная революция, осуществлённая большевиками при деятельной поддержке

и участия научной элиты России, привела к тому, что уже к концу 1930-х годов мы превратились в сильную в военно-индустриальном отношении державу, способную выстоять в горниле очередной мировой войны.

Параллельно с указанными конструктивными процессами в среде высшей советской номенклатуры подспудно аккумулировались антисистемные тенденции, направленные на отказ от «длинных» проектно-мобилизационных стратегий. А. Лазарев в статье «СССР — как общество «длинных стратегий»» пишет: «По мере роста стабильности и накопления общественного богатства сторонники длинных стратегий были не то чтобы отброшены, но «мягко отодвинуты» теми, кто имел более оптимальные для существующей ситуации способы организации своей деятельности. Именно это явление обычно и трактуется как «переворот» и связывается с неким заговором советской элиты против... ну если честно, то получается, что против самой себя. Поэтому это никакой не заговор — а совершенно иное, крайне закономерное и абсолютно логичное явление, причём протекающее в течение достаточно длительного времени. В первой половине 1950 годов «короткие стратегии» победили в высших

сферах власти — а точнее, одержали полную победу, поскольку своё движение в данную сферу «короткостратегички» начали ещё лет на двадцать раньше. Однако в «массовом руководстве» этот процесс стал актуальным лет через десять — пятнадцать. И лишь к первой половине 1970-х годов можно стало говорить о полном переходе советского общества к «нормальному состоянию» — то есть к катастрофе»¹².

Таким образом, главной причиной крушения Советского проекта явился отказ некоторой «решающей» части советской политической элиты от долгосрочных стратегий, призванных воплотить «в металле» идеалы космического масштаба (о практической достижимости таких идеалов наглядно свидетельствует опыт С.П. Королёва¹³) в пользу сиюминутных «ценностей» общества потребления. Советская партийная номенклатура и, что немаловажно, руководство спецслужб СССР с поразительной пунктуальностью воспроизвели закатный сценарий Российской империи, «по-стахановски» уложившись в куда более скромный отрезок времени («Не изнемог в бою Орёл Двуглавый, а жутко, унижительно издох» — Г. Иванов). За отказ государства в лице его руководящей элиты от заявленной ею во всеулышание роли последовательного проводника высших исторических смыслов общество расплатилось закономерным и катастрофическим распадом теперь уже Красной империи.

В настоящий момент на фоне обострившегося внешнеполитического противостояния, продемонстрировавшего настоящее отношение Большого Запада к России, и роста внутренних антисистемных угроз у российской элиты появилась возможность выбора, от которого зависят перспективы дальнейшего существования российской государственности. Этот выбор связан с возможностью **возвращения**

¹¹ Горелик Г. В. И. Вернадский и советский атомный проект // «Знание — сила», 1996, № 3, с. 59.

¹² Лазарев А. СССР — как общество «длинных стратегий». // URL: <http://anlazz.livejournal.com/205296.html>

¹³ Новицкая Ю. К Марсу — из подвала у Красных Ворот // «Завтра», 26.09.2013, № 39 (1036).
// URL: <http://old.zavtra.ru/content/view/k-marsu-iz-podvala-u-krasnyh-vorot/>

в русло русской цивилизационной проектности, которое служит единственной внятной альтернативой нынешнему внепроектному балансированию между либеральными ценностями и государственно-патриотической риторикой. Такое балансирование чревато неолиберальным реваншем с последующим расчленением РФ по образцу СССР в сопровождении псевдопатриотической демагогии из арсенала т.н. «уменьшительного национализма».

Рассматривая возможность такого возвращения, следует понимать, что впечатляющие достижения советского периода обязаны своим существованием не только русской проектно-мобилизационной модели управления, но и неоднократно отмечаемому многими философиями тяготению русского человека к абсолютному идеалу, жажде чуда, страстному желанию жертвенного служения ради всеобщего блага и подспудному знанию о своей особой миссии. Перечисленные особенности относятся к базовым основам русского национального характера, не претерпевшим кардинальных изменений к началу XXI века¹⁴.

Л. Карсавин, И. Ильин, Н. Бердяев согласно полагали, что стихия русской жизни остро нуждается в дисциплинирующем воздействии абсолютного идеала, радикально преобразующем реальность. В книге «Восток, Запад и русская идея» Карсавин писал: «*Ради идеала он (русский человек. — А. К.) готов отказаться от всего, пожертвовать всем; усомнившись в идеале или его близкой осуществимости, являет образец неслыханного скотоподобия или мифического равнодушия ко всему*»¹⁵. При этом Карсавин делает там же принципиально важное замечание, что для русского человека «*идеал лишь тогда ценен, когда целиком претворим в жизнь*».

Из сказанного ясно, что возвращение русского человека к выполнению

своей исторической миссии связано не только с воспроизведением проектно-мобилизационной модели управления с поправкой на реалии и вызовы XXI века, но в первую очередь с пробуждением его национального самосознания, связанного с актуализацией русских мессианских качеств. Вектор русского мессианского прорыва должен быть устремлён к будущим горизонтам развития всего человечества, как это было в случае с запуском первого искусственного спутника Земли или полётом первого человека в космическое пространство, а не подменяться идеологическим паразитированием на славных свершениях минувших поколений. Направления

нового проектно-мобилизационного рывка русской цивилизации могут и должны быть сверены с такими стратегическими замыслами прошлого, как программа С.П. Королёва, утверждённая советской властью, «О развитии исследований по космическому пространству» (1959 г.). Именно дерзновенная миссия, направленная на освоение космического пространства и колонизацию ближайших к Земле планет Солнечной системы, также как освоение Арктики и Антарктиды, освоение пространств океана, наконец, освоение новых областей знания, — в наибольшей степени соответствует потенциальному градусу русского мессианского накала в XXI веке.

¹⁴ Лебедева Н.М. Русский национальный характер // Трибуна русской мысли, 2002, № 1. // URL: <http://www.cisdf.org/TRM/TRM1/Lebedeva.html>

¹⁵ Карсавин Л.П. Восток, Запад и русская идея. Пб.: «Academia», 1922, с. 78.

/ Владимир МОЖЕГОВ /

Тезисы о консервативном социализме¹

*Все страны граничат друг с другом,
одна Россия граничит с Богом*

Рильке

ТЕЗИС ПЕРВЫЙ. ОТ СОЦИАЛИЗМА ПЛАТОНА К ХРИСТИАНСКОМУ ОТКРОВЕНИЮ ЛИЧНОСТИ

1.

Слово «социализм» впервые употребил, как известно, французский философ Пьер Леру в 1834 г. В работе «Индивидуализм и социализм» Леру вводит понятие «социализм» как прямую антитезу «индивидуализму» (либерализму), противопоставляя общественную функцию человека его

стремлению «к свободе». Обосновывая идею социального государства, Леру ссылается, прежде всего, на утопистов, Мора и Кампанеллу, но не может, конечно, обойтись и без настоящего основателя идеи «общественного государства» — Платона.

В диалоге «Государство» Платон описывает некое идеальное общество. Это общество строго иерархично и предельно мобилизовано. Его закон — справедливость. Его ясная цель — достижение идеала, «абсолютного блага». Его неравенство

оправдано свойствами человеческой природы. Ведь благородство — редкий (как и всякий иной) талант в человеке, требующий особого дара и служения. Именно поэтому в высших сословиях царит принципиальный аскетизм и самоотвержение. Частная собственность (как ведущая к худшим проявлениям эгоизма) упразднена: ведь благородству открыты такие высокие добродетели, как дружба, у друзей же всё должно быть общее. Правителями идеального общества являются философы-цари,

лучшие из лучших, те, кому открыта истина и на которых потому лежит величайшее бремя управления.

Хотя перед нами, в сущности, традиционная кастовая система (философы-брахманы, стражи-кшатрии и кормильцы-вайши), однако непреходимых границ между сословиями нет. Вся иерархия пронизана путями возможностей. Всякий талантливый ребёнок, невзирая на сословие, обретёт своё место в государстве согласно своему таланту и духовным силам (для этого в идеальном обществе введено обобществление детей, а во всём его строе царит евгеника, нацеленная на выявление и соединение идеальных пар и воспитание лучшего потомства).

Во всём строе общества царит единство. Всё оно спаяно идеей целого. Над всем царит закон: каждый за всех и все за каждого. Все чрезмерности «Государства», кажущиеся нам вопиющими и тоталитарными (индивидуальность полностью детерминирована; семейные и родовые отношения упразднены; женщины не знают своих детей, сыновья — отцов; нет права неприкосновенности жилища; запрещено всё, что может дурно влиять на подрастающие поколения; царям-философам позволительно лгать «ради пользы тех, кто им подвластен», и т.д.) оправданы высшим смыслом. Так, семья упразднена ради высшей семейственности (все — братья, сыновья, отцы), сословность и кастовость оправданы разным духовным уровнем людей и введены ради высшего равенства (так, философ, постигнувший суть всех вещей, не уходит «в нирвану», но возвращается в низины бытия, чтобы вести к свету тех, кто ещё бродит среди теней).

Итак, всё в идеальном обществе подчинено идее спасения, выходу из «круга сансары». «Государство» — это мост от земли на небо. Или, иными словами, монастырь, в котором

царь-философ выполняет роль игумена, стражи — монахов, а кормильцы — крестьян окрестных деревень, которые, с одной стороны, кормят братию, а с другой — получают от неё духовное утешение и защиту.

Перед нами — квинтэссенция «античного социализма», притом устремлённого в будущее.

И действительно, влияние «Государства» Платона на всю последующую историю Европы невозможно переоценить. Являясь квинтэссенцией политической и духовной мудрости древних (Платон переосмысливает все известные ему устроения традиционных обществ — от Месопотамии и Египта до Спарты включительно), оно никогда уже не теряло своей актуальности, оставаясь в центре философской рефлексии на всех этапах развития европейского общества.

И все в это время, не уставая обвинять Платона в тоталитаризме, восхищались одновременно высотой его идеала. Так, уже в наше время, Игорь Шафаревич писал: *«Его программа истребления самых тонких и глубоких черт человеческой личности и низведения общества на уровень муравейника — производит отталкивающее впечатление. И в то же время нельзя не заразиться порывом почти религиозной жертвы личными интересами ради высшей цели. Вся схема Платона построена на отрицании личности — но и на отрицании эгоизма. Он сумел понять, что будущее человечества зависит не от того, какая из соперничающих групп возьмёт верх в борьбе за материальные интересы, а от изменения людей и создания новых человеческих качеств. Трудно не признать, что «Государство» Платона нравственно, этически и даже чисто эстетически стоит несравненно выше других систем хилиастического социализма».* («Социализм как явление мировой истории».)

Но вернёмся к Платону. Человек Платона — это микрокосм, цель которого — уподобиться макрокосму и преодолеть его. Этой цели и служит Государство, собирающее человечество в некоего высшего Всечеловека, способного преодолеть энтропию космоса и достичь абсолютного блага. Сам Платон подчёркивает эту параллель, сравнивая своё Государство с Человеком, отдельными органами которого являются целые сословия: философы — голова, стражи — сердце, кормители — живот.

Человек, с точки зрения древних, — лишь часть рода, племени, полиса; лишь часть мира, подчинённая его ритму, общей природе, и в этом смысле ничем не отличается от прочих составляющих мир тварей. Но в то же время человек — «чудо из чудес» (*«Много есть чудес на свете, // Человек — их всех чудесней»*), — говорит Софокл в «Антигоне», ибо, пренебрегая своей смертной природой, он способен бросать вызов богам, идти против «эго», способен на любовь и жертву.

Не заложена ли в человеке способность преобразовать мир? На этот вопрос и отвечает «Государство» Платона, указывая на высочайшее предназначение человека. Человек — не только жалкий смертный, детерминированный своей судьбой, но и способный преодолеть свою эгоистическую природу Всечеловек. И чудо это способно сотворить Государство. Эта великая мысль Платона обнаружила и великую живучесть в истории, не утратив своей актуальности вплоть до времени Гегеля и Маркса. Однако, перефразируя Ницше, скажем: и Всечеловек-Государство Платона есть то, что должно было быть преодолено.

2.

В идее «Государства» интуиция Платона достигала предела возможности

¹ Журнал «Изборский клуб» продолжает обсуждение проблемы православного социализма, которая была начата в № 2 за 2016 год, в частности, в докладе группы экспертов Изборского клуба под редакцией В. Аверьянова и А. Елисеева «Христианский социализм — приручение дракона». Автор публикуемой статьи затрагивает важнейший аспект этой темы: идею христианского социализма в контексте философии истории.

античного мира. Платон вывел человека из пещеры и возвёл на вершину. Но дальнейшую дорогу могло осветить только новое откровение. Таким откровением стало христианство и сам Иисус Христос как воплощённое Слово Бога.

Христианство поставило достоинство человека на невиданную прежде высоту. Оказалось, что человек не есть лишь «племя» в кругу других племён (животных, богов, демонов), но — образ самого Бога, утверждённый в центре мира, связующий мир физический и духовный. Оказалось, что человек (Личность) не есть часть целого, но сам есть целое: *«Личность не часть какого-либо целого, она включает целое в себе. Согласно этому образу мыслей, человек полнее, богаче, содержательнее ангельских духов. Поставленный на грани умозрительного и чувственного, он сочетает в себе эти два мира, будучи причастен всем сферам тварной вселенной. «В него, как в горнило, стекается всё, созданное Богом, и в нём из разных природ, как из разных звуков, складывается в единую гармонию»* (Вл. Лосский, «Мистическое богословие Восточной Церкви»).

Политическим идеалом христианской Римской империи стала всемирность, её практической целью — проповедь Евангелия «до края вселенной». Новым социальным идеалом оказалась «духовная симфония» Церкви и Империи. Над традиционной сословной пирамидой возвышались Патриарх и Император, как «две руки единого Бога», заботящиеся один о душе, а другой — о теле народа, один — о духовном, а другой — о физическом благе граждан. Зримым воплощением этого идеала стал собор Святой Софии в Константинополе и возносящаяся в нём в присутствии Патриарха, Императора и народа молитва: *Твоя о Твоих Тебе приносим о всех и за вся...* Это, безусловно, был идеал всеединства, принципиально противоположный всякому разделению и индивидуализму. Идеал, который со всем основанием можно назвать «социалистическим».

Когда, гораздо позднее, Бенджамин Дизраэли будет описывать идилию средневекового социального государства и призывать к ней вернуться, Маркс язвительно назовет эти идеи «Молодой Англии» «феодальным социализмом». Мы, однако, вполне можем принять этот термин безо всякой иронии. Действительно, о традиционном христианском обществе Дизраэли мог без всякого лукавства говорить, что оно представляло собой семью, отцом которой был король, а «имущие и неимущие представляли собой естественное единство» подобно «двум братьям-близнецам». Разумеется, идеализировать эти отношения можно было только в сравнении с царящим в середине XIX века в индустриальной Англии хищным капитализмом. И конечно, настоящая средневековая реальность едва ли была столь идиллической.

Гораздо больше возможностей «христианский социализм» имел на Востоке, где феодализм не развился, где крестьянская община была сохранена, а император имел гораздо больше возможности следить за соблюдением закона. Федор Успенский в «Истории Византийской империи» даёт прекрасную иллюстрацию социальных мер государства, направленных на установление и защиту свободного крестьянского сословия и мелкого землевладения. Например, возложение круговой ответственности на крупных землевладельцев за состоятельность крестьянской общины. Ф. Успенский называет подобные меры «редкими в истории», которым Запад «не может представить и тени подобия».

В то же время в борьбе за власть между поместным дворянством, подрывающей силы государства, рождались западный либерализм и западное понимание политической свободы как «борьбы классов» (столь далёкое от общинного понятия свободы и вселенскости Востока). Именно фрондирующая аристократия, желающая эмансипироваться от власти короля, стала в XVI веке движущей силой пуританских сект,

породивших современный мир с его трёхголовым драконом: «либерализмом», «демократией» и «тоталитаризмом» (неизбежным спутником и надсмотрщиком двух первых).

Впрочем, исконно социалистические идеи единства власти и блага общего, осенённые авторитетом церкви, никогда не умирали в Европе, особенно — в цивилизационно- и имперскообразующих государствах Италии и Германии. Тот же восточный принцип всемирной монархии уже в XIV в. защищал Данте, обосновывая необходимость единого мира всё той же «традиционно-социалистической» идеей: единая справедливая власть Патриарха и Императора (к этой двойце Данте добавляет также Философа — то есть модус культуры) упраздняет сам принцип «борьбы за власть», а следовательно, и порождаемые этой борьбой роковые расколы, нестроения и войны. Единая имперская власть над миром ведёт к всеобщему миру, процветанию и довольству народа.

Увы, реальный христианский мир пошёл по противоположному от «имперского социализма» Данте и императоров Восточной империи пути. Сокрушительные расколы потрясли его сначала по линии Империи, а затем по линии Церкви. В 1453 году рухнул духовный центр христианского мира — Константинополь. А ещё через полвека грянула Реформация, с успехом которой Европа оказалась ввержена в хаос революционных бурь Нового времени.

3.

Возрождение ставит своей задачей то, что оно возвысило человека, якобы униженного Средневековьем. Это, конечно, не так. Невозможно было возвысить человека более, нежели сделало это христианство. Дело Возрождения было совсем иным — заявить об автономности человека, тем самым разрушив его непосредственную связь с Богом, следовательно — саму христианскую идею Личности. Возрождение заставило человека оторвать свой взгляд от со-

зерцания Божественных тайн и обратиться его сначала на мир (меняется даже перспектива возрожденческой живописи), а затем — на самого себя. Так, из человека — центра мира, человека-космоса, который вмещал в себя всё мироздание, человек вновь обращается в замкнутую на себе индивидуальность, в атом, песчинку мироздания.

Начиная с Возрождения идея Личности вновь начинает скрываться во всё более сгущающемся тумане гностических учений. Эта тотальная редукция порождает и все последующие злоключения европейской мысли, мечущейся между человеком как «социальным животным» и человеком-индивидуалистом.

Новым водоразделом европейской цивилизации становится Французская революция. Именно как реакция на эту катастрофу традиционного мира и рождается

Консервативный социализм Нового времени. В это время рука об руку с учениками Сен-Симона и под одними с ними флагами выступают такие правые ультра-реакционеры, как Жозеф де Местр, де Бональд и Балланш, мыслители, стремящиеся заменить «Декларацию прав человека» «Декларацией Прав Бога», «философию я» французских просветителей — «философией мы» (Бональд) и почитающие «наследие предков» «драгоценнейшим из благ» (Берк). В Германии у истоков консервативного социализма стоят Фихте («Речи к немецкой нации») и Бисмарк, называющий свою программу социального государства «прикладным (позитивным) христианством» и «государственным социализмом».

Однако взгляды новых консерваторов-социалистов уже неизбежно искажены возрожденческим пониманием Личности. Так, Бональд говорит

о человеке, что он *«существует только для общества; а общество — только для самого себя»*. Одним словом, возвращаясь к Леру и всей порождённой им социалистической традиции, мы уже видим все те бездны, в которые должна была рухнуть (и неизбежно рухнула) последующая европейская мысль, вплоть до самых безумных марксистских и либеральных идей.

4.

Однако есть момент, заставляющий нас смотреть в будущее с некоторым оптимизмом.

Замечательно, что в конце перспективы классической традиции и культуры, в начале которой стоят Гомер и Платон, стоит личность, совершенно им конгениальная (причём не только по духу, но и по политическим убеждениям). Тем более замечательно, что эта личность рождена Россией.

Речь идёт о Пушкине как олицетворении русского идеала. Пушкин действительно представляется нам неким чудом. Его творчество, кажется, являет собой тот завершающий идеал Всечеловека, начало которому было положено «Государством» Платона и мистической традицией восточной патристики. Пушкин открыт не только всем нациям и народам (как заметил еще Достоевский), но, поистине, всем голосам и сферам вселенной. В нём, подобно мистической розе Данте, раскрывается тайна Личности: уже не Государство, но сам Человек, как всеобъемлющее целое, устремлённое к «солнцу абсолюта».

Замечательно, что в своих политических взглядах Пушкин прямо следует за Платоном (конечно, будучи уже совершенно свободным от тоталитаризма последнего). Поэт защищает личную свободу, свободу личного пространства и все вообще традиционные ценности, разрабо-

танные христианской цивилизацией. Вместе с тем его идеал — платоновское сословное государство, аристократическая монархия. Олигархия, демократия и тирания для него, как и для Платона, являют собой худшее проявление антикультуры. Пушкин выступает за свободу народа, но ни в коем случае не за его власть. Как и Платон, Пушкин уверен, что такая огромная ответственность, как бремя власти, должна ложиться на плечи самых лучших, благородных и самоотверженных — то есть на плечи духовной аристократии. Последнюю Пушкин считает ответственной и за просвещение народа. Он уверен, что именно монархия, аристократизм и народность способны обеспечить расцвет в обществе идеалов культуры, свободы и просвещения, и, подобно Платону, противопоставляет монархизм, аристократию и свободу — тирании, демократии и бунту (якобинству).

Необходимость монархии Пушкин блестяще обосновывает следующим соображением: надо, чтобы над законом стояла Личность, ибо Закон жесток, Царь же имеет возможность миловать. Таким образом, именно монархия, по Пушкину, стоит на страже милосердия и свободы. Внимательно проанализировав политическую философию Пушкина (см. С. Франк «Пушкин как политический мыслитель»), мы убедимся, что перед нами идеал консервативного социализма в лучшем своём проявлении.

Итак, резюмируем. Что же такое консервативный социализм? Это такое общество, которое отстаивает традиционные ценности, считает, что интересы общества должны превалировать над эгоистическими устремлениями индивида, и противостоит хаосу и атомизации; которое, далее, смотрит на государство не как на разбросанную по полю грудку камней и «игру свободных

сил» (либеральная демократия), но как на строящийся дом, одно большое народное дело, участием которого считает себя каждый гражданин. Если же мы ещё раз окинем взглядом всё до сих пор сказанное, нам останется констатировать: **консервативный социализм есть просто другое название традиционного христианского общества.**

ТЕЗИС ВТОРОЙ. НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ, ИЛИ ВОЗВРАЩЕНИЕ ИДЕАЛА

1.

Теперь мы вплотную подошли к главной теме нашей работы — философии истории. Понятно, что ни философия истории Маркса, ни любая иная философия истории Нового времени удовлетворить нас не могут. Если мы говорим о возвращении Традиции, в центре нашей философии истории должно лежать понятие о бытии мира как, прежде всего, истории творения, падения и спасения человека.

Именно Священная история стала краеугольным камнем философии Центральных веков. Наиболее полное её осмысление в контексте своего времени произвели Бл. Августин (354–430) на Западе и Максим Исповедник (580–662) на Востоке. Августинство предложило взгляд на мир как динамичную арену войны между землёй и небом, как извечную борьбу «двух градов», небесного и земного (при этом первый составляют люди, чья любовь к Богу превалирует над любовью к себе; второй — люди, чья любовь к себе превалирует над любовью к Богу).

Восток, в отличие от дуалистичного Запада, традиционно интегрален. В своём постижении истории Максим следует за Дионисием Ареопагитом и Гераклитом, представлявшими бытие как процесс истечения мира из Абсолюта и возвращения к нему.

Согласно Максиму, Бог творит мир путём ряда последовательных разделений. Он отделяет небо от земли, воду от суши, на суше выделяет место для рая, где поселяет человека,

Очевидно, что завоёванная марксистами Россия оказалась гораздо шире самого марксизма. Душа её никак не укладывалась в меру «учения», а её история (как некогда заметил Пушкин) требовала «другого взгляда». Более того, эта широта проявилась даже в самом русском большевизме, который, несмотря на его сектантский характер, оказался «заражён» вирусом русского космизма в самом своём ядре.

которого также разделяет на два пола. Мир, таким образом, развёртывается в виде некоей лестницы в несколько ступеней. Человеку, поставленному в самый низ этой лестницы, даётся задание — собрать всё развёрнутое пред ним бытие, шаг за шагом, воедино. Вначале человек должен преодолеть разделение на два пола; затем обратить всю землю в рай, расширяя своё присутствие в ней; затем — вступить в ангельские миры и продолжить своё восхождение к вершинам, собирая в себе воедино всё бытие. Какова же конечная цель человека? Она поистине велика. Человек, по мысли Творца, сам должен стать богом по благодати.

Схолии Максима рано были переведены на латынь и оказали огромное влияние на христианскую мысль Запада. Через учение Эригены, Фомы Аквината, величественные построения Данте идеи Максима (в уже в изрядно исковерканном виде) добрались до Гегеля и нашли окончание своих путей в марксизме, сведшем всю драму человеческой истории к конфликту «производственных отношений», а самого человека — к роли «экономического животного».

Ясно, что для того, чтобы вернуть мир к его традиционным основаниям, нам необходимо будет совершить обратный путь: от Маркса — к Максиму и Августину. Разумеется, уже на новой ступени знания, осмысления и в новом синтезе.

2.

Построения Максима явились, без сомнения, высшим завершением (венцом) европейской идеалистической

философии. Но для осмысления эмпирической реальности нам потребуется несколько иной инструментарий.

На этом уровне мы должны будем взглянуть на историю как, прежде всего, историю мессианских идей. Почему? Потому что только мессианская идея даёт истории смысл. История мира, так, как она прошла перед нами за последние три тысячи лет, была, прежде всего, историей Иудеи и Рима. И именно потому, что, в отличие от прочих традиционных обществ, совершенно равнодушных к истории, Иудея и Рим были бескомпромиссно устремлены к совершению своей миссии.

«Всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки, и сделаю потомство твоё, как песок земной» — так миссию Иудеи задавал завет Иеговы с Авраамом (Быт. 13:14–17). «Римлянин! Ты научись народами править державно — в этом искусство твоё! — налагать условия мира, Милость покорным являть и смирять войной непокорных» — так миссию Рима осмысливал (в годы правления Августа) «отец Запада» Вергилий («Энеида»).

Налицо не только две различные миссии, но и прямое столкновение интересов. И притом — два различных образа действия. Рим завоёвывает и смиряет племена и народы, после чего приобщает их к благам римской цивилизации. Стратегия Израиля совершенно иная. Израиль идёт путём неявного культурного проникновения и религиозного прозелитизма. Центром этого прозелитизма (направленного, прежде всего, на элиту Римского мира) стала Алек-

сандрия IV–I вв. до н.э. Эта экспансия породила такие великие культурные явления, как «Септуагинта» (перевод Библии на греческий язык), Филон Александрийский в философии и т.д., и к первому веку н.э. имела немалые шансы на успех. На пике прозелитизма «религию Моисея» исповедовали, по некоторым данным, до 7–8% жителей Римской империи, в основном средних и высших слоёв общества, включая жён высших римских аристократов.

Итак, перед нами две конкурирующие теории и две стратегии. Стратегию Рима мы можем условно назвать мессианско-имперской, стратегию Израиля — мессианско-революционной. Таким образом, римская и иудейская традиции есть не просто две религии или два общественно-политических уклада, но, прежде всего, две грандиозные политические программы.

Принятие Римской империей христианства не изменило, но лишь заново позиционировало эти «исторические векторы». Отныне сама Римская империя и населяющие её христианские народы приняли на себя «миссию Израиля» — нести проповедь христианства во все концы вселенной. Иудеи же, отгородившись от христианского мира стеной собственной традиции и патернализма, продолжали ожидать пришествия своего «грядущего мессии», готовя тем самым мощный рестарт собственного «мессианско-революционного вектора».

И действительно, со времени падения Константинополя (1453 г.) «революционный вектор» мощно активизируется. 1492-й (то есть 7000 г. от сотворения мира), год, в который еврейство с нетерпением ожидало начала мессианской эры, был ознаменован, с одной стороны, открытием Америки Колумбом, а с другой — изгнанием евреев из Испании. В это время еврейство выходит из гетто на авансцену Истории и (с распространением Каббалы и учении обо всем еврейском народе как «коллективном мессии») пробуждается к активной деятельности. К этому

времени «революционный вектор» ожидания «третьего царства» (возбуждённый учением Иоахима Флорского) обретёт уже много поклонников и внутри самого христианского мира.

С началом Реформации (1517 г.) «революционный» вектор истории начинает всё более превалировать над «имперским». Тридцатилетняя война и Вестфальский мир, уничтожив власть Римской империи на большей части континентальной Европы, кладут конец единству христианских народов. За Нидерландской и Английской революциями следует бурное распространение новых банковских институтов, а на месте средневекового тандема «король–церковь» начинает стремительно утверждаться новый: «банк–государство».

С завоеванием английскими пуританами Америки начинается формирование центра нового революционного мира, а новая мессианская вспышка Французской революции декларирует его идеалы, отчасти пародирующие, отчасти вовсе противоположные христианским.

XX век ознаменовался особенно мощной атакой «революции» на традиционный мир. Новая тридцатилетняя война в Европе (1914–1945 гг.) обратила традиционную христианскую Европу в руины. Сформированный на обломках прежнего, мир оформляется в виде двух соперничающих друг с другом сверхдержав и двух революционных идеологий.

После крушения СССР «революционно-либеральный» вектор истории мог, казалось, праздновать полную победу (что и было зафиксировано в известном трактате Ф. Фукуямы «Конец истории»). Однако, как оказалось, преждевременно. Начиная с 2000-х Россия вновь начинает возрождаться как традиционное государство римского типа и защитница консервативных ценностей. Мощное антиглобалистское, контрреволюционное движение начинает нарастать и в Европе.

Возникает вопрос: **не следует ли понимать эти знаки как указа-**

ние на роль России как «нового Рима», призванного возглавить мировой поход Традиции против Революции?

Если это так, перед Россией встаёт сегодня задача нового осмысления и обоснования своих политических идеалов, по сути — создания новой консервативной идеологии. При этом особенно важно обеспечить её историческую преемственность. Ведь обнаружить непрерывный вектор Традиции — значит доказать легитимность, законность, право на эту роль. И каким бы странным это ни казалось, опыт построения социализма в СССР даёт нам немало примеров такого рода. Оказалось, Советский Союз, при всём модернизме, сохранил немало традиционных имперских черт.

ТЕЗИС ТРЕТИЙ. «СОВЕТСКИЙ МИФ» И ВОЗВРАЩЕНИЕ ТРАДИЦИИ

1.

В 1917 г. Россия испытала на себе небывалый, как многим казалось, смертельный удар Революции. Однако, вопреки всему, не погибла, но, «переварив» большевиков, явила некий культурный синтез «мессианско-революционного» и «мессианско-имперского» исторических векторов, представляющий до сих пор историческую загадку.

Советский миф, так, как он в итоге сформировался, оказался совсем не похож на марксистский. В своей зрелой фазе СССР представлял собой по виду вполне традиционную империю с чисто имперской миссией «просвещения окраин», распространения социализма «до края вселенной» (своего рода калька с христианского Рима: «и проповедано будет Евангелие всем народам»). Притом что и сама социалистическая идея претерпела серьёзную трансформацию. Принятый при Брежневе «Кодекс строителя коммунизма» уже явно отталкивался от христианских ценностей и заповедей.

Во-вторых, в отличие от марксистской ортодоксии, строящейся

вокруг экономики, советская империя оказалась культуроцентричной. Подобно традиционному Риму, несущему эллинское просвещение, она несла народам традиционную культуру, которую представляли лики «социалистических святых» во главе с Пушкиным. Именно Пушкин находился в центре культурного мифа СССР, отвечая за скрепление культурного тела «Руси великой» (как он сам о себе пророчествовал: *«и назовёт меня всяк сущий в ней язык»*). Для новых поколений советских людей книги Пушкина заняли, по сути, место запрещенного в СССР Евангелия: милосердие, милость к падшим, любовь и свобода, сверкающие в бесчисленных алмазных гранях его творчества, гуманизировали советскую действительность, изгоняя из неё демонов большевизма.

Центральным символом советского мифа был Великий Коллектив,

подобный платоновскому Всечеловеку. Но при всём его титанизме (и явном недостатке христианского смирения), в нём можно было обнаружить и немало христианских черт: воспевание божественного дара жизни, самоотверженность, братская любовь, вселенская широта и открытость сердца... Более того, в этом устремлённом к великим свершениям Всечеловеке, шагающем по сферам вселенной и желающем обрести бессмертие, странным образом угадывался «Космический Адам» Максима Исповедника... То есть советский миф нёс в себе явные черты традиционного христианского космизма и всеединства, пусть и в формах «атеистической теологии».

Откуда всё это взялось? Очевидно, что завоёванная марксистами Россия оказалась гораздо шире самого марксизма. Душа её никак не укладывалась в меру «учения», а её история

(как некогда заметил Пушкин) требовала «другого взгляда». Более того, эта широта проявилась даже в самом русском большевизме, который, несмотря на его сектантский характер, оказался «заражён» вирусом русского космизма в самом своём ядре.

2.

У нас нет возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на деятельности «еретической фракции» большевиков, более известной под именами «эмпириомонистов» и «богостроителей» (Богданов, Луначарский, Горький, Покровский и др.). Скажем лишь, что их роль в осуществлении советского проекта оказалась весьма велика.

Так, наработками Богданова (почти с самого основания РСДРП (б) и вплоть до своего изгнания (1910), остававшегося вторым после Ленина человеком в партии) по плановой

экономике, пятилетним планам, централизации социалистического хозяйства и др. активно пользовался Сталин в ходе своего социалистического строительства. Друг Богданова Луначарский на посту наркома просвещения совершил огромную работу по продвижению в советскую реальность взглядов «эмпириомонистов». Сохранение русской и древнерусской культуры, идеалы советского образования (воспитание нового человека будущего), общая гуманизация советской идеологии и строя — во многом заслуга именно Луначарского. Особенно важен в этом смысле культ Пушкина, подготовленный Луначарским и введенный Сталиным в 1937 году, когда миновало столетие со дня смерти поэта.

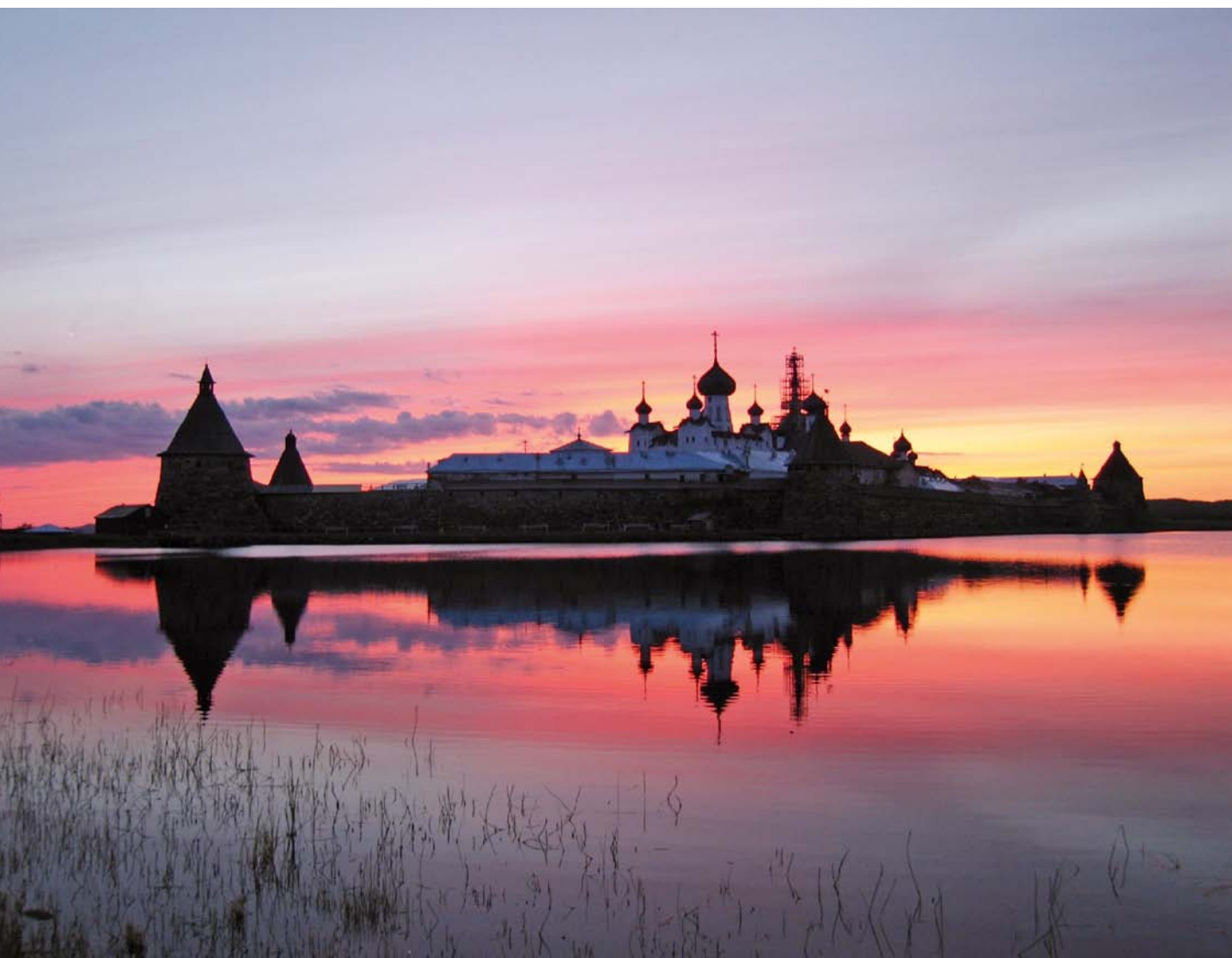
Именно это событие по праву можно назвать началом Русского возрождения в XX веке.

В отличие от ортодоксальных большевиков эмпириомонисты шли не от диалектики, а от идей Авенариуса–Маха. Согласно учению последних, мир развивается от некоего первоэлемента по двум модусам — физическому и психическому, к всё большей и полной гармонии. Отсюда эволюционистский характер эмпириомонизма. Верным путём к социалистическому будущему эмпириомонисты считали не революцию, а культурное созревание пролетариата. А сам социалистический мир представлялся им не пространством, объятм мессианским пламенем, но иерархической пи-

рамидой, растущей к всё большему уровню мировой гармонии.

В 1917–1920 гг. в рамках организации Пролеткульта Богданов и Луначарский были увлечены грандиозным образовательным проектом «Пролетарского университета», который представлял собой разветвлённую сеть обучающих ячеек разного уровня и должен был воплотиться в единую образовательную систему, способную организовать весь городской пролетариат страны.

Сутью идеи Богданова было построение колоссальной пирамиды всеобщего образования — от низшего, начального, до высшего уровня. Эта система призвана была образовывать пролетариат и воспитать элиту нового общества, «сословие вождей»,

призванное к социальному и научному творчеству по всем возможным направлениям человеческого знания. Именно эта элита, по мысли Богданова, должна была повести мир к высшему социалистическому идеалу. Что же это был за идеал?

Богданов указывает на ту далекую перспективу, где человечество постигнет все тайны «жизненной организации», где «разорвутся» все границы между живым и неживым, где «ничто в природе уже не будет чуждым человечеству», а «нити коллективной воли и мысли свяжут воедино весь мир»; где воля отдельных людей, сложившись в единый пучок энергии, способна будет преодолеть и самые законы природы, и, наконец, даровать человечеству бессмертие.

Итак, **Государство-Университет, способное воспитать человека — в сущности, перед нами одна из лучших попыток воплощений утопии Платона в XX веке.**

Утопию Богданова ждала печальная судьба. В 1920 г. система Пролеткультов, уже готовая выйти на международную орбиту под эгидой Коминтерна, была разгромлена Лениным, почуявшем в новом независимом культурном движении угрозу своей власти.

Однако, несмотря на этот провал, проект Государства-Университета важен для нас во многих смыслах. Пусть и неосуществлённый, он придал импульс советскому мифу, а вслед за ним советской реальности и может послужить неким ориентиром будущему.

Величественная пирамида всеобщего познания, всецелого совершенства, воплощённая в некоей высокой «Академии», где происходит таинственный процесс претворения ветхой человеческой природы в природу новую и устремлённую туда, где «не будет больше ни преклонения, ни служения, но лишь сознание великого всепобеждающего целого» (Богданов) и где на вершине познания для всего человечества загорится ослепительная звезда бессмертия, — всё это, пусть и в крайне

Пушкин действительно представляется нам неким чудом. Его творчество, кажется, является собой тот завершающий идеал Всечеловека, начало которому было положено «Государством» Платона и мистической традицией восточной патристики. Введение культа Пушкина в 1937 году, когда миновало столетие со дня смерти поэта, — событие, которое по праву можно назвать началом Русского возрождения в XX веке.

модернизированном (мягко говоря) виде, но, по сути, воспроизводство той же мистической идеи симфонии Империи-Церкви высоких веков Христианства.

Это понимание позволяет нам сформулировать суть советского мифа следующим примерно образом: Человечество — это не «бессмысленное стадо» капитализма, всех этих «последних людей», одиночек, обуреваемых корыстью и потребительским отношением к ближнему (по формуле Бена Франклина: «ближний» — это тот, на ком нужно делать деньги); человечество — это Всечеловек, великий Коллектив, связанный единой волей, в котором «один за всех и все за одного».

Была сформулирована дерзкая историческая задача, воплотившая в себе не столько марксистские теории, сколько идеи традиционного русского космизма и всеединства, вековую русскую мечту, от «Слова о Законе и Благодати» и «Троицы» Рублева до «Памятника» Пушкина и «Великого кольца цивилизаций» утопической фантастики, остающейся, наверное, лучшим памятником советской цивилизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. СОЛНЕЧНЫЙ ЦЕНТР

Неудача советского проекта возвращает нас к классической ошибке Платона: неспособности найти верные равновесные отношения между Личностью и Общностью. Разница лишь в том, что античные поколения не знали, а поколения поствозро-

жденские прочно забыли христианскую идею Личности.

Отсюда вырастает главная задача нового общества. В его центр должна быть поставлена Личность, так как она была открыта Христианством: не как обезбоженная, замкнутая на собственный эгоизм, атомизированная индивидуальность, но как открытая «божественным природой красотам» и растущая к солнечному идеалу реальность Всечеловека. Вокруг этой реальности только и может быть выстроена новая общность; христианское общество, являющее собой, с одной стороны, раскрытие европейской христианской традиции, а с другой — полную противоположность либеральному глобализму, обращаящему мир в бессмысленный поток отчуждённых друг от друга элементарных частиц, кружащихся вокруг планет-банков.

Русская культурная традиция является собой последовательное раскрытие идеала консервативного (христианского) социализма. Его лучшими выражениями остаются творчество Пушкина и Рублёва. Когда-то Иван Ильин назвал Пушкина «солнечным центром Русской истории». Чтобы Русское возрождение стало реальностью, этот «солнечный центр» должен вновь обрести своё место, пронизать наше общество своими животворными лучами. Логос, к которому обращены лики всех народов, устремлённый в солнечный эмпирей «Троицы», — вот идеальный образ (икона) общества, которое сможет стать альтернативой сегодняшнему распаду и хаосу.

Андрей ФУРСОВ. Борьба вопросов. Идеология и психоистория: русское и мировое измерения. — М.: Книжный мир, 2017. — 768 с.

Столетие Великого Октября не только заставляет нас с интересом оглянуться на «короткий» XX век (1917-1991), но и задуматься над тем, почему провалился великолепный социальный эксперимент по построению социализма в отдельно взятой стране и созданию альтернативной капитализму мировой социалистической системы.

Был ли в корне неправ Маркс со своим «Капиталом»? Или его задумка была верной, но его последователи-практики — Ленин, Троцкий, Сталин — не смогли её реализовать? А может быть,

коммунизм как система прошёл отведённый ему Историей путь и скончался своей смертью от внутренних противоречий? Или же коммунистическое будущее человечества похоронили предатели, глупцы и маразматика в позднем советском руководстве при активном участии мировой капиталистической верхушки?

Что такое интеллигенция? Чем она отличается от интеллектуалов — идеологизированностью? А что такое идеология? Чем она отличается от науки и религии? Как конструируются концепции

(например, прогресс) и целые дисциплины (например, ориентализм)? Это атрибуты науки или орудия психоисторической войны? Как всё это соотносится с нынешней ситуацией в России?

В своей новой книге Андрей Фурсов размышляет над этими вопросами. Его ответы, часто неприятные, жёсткие, но честные, ставят перед читателем новые вопросы: о будущем нашей Родины, человечества и его, читателя, роли в свершающейся на наших глазах очередной пересдаче карт Истории.

Владимир ОВЧИНСКИЙ. Технологии будущего против криминала. — М.: Книжный мир, 2017. — 288 с. (Серия «Коллекция Изборского клуба»)

Уголовный мир в XXI веке будет заметно отличаться от своих предшественников — преступников предыдущих веков. Новые преступники станут более интеллектуальными и технологичными. (Об этом подробно рассказано в другой книге автора, написанной в соавторстве с Еленой Лариной — «Криминал будущего уже здесь».)

Что государство и общество могут противопоставить современным формам преступности? Как в условиях постиндустриального информационного общества

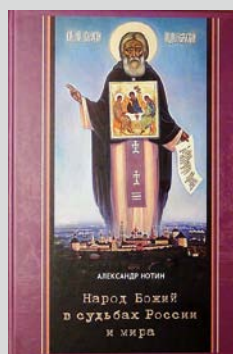
успешно бороться с хакерами, фишингом и другими преступлениями, совершёнными «по удалёнке» — когда мошенник находится за тридевять земель и за десятки границ от жертвы? Как предотвратить такие преступления?

В своей новой книге Владимир Овчинский показал возможности использования достижений очередной НТР в защите граждан, государства и общества как от новых форм преступности, так и от традиционных. Его работа представляет своего рода первый отечественный

опыт обобщения технологических возможностей XXI века в борьбе с криминалом.

Книга будет интересна для сотрудников российских правоохранительных органов и спецслужб, а также всех интересующихся проблемами обеспечения безопасности общества будущего и просто для людей, желающих защитить своё имущество и неприкосновенность личной жизни в условиях, когда стены стали прозрачными, а твой телефон следит за тобой.

Александр НОТИН. Народ Божий в судьбах России и мира. — М.: Народное образование, 2017. — 368 с.

Это пятый по счёту сборник Александра Нотина, посвящённый становлению Народа Божьего — феномена, которому суждено сыграть решающую роль в русском будущем. Хотя мы и тонем в неолиберальной трясине, какая-то часть народа Третьего Рима Промыслом Божиим удерживается от духовного самоудушения, готовясь к исполнению важной миссии.

В книге последовательно применяется метод духовно-светского анализа событий, когда то или иное явление рассматривается не линейно, не как отдельный кадр в киноленте истории, а как единое целое, которое мы рассматриваем через призму духовного наследия. «Дух творит себе формы» — и эту истину нам ещё предстоит по-настоящему осмыслить и оценить, чтобы избавить-

ся от ошибок лжеименного разума, тянущих нас к гибели. Использование хронологического подхода позволит любопытному читателю сопоставить те выводы и оценки, которые автор делал на разных этапах, с тем, что происходит сегодня. Тогда он сможет убедиться, с какой точностью действует метод духовно-светского анализа, и самостоятельно решить, использовать ли его в своем миропонимании.

Хронология мероприятий клуба

1–3 июня 2017 года

В Северной столице России проходил очередной, 21-й Санкт-Петербургский международный экономический форум, официальными участниками которого стали **Александр Проханов** и **Михаил Делягин**. В состав делегации Изборского клуба на форуме вошли также **Олег Розанов**, **Александр Агеев**, **Сергей Батчиков**. «На полях» ПМЭФ состоялись встречи Александра Проханова с рядом руководителей регионов России, в том числе — с главами Республики Калмыкия, Республики Крым, губернаторами Архангельской, Брянской, Еврейской автономной, Калужской, Курской, Оренбургской, Орловской, Псковской, Рязанской, Челябинской областей, Забайкальского и Пермского краёв, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Также в ходе визита состоялись переговоры с руководителями Петербурга.

На встречах с главами регионов главной темой обсуждения стали совместные планы в целях укрепления патриотической идеологии, дальнейшего развития гражданского общества России.

15–17 июня 2017 года

Делегация Изборского клуба, в состав которой вошли **Александр Проханов**, **Сергей Глазьев**, **Дмитрий Аяцков**, **Юрий Богданов**, **Олег Розанов**, **Николай Стариков**, **Юрий Тавровский**, посетила Республику Татарстан.

15 июня изборцы побывали в выставочно-зрелищном комплексе «Городская панорама», в музее «Остров-град Свияжск», на Казанском авиационном заводе имени С.П. Горбунова.

16 июня в здании Госсовета Татарстана с участием **председателя Государственного Совета Республики Фарида Мухаметшина** состоялся круглый стол «Идеология и современные ритмы Евразии», на котором было официально объявлено об открытии татарстанского отделения Изборского клуба.

Делегация посетила Галеевскую мечеть и дом М.И. Галеева, где её приняли

первый заместитель муфтия, председатель Духовного управления мусульман Республики Татарстан **Рустем Валиулин** и заместитель муфтия, ректор Российского исламского института **Рафик Мухаметшин**. Также изборцы побывали в Казанском Богородицком мужском монастыре, в стенах которого состоялась встреча с митрополитом Казанским и Татарстанским **Феофаном**. В ИА «Татаринформ» прошла пресс-конференция Александра Проханова.

17 июня Александра Проханова и Сергея Глазьева принял в своей резиденции **президент Республики Татарстан Рустам Минниханов**.

21 июня 2017 года

В главном офисе Изборского клуба состоялся круглый стол на тему «**Русская мечта: преодоление и преображение**». В нём приняли участие постоянные члены клуба: **Александр Проханов**, **Виталий Аверьянов**, **Александр Нагорный**, **Александр Домрин**, **Леонид Ивашов**, **Георгий Малинецкий**, **Олег Платонов**, **Василий Симчера**, **Шамиль Султанов**, **Юрий Тавровский**, **Максим Шевченко**. Также в дискуссии выступили приглашённые эксперты и общественные деятели. Материалы обсуждения опубликованы в этом и предыдущем номерах нашего журнала.

22–23 июня 2017 года

В ходе своей поездки в Азербайджан **Александр Проханов** посетил могилу общенационального лидера Азербайджана **Гейдара Алиева**, возложил цветы на Аллее шехидов. Также Александр Андреевич побывал в селе Ивановка Исмаиллинского района, где жили его предки-молokane. Председатель Изборского клуба встретился в Милли меджлисе с депутатами — членами российско-азербайджанской межпарламентской группы.

В заключение поездки состоялась встреча Александра Проханова с пре-

зидентом Республики Азербайджан **Ильхамом Алиевым**.

5 июля 2017 года

В столичном «Президент-отеле» прошла презентация книги министра по национальной политике, внешним связям, печати и информации Чеченской Республики, председателя чеченского отделения Изборского клуба **Джамбулата Умарова «Фактор КРА: противостояние»**. В мероприятии приняли участие изборцы **Александр Проханов**, **Валерий Коровин**, **Николай Стариков**, **Максим Шевченко**.

25 июля 2017 года

Состоялась встреча **Александра Проханова**, **Олега Розанова**, **Сергей Батчикова** с министром образования и науки РФ **Ольгой Васильевой**. Главной темой обсуждения стало сотрудничество на ниве патриотического воспитания.

27–29 июля 2017 года

Состоялась поездка в Рязань, в которой приняли участие постоянные члены клуба **Александр Проханов**, **Виталий Аверьянов**, **Олег Розанов**, **Николай Стариков**, **Максим Шевченко**, **Владислав Шурыгин**.

В ходе поездки состоялась пресс-конференция для рязанских СМИ и встреча изборцев с **главой региона Николаем Любимовым**.

В тот же день прошёл круглый стол «**Русская мечта. Рязанское отражение**», в котором приняли участие рязанские учёные, общественные деятели, эксперты. Также было объявлено о создании в Рязанском регионе отделения Изборского клуба.

Изборцы посетили 28 июля Рязанский кремль, Музей истории воздушно-десантных войск, Рязанский приборостроительный завод, а 29 июля — родину **Сергея Есенина** музейный комплекс в селе Константиново, Иоанно-Богословский монастырь.

/ Владимир БОЯРИНОВ /

«Не ради нас — грядущей жизни ради...»

ИЗ ДЕТСТВА

Я бегу. Полки разбиты.
Отступая налегке,
Укрываюсь от обиды
На заветном чердаке.

Здесь ветра свистят, как черти;
Здесь уже который год
После бабушкиной смерти
Богородица живёт.

Мы давно уже знакомы,
И, похожестью маня,
Всё глядит она с иконы,
Словно бабушка моя.

Пусть она меня в обиду,
Словно бабушка, не даст;
Пусть рассердится для виду
И прикрикнет: «Вот я вас!...»

ЯЗЫЧНИКИ

Боже мой, тишина-то какая,
И какая кругом благодать!
Только птицы поют не смолкая,
И восторга их не передать!
А в столице кумирни свергают,
С гиком, визгом в печать волокут,
Принародно и рьяно ругают
И публично секут.
И не люди уже, а стихия!
И не речи уже, а стихи!
— Бог вам в помощь, ребята лихие,
Перемерять чужие грехи.
А ребята сбиваются в стаи,
В иерихонские трубы трубя:
— Мы такими отважными стали,
Даже страшно самим за себя!
Кличут старшие младшего брата
Посмотреть, как кумиры горят.

БИОГРАФИЯ

БОЯРИНОВ Владимир Георгиевич

Русский поэт, общественный деятель.

Родился 4 июля 1948 г. на Алтае в с. Солдатово Восточно-Казахстанской области.

Учился в Томском политехническом институте. В 1968 году в газете «Томский комсомолец» появилась дебютная подборка стихотворений.

На заочное отделение Литературного института им. А.М. Горького поступил в 1973 г. Диплом с отличием защитил по первому сборнику «Росстани» (Москва, издательство «Современник», 1978 г.). На всесоюзном конкурсе молодых литераторов книга стала лауреатской, и в 1979 г. Владимир Бояринов был принят в Союз писателей СССР.

Поэтические сборники Владимира Бояринова выходили в крупных столичных издательствах: «Советский писатель», «Современник», «Молодая гвардия», «Советская Россия», «Детская литература», «Малыш». После развала СССР — в издательствах: «Ключ», «Вече», «Литературная Республика» и др.

В 1995–2009 гг. — генеральный директор, с 2009 года — председатель Московской городской организации Союза писателей России (МГО СПР). Сопредседатель Союза писателей России. Первый заместитель председателя исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС).

Лауреат литературных премий. Заслуженный работник культуры РФ (2004), Республики Ингушетия (2006), Чеченской Республики (2009). В 2012 г. награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством».

— А не жалко болвана, ребята?
 — А ни капли! — они говорят. —
 Ничего, мы другого поставим.
 Своего. За красивую речь
 Мы полюбим его и прославим,
 И потомкам напомним беречь.
 А подкинь-ка, любезный, дровишек!
 А погрей-ка ты руки свои!..

Есть в лесу заповедный затишек,
 Где взахлёб голоса слышат соловьи.
 Благо птицы кумиров не ставят
 Ни на площади, ни под кустом;
 Ничего, кроме солнца, не славят,
 Никого не свергают потом.

ВОЛЧЬЯ НОЧЬ

Что делать мне, куда пойти никчёмному?
 Неужто одиночества боюсь?
 Эх, загуля... гуляю я по-чёрному!
 По всей Москве верёвочкой завьюсь!
 Какая ночь! Темно от одиночества.
 Спасенья нет среди родных людей.
 Гори огнём, гори, моё молодчество!
 Душа моя, надейся и радей!
 Нет больше сил бодриться да куражиться.
 Пора, пора подумать о душе.
 Пора на одиночество отважиться;
 Пора, мой друг, — нет выбора уже.

ЖУРАВЛИ УЛЕТЕЛИ

Пронеслась на заре по грунтовой дороге
 Тройка взмыленных в дым ошалелых коней.
 На телеге стоял, как на Божьем пороге,
 И стегал вороных безутешный Корней.

И кричал он вослед журавлиному клину,
 И с отмашкой слезу утирал рукавом:
 — Ох, не мину судьбы! Ох, судьбины не мину
 На небесном пути, на пути роковом!

Где-то дрогнула ось, где-то брызнула спица,
 Повело, подняло, понесло между пней!
 И склонились над ним:
 — Чей ты будешь, возница? —
 Харкнул кровью в траву безутешный Корней.

И спросили его:
 — Ты в уме, в самом деле?
 И куда понесло тебя с грешной земли?
 — Я-то что, я-то что? Журавли улетели!
 Без следа улетели мои журавли!

* * *

Не ради нас — грядущей жизни ради
 Напишут дети в синие тетради,
 В усердии дыханье затаив,
 Они напишут: «Родина моя».
 И суть не в том, кто выведет ровнее,
 А чтобы слов тех не было роднее.

ИВАНУШКА

На земле своей мирно и просто
 Жил, как Богом дано, как умел.
 Был Иванушка видного роста
 И завидную силу имел.
 Как впряжётся, зараз на телеге
 Мог, шутя, полсела прокатить.
 Но пожары и вражьи набеги
 Отучили Ивана шутить.
 ...Под рубахою крест из рябины,
 Ни меча, ни кольчуги, ни стрел.
 Он оружия, кроме дубины
 Двухсажённой, и знать не хотел.
 И ходил он с дружиною вместе,
 И стерёг от врагов рубежи.
 Как взмахнёт — семерых перекрестит,
 Как добавит — с десяток лежит.
 После боя смеётся товарищ,
 Вспомнив, как разбегалась орда:
 — Ты медведя, Иванушка, свалишь?
 — А какая на это нужда?

— А попробуешь справиться с лешим?
 А достанешь дубиной зарю?
 А пройдёшь через полья пешим?
 — Да какая нужда, говорю?!

СТАРШИЙ БРАТ

*Памяти сестры Лидии
 и брата Валерия*

Пью из гранёного стакана
 И поминальную пою
 О том, как три политикана
 Украли родину мою.
 Не подавились за кордоном,
 Когда отрезали ломоть
 Моей земли с крестовым домом,
 Моей родовой кровь и плоть.
 Своих границ нагородили,
 Порвав державу на куски.
 Возликовали, зачудили
 Новопрестольные царьки.
 Не вдруг звезда с Кремля упала.
 В краю, украденном вчера,
 Не вдруг сестра моя пропала,
 Пропала без вести сестра.

Забили вусмерть, загнобили,
Промыли косточки стократ, —
В семипалатинской могиле
Обрёл покой любимый брат.
Как атом потрясал мандатом
На право жить и умирать,
Так здесь пугают *старшим братом*
Ополоумевшую рать.
Где наш орёл в державных высях
Нисходит по кругам утрат,
Я на плите могильной высек
Всего два слова:

Старший брат.

БАНЬКА

Хоть сейчас забор кленовый
И с клетушками сарай,
И под тёсом дом крестовый
Вместе с тещей забирай.
Хоть сейчас бери задаром,
Мне расстаться нестерпёж.
Только баньку — с лёгким паром,
С жарким веником — не трожь!
Пусть стоит на огороде,
Пусть дымит себе в углу...
Я при всём честном народе
Загуляю по селу.
И задиристый, и ладный,
Развесё... весё... весё...
И с гармошкой трёхрядной,
И наряженный во всё.
Вспомню вдруг, что за чужого
Вышла старая любовь.
О кулак его тяжёлый
Разобьются губы в кровь.
К ночи выбьюсь из силёнок
И обратно поверну.
И заплачу, как ребёнок,
И в предбаннике усну.
А назавтра дурь из тела
Выбью веником с утра.
Игогоньница поспела,
Ерохвоститься пора!
Выпью квасу три бидона:
Ух, какая благодать!
Выйду, гляну: нету дома,
Тёщи тоже не видать.
Под задорный смех соседок
Снова в баньку забегу,
Похлестаюсь напоследок —
И такое я смогу!
Я смогу такие вещи!
Ахнешь, глядя на меня, —
Дом срублю ещё похлеще
И куплю себе коня.

Буду ездить в степь и в рошу
И дрова возить, и рожь.
Заведу такую тещу! —
И в Рязани не найдёшь.
Люди скажут: «Ай да Ваня!»
Я скажу: «А я такой!»
Вот что значит наша баня
В огороде над рекой!

ОПАРЫШ

Изворотливый опарыш,
Полоумный гомофоб,
Ров могильный роет Ярош,
Украине ладит гроб.

Он выводит из подполья
Новоявленных крысят:
Зубы — сабли, зубы — колья,
Сопли гроздьями висят!

Он Россию кроет матом,
Страстно любит керосин,
Разгрызает мирный атом
Силой в сотни Хиросим.

«Не грызи орехи эти! —
Стон идёт из-под земли. —
Сгинут собственные дети!» —
«Ни хрена! Зато на свете
Передохнут москали!»

Фантастичные моменты
Дарит XXI век:
У соседей в президенты
Рвётся недочеловек!

2014

В НИКУДА

Мой пёс застыл и смотрит в никуда.
За горизонт свергается звезда.
На русском небе что-то происходит,
Что не происходило никогда.

Пёс смотрит в никуда до одуренья,
Являя сверхъестественное зренье
И, запредельным слухом обостряясь,
Улавливает гибельную связь.

Шерсть на его загривке встала дыбом,
Пасть полыхнула пламенем и дымом.
Поворотясь ко мне, он говорит:
«Галактика соседняя горит...»

2016

4 6 2 7 0 8 5 3 1 0 0 1 3

